

«СОДРУЖЕСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ—ВОТ ОДНО ИЗ САМЫХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ПОРОЖДЕНИЙ НАШЕЙ ЭПОХИ, ФАКТОР, КОТОРЫЙ НАЛАГАЕТ ВСЕ БОЛЕЕ ЯРКИЙ И НЕИЗГЛАДИМЫЙ ОТПЕЧАТОК НА ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ ЖИЗНЬ».

Из речи товарища Л. И. Брежнева на VII съезде ПОРП.

СОЛИДАР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (2528)

20 ДЕКАБРЯ 1975

Во время встречи в Варшаве.
Телефото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС)

НОСТЬ

9 декабря в Варшаве состоялась встреча Генеральных секретарей и Первых секретарей Центральных Комитетов коммунистических и рабочих партий социалистических стран, участвовавших в работе VII съезда Польской объединенной рабочей партии.

Во встрече приняли участие: Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии Т. Живков, Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар, Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Э. Хонеккер, Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбал, Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Э. Герек, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии Г. Гусак.

Руководители братских партий обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития сотрудничества социалистических государств, а также обсудили актуальные международные проблемы.

Встреча прошла в атмосфере дружбы, полного взаимопонимания и характеризовалась единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

11 декабря в Москву из Варшавы возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, возглавлявший делегацию Коммунистической партии Советского Союза на VII съезде Польской объединенной рабочей партии.

Встреча на Белорусском вокзале.
Фото А. Гостева

НА СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КУБЫ

14 декабря по приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы на I съезд КП Кубы из Москвы в Гавану отбыла делегация Коммунистической партии Советского Союза в составе члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова (глава делегации), кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова, секретаря ЦК КПСС К. Ф. Катушева, первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунова, заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова.

В состав делегации входит также посол СССР в Республике Куба Н. П. Толубеев.

На аэродроме делегацию провожали товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, А. Я. Пельше, Б. Н. Пономарев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, К. У. Черненко, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС Л. М. Замятин, О. Б. Рахманин, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС В. С. Шапошников, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

В числе провожавших был временный поверенный в делах Республики Куба в СССР Хулио Пуэрта Кирога.

На снимке: проводы на аэродроме.

Фото С. Косырева.

ДОГОВОР ПРОДЛЕН

По приглашению главы государства и премьер-министра Республики Афганистан Мухаммеда Дауда Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный 9—10 декабря 1975 года находился с официальным дружественным визитом в Республике Афганистан.

Во время визита имели место переговоры и беседы между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и главой государства и премьер-министром Республики Афганистан М. Даудом.

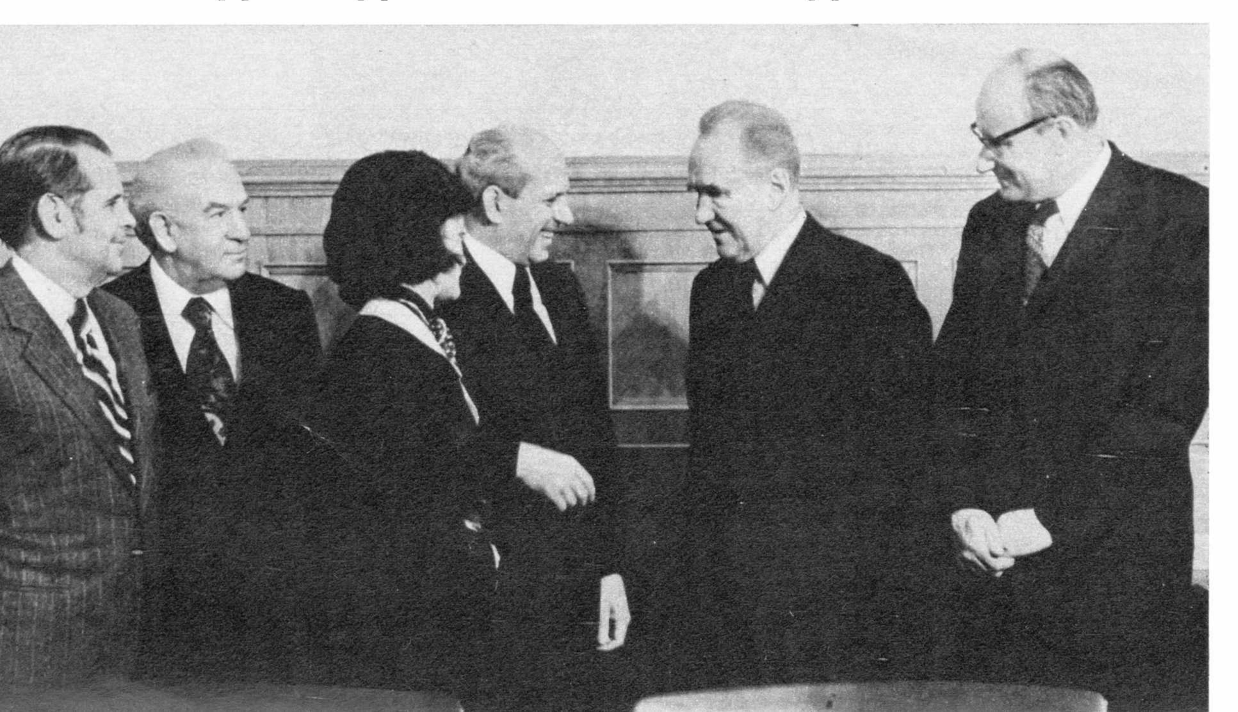
В переговорах приняли участие сопровождающие Н. В. Подгорного официальные лица, а также государственные деятели Республики Афганистан.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и глава государства и премьер-министр Республики Афганистан Мухаммед Дауд подписали протокол о продлении срока действия Договора о нейтралитете и взаимном ненападении от 24 июня 1931 года.

Визит Председателя Президиума Верховного Совета СССР в Республику Афганистан и состоявшийся полезный и плодотворный обмен мнениями явились новым вкладом в дело дальнейшего развития и укрепления дружбы и разностороннего сотрудничества между Советским Союзом и Республикой Афганистан.

На снимке: после подписания документов.
Фото специального корреспондента «Огонька» Ю. Кривоносова

В ДУХЕ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

По приглашению Советского правительства с 8 по 11 декабря в СССР находился с официальным дружественным визитом заместитель Председателя Союзного исполнительного веча, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ, член Президиума ЦК СКЮ М. Минич.

Помимо Москвы, М. Минич и сопровождающие его лица посетили Минск, где ознакомились с достижениями советского народа в коммунистическом строительстве. Югославским гостям повсюду был оказан теплый, радушный прием.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял М. Минича и имел с ним беседу.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и М. Миничем состоялись переговоры, в ходе которых были рассмотрены вопросы двусторонних советско-югославских отношений, а также состоялся обмен мнениями по важнейшим международным проблемам.

Беседа и переговоры проходили в обстановке дружбы, взаимопонимания и откровенности.

На снимке: во время приема А. Н. Косыгиным М. Минича.

Фото А. Гостева

ВПЕРЕДИ—НОВАЯ ПЯТИЛЕТКА

Москва. 10 декабря в Большом Кремлевском дворце открылась вторая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва. Депутаты России собрались обсудить задачи развития народного хозяйства республики в 1976 году.

Продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова.

Сессию открыл Председатель Верховного Совета РСФСР депутат В. А. Котельников.

Утверждается повестка дня:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1976 год.
2. О Государственном бюджете РСФСР на 1976 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1974 год.
3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

С докладом по первому вопросу выступил заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР депутат Н. И. Масленников.

С докладом о Государственном бюджете РСФСР на 1976 год и об исполнении Государственного бюджета республики за 1974 год выступил министр финансов РСФСР депутат А. А. Бобровников.

На снимке: в зале заседания сессии.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 348 (20952) ● Воскресенье, 14 декабря 1975 г. ● Цена 3 коп.

Сегодня публикуется проект ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

ЦК КПСС постановил провести обсуждение этого проекта в партийных организациях, на собраниях трудящихся и в печати.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О проекте ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»

1. Одобрить проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

2. Опубликовать в печати проект ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» 14 декабря 1975 года.

3. Провести обсуждение проекта «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» в партийных организациях, на собраниях трудящихся и в печати.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. БРЕЖНЕВ

Проект ЦК КПСС к XXV съезду

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР НА 1976—1980 ГОДЫ

ГОРЯЧЕЕ ОДОБРЕНИЕ!

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ...

Высокие патриотические чувства вызывает у всех тружеников Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе Проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Каждая строка здесь проникнута заботой о жизни советских людей, о процветании нашей социалистической Родины.

Опубликование этого документа совпало с праздничными для нашего предприятия днями: к рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим завода с приветствием обратились Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР. Огромную радость вызвало сообщение, что завод имени Серго Орджоникидзе награжден орденом Ленина за большой вклад его коллектива в досрочное выполнение заданий девятого пятилетнего плана и обеспечение народного хозяйства страны высокопроизводительным оборудованием.

За эту пятилетку наш завод дал промышленной продукции на сумму более 187 миллионов рублей, изготовил около четырех с половиной тысяч станков, 154 автоматические линии. Так станкозаводцы боролись за выполнение решений XXIV съезда КПСС.

Впереди — новая пятилетка. Мы хорошо понимаем, что лучшим ответом на приветствие ЦК КПСС и Совета Министров СССР, на высокую награду Родины, на те задачи, которые ставит перед станкостроителями Проект ЦК КПСС к XXV съезду партии, будет наш самоотверженный труд.

Станкозаводцы решили до конца 1975 года выпустить сверх заданий пятилетнего плана продукции на сумму более 7 миллионов рублей, в том числе две автоматические линии. Это наша сегодняшняя забота. А вглядываясь в день завтрашний, коллектив уже сейчас ставит перед собой задачу досрочно завершить и следующую, десятую пятилетку.

Ю. ФОМИЧЕВ,
секретарь парткома Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе

НОВЫЙ СМЫСЛ СТАРЫХ ТРАДИЦИЙ

В проекте «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» поставлена большая задача перед работниками эстонского сельского хозяйства: увеличить среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства на 17—20 процентов, углубив его специализацию на молочно-мясном животноводстве и беконном свиноводстве.

Развитие мясо-молочного хозяйства для Эстонии — процесс естественный, традиционный: на протяжении нескольких веков сельское хозяйство здесь складывалось именно в этом направлении благодаря обилию лугов и пастбищ с сочными травами.

За годы социалистического строительства уже успело забыться отчаянное сражение с болотистой и каменистой землей, что вел эстонский крестьянин на протяжении веков. На месте клочковатых полей — плодородные просторы, все меньше становится одиноких хуторов. По всей республике строятся центральные колхозные усадьбы с городским уровнем бытовых удобств, неизмеримо облегчен теперь крестьянский труд. Решающие изменения условий труда на полях и фермах связаны с восьмой и девятой пятилетками. Особенно значительны были достижения в девятой пятилетке. Поголовье скота на фермах республики выросло на 23 процента — на 120 тысяч голов. При этом надо помнить, что эстонское молочное стадо за годы двух последних пятилеток стало чистопородным и высокоудойным. Удои за девятую пятилетку увеличились на 300 килограммов от каждой коровы и достигли к концу пятилетки 3500 килограммов. За минувшие пять лет были построены крупные механизированные животноводческие фермы. Сейчас на производство центнера молока, мяса и свинины затрачивается вдвое меньше усилий, чем в начале восьмой пятилетки.

Вырос и материальный уровень жизни эстонских крестьян. В девятой пятилетке в наших селах были построены 600 тысяч квадратных метров благоустроенного жилья, новые детские учреждения, клубы, столовые.

В десятой пятилетке мы будем продолжать совершенствовать ранее достигнутое, уже основательно проверенное жизнью.

Харальд МЯННИК,
министр сельского хозяйства ЭССР

КУРС НА ДЕСЯТУЮ!

«...Обеспечить в 1980 году выпуск 2,1—2,2 миллиона автомобилей, в том числе 800—825 тысяч грузовых. Увеличить производство автобусов для общественного транспорта, автомобилей большой грузоподъемности, прицепов и полуприцепов к ним». Так записано в Проекте ЦК КПСС к XXV съезду партии.

Нам, автомобилестроителям, придется крепко поработать, чтобы справиться с этим заданием.

Бригада термистов, которую я возглавляю, уже вступила в десятую пятилетку — 18 июля мы выполнили свое пятилетнее задание, а 9 октября — план 1975 года. И качество обеспечили высокое — 98 процентов продукции сдаем с первого предъявления. Девятая пятилетка будет мне памятна еще и тем, что меня наградили орденом Трудовой Славы III степени.

Сейчас мы внимательно изучаем проект «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», изучаем для того, чтобы по-хозяйски осмыслить то, что нам поручает партия, и найти резервы, которые обеспечат успешное выполнение десятой пятилетки.

Анатолий СИЛКО,
бригадир термистов рессорного цеха Минского рессорного завода

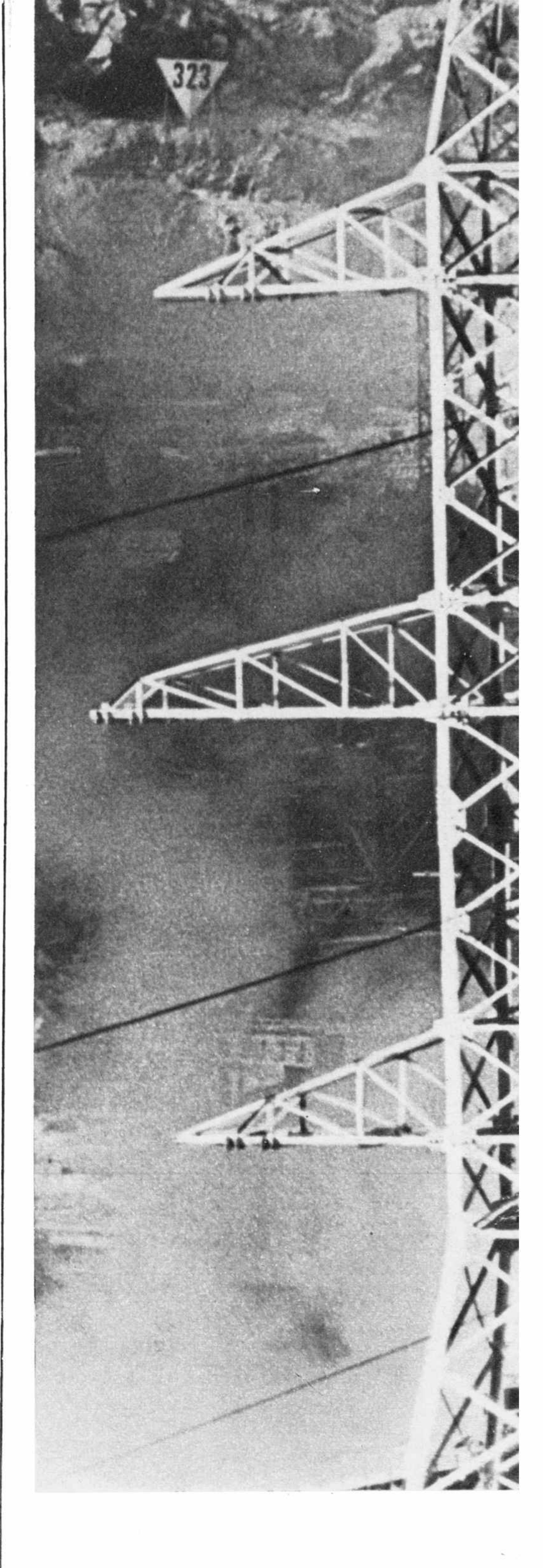
ДОСТИГЛИ РЕКОРДНОЙ ВЫРАБОТКИ

Сейчас комсомольско-молодежный коллектив рыбоконсервного плавучего завода «Иероним Уборевич» работает далеко от родных берегов. Но где бы ни был советский человек, он всегда живет единой жизнью с Родиной. В воскресенье, 14 декабря, мы услышали по радио новый программный документ нашей партии — Проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Партия проявляет большую заботу о специализированном развитии всех районов нашей огромной страны. Нас, дальневосточников, особенно радует то, что партия уделяет огромное внимание нашему краю. Перед нами поставлена ясная и конкретная задача: «Увеличить улов рыбы, добычу морепродуктов, производство пищевой высококачественной рыбной продукции в расширенном ассортименте».

Плавучий завод «Иероним Уборевич» уже работает в счет десятой пятилетки. Встав на предсъездовскую вахту, наши обработчики достигли рекордной выработки — изготовили в сутки по 700 тысяч учетных банок консервов. Такого еще не достигал ни один коллектив плавучих заводов. Это наш трудовой ответ на Проект ЦК КПСС к XXV съезду партии.

Н. ЦВЕТИКОВ,
капитан-директор, лауреат Государственной премии СССР

Передано по радио.

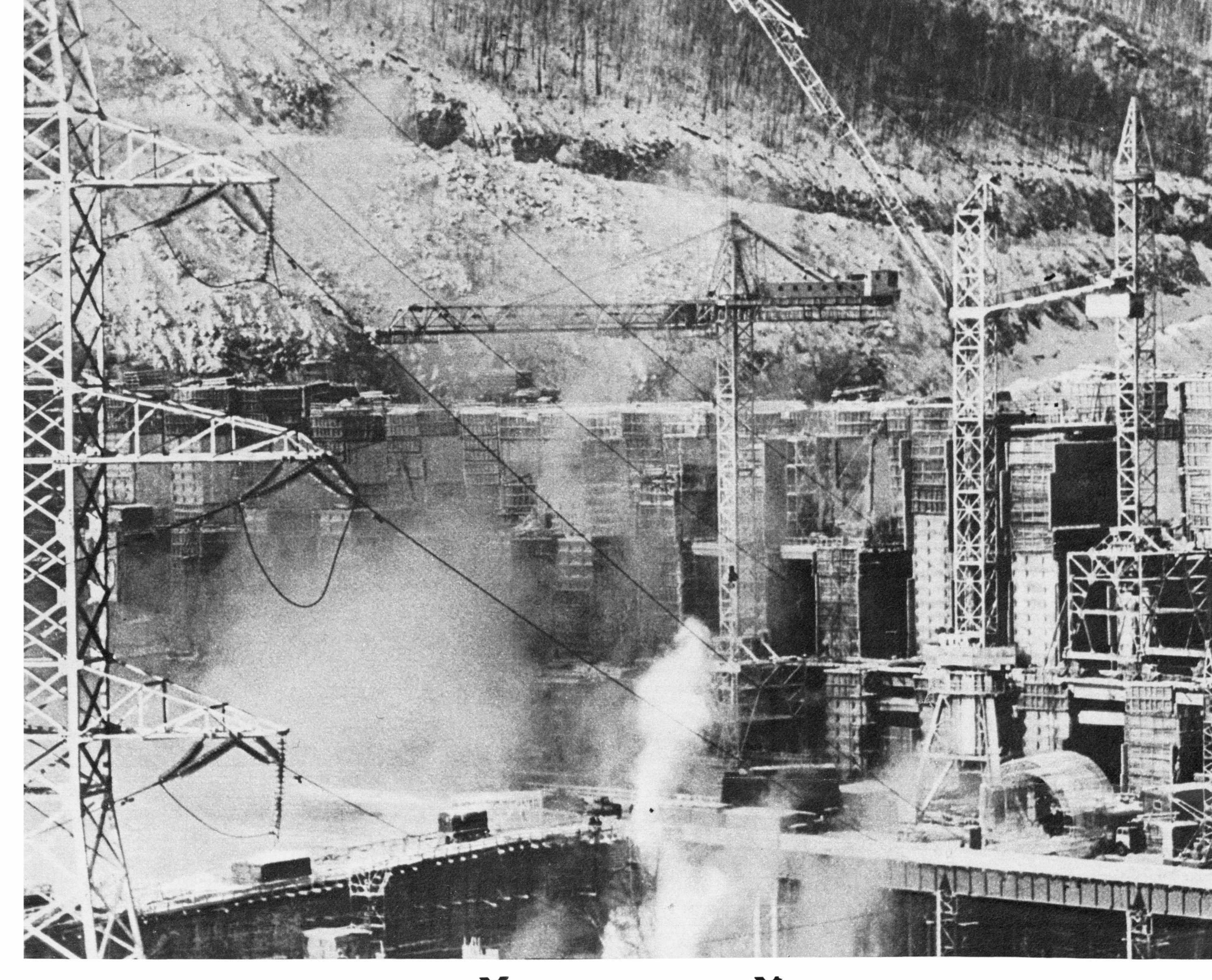
«ЗАВЕРШИТЬ СООРУЖЕНИЕ ЗЕЙСКОЙ ГЭС, РАЗВЕРНУТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО БУРЕЙСКОЙ ГЭС...»

Из проекта «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

В. КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Зея лежит под нами. С самолета река у города Свободного кажется тихой, безропотной. Но я помню Зею злой, ревущей, все сметающей на своем пути. Почти каждый год во время паводков жители города вставали на борьбу с коварной рекой, но не всегда побеждали. И Зея заливала город.

ЕСТЬ ЗЕЙСКИЙ ТОК!

Статистики подсчитали, что за период с 1901 по 1966 год на Зее было 32 наводнения. Самое сильное из них пришлось на 1928 год. Тогда река снесла 160 населенных пунктов, разлилась в низовье на двадцать — двадцать пять километров и почти полностью затопила города Свободный и Благовещенск.

Не мог человек мириться с коварством реки. Стали подумывать о том, как усмирить ее и поставить на службу людям. Первые изыскания на Зее «Гидроэнергопроект» провел в начале тридцатых годов. Были проверены самые удобные места для строительства гидроэлектростанции между горными хребтами Тукурингрой и Соктаханом, у города Зеи. Но в те годы стране было еще не под силу браться за строительство ГЭС на дальневосточной реке. Потом грянула война и надолго отодвинула срок закладки первого бетона в плотину. И вот наконец он пришел, этот праздничный час. В год 100-летия со дня рождения В. И. Ленина в тело плотины строящейся Зейской ГЭС был уложен первый кубометр бетона. А спустя два года газеты сообщили о большой трудовой победе гидростроителей. Зея была перекрыта досрочно, произошло это 13 октября в 12 часов 33 минуты. И вот снова пришел праздник к подножию Тукурингры и Соктахана.

...В городе, названном именем реки, безветрие, сильный мороз. На улицах флаги, транспаранты в честь торжества. Вдоль берегов плывут белые туманы. Это пар стоит над Зеей: прокрутив турбины, река не может успокоиться, замерзнуть. Сквозь туманные разрывы видны краны и первые металлические опоры линии в 220 киловольт, по проводам которой подается электрический ток от гидростанции.

27 ноября нынешнего года надолго останется в памяти дальневосточников: в этот день выполнено решение XXIV съезда КПСС — энергетики поставили под нагрузку первый агрегат Зейской ГЭС. Река, приносившая людям зло, с этого дня стала работать на человека. В 14 часов по местному времени первая крупная ГЭС на Дальнем Востоке дала промышленный ток.

В строительстве Зейского гидроузла широко использованы новейшие достижения науки и техники. Промышленный ток дает агрегат с турбиной диагонального типа, позволяющей ему одинаково хорошо работать как при повышенном, так и при пониженном напоре воды. Диагональная турбина мощностью в 215 мегаватт применена здесь впервые. Массивно-контрфорсная бетонная плотина — высота которой по окончании работы достигнет 115 метров, а длина 709 метров — тоже первая в нашей стране.

Сегодня, когда Сибирь уже сияет огнями гидростанций, настала очередь и Дальнего Востока. Краю, очень быстро развивающемуся, поможет энергия рек. Потом будет еще одна ГЭС — на Бурее. В ближайшее время к месту строительства Бурейской ГЭС выезжает группа гидростроителей.

...Над Зеей туман, сильный мороз. Над Зеей идет большая работа. Действует, начиная окупать вложенные в строительство средства, первый агрегат, трудятся гидростроители. Трудятся для того, чтобы поскорее Зейская ГЭС вошла в число крупнейших гидростанций мира.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

15 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылся IV съезд писателей Российской Федерации, подводящий итоги большого творческого труда многонациональных отрядов прозаиков, поэтов, драматургов, литературных критиков, публицистов, творцов детской и юношеской литературы.

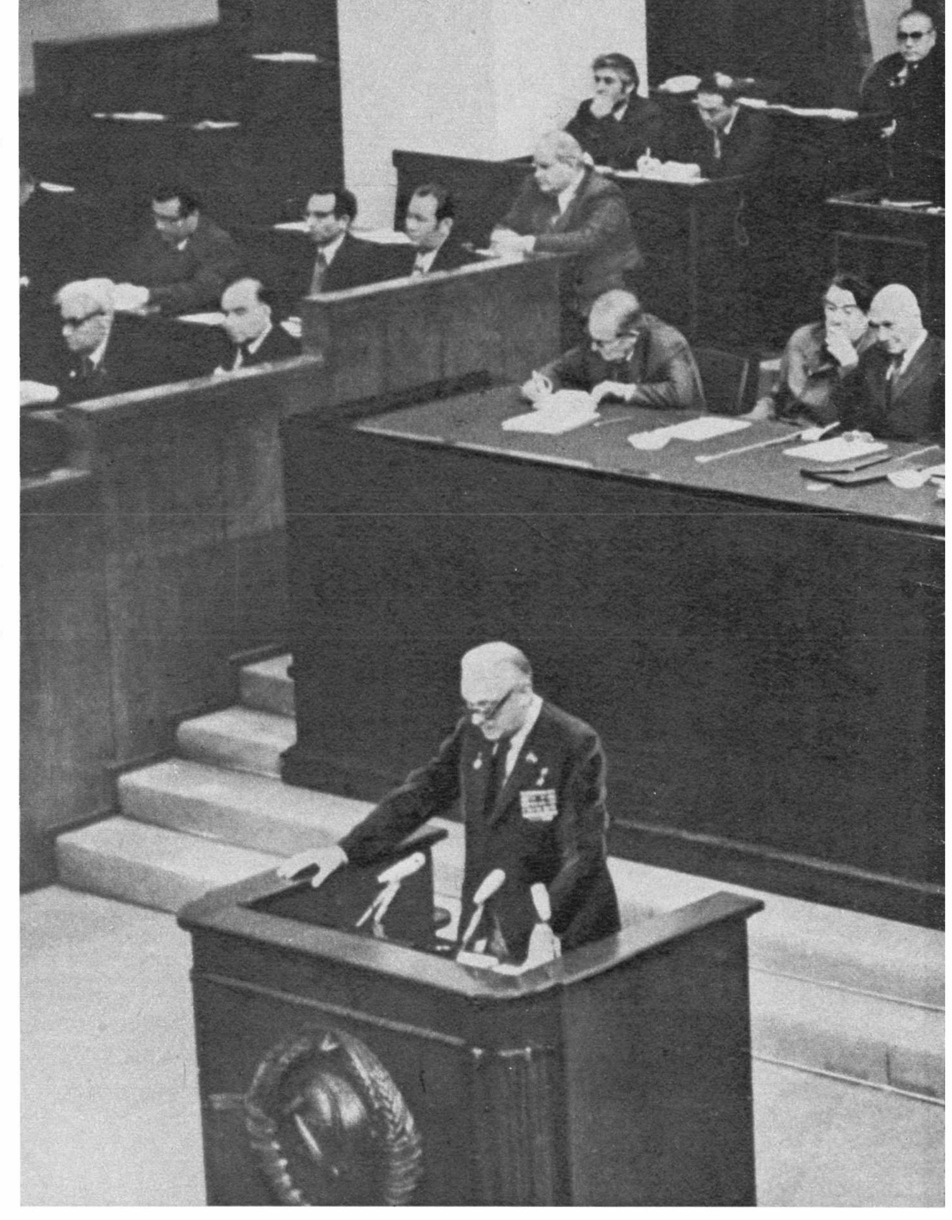
Делегаты и гости съезда горячими аплодисментами встретили товарищей В. В. Гришина, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

С большим подъемом был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищем Л. И. Брежневым.

Утверждена следующая повестка дня: отчетный доклад правления Союза писателей РСФСР, доклад ревизионной комиссии, выборы руководящих органов Союза писателей РСФСР, выборы делегатов на VI Всесоюзный съезд писателей.

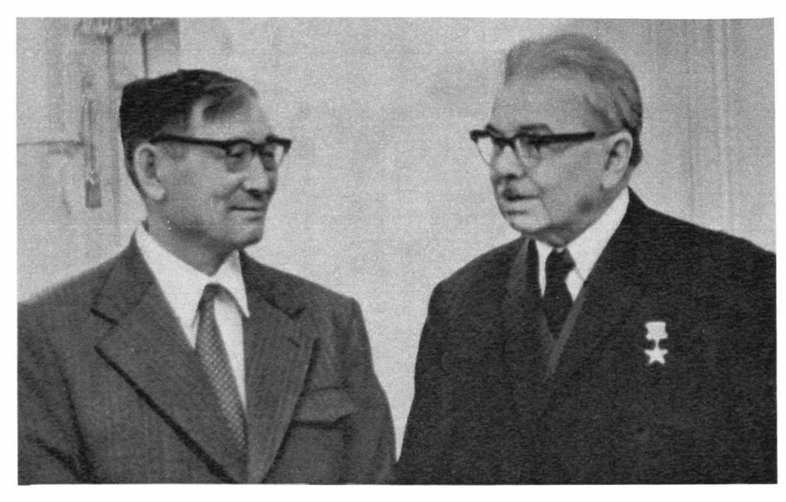
С докладом «Российская литература на новом этапе коммунистического строительства» выступил председатель правления Союза писателей РСФСР Сергей Михалков.

В докладе был дан всесторонний анализ развития российской литературы за последние годы и подчеркивалось, что внимание Центрального Комитета КПСС, всей партии явилось гарантией воплощения в жизнь решений XXIV съезда партии в области литературы и искусства. В грядущей десятой пятилетке, которую Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев назвал пятилеткой качества, вопросы качества труда должны быть, сказал докладчик, и в основе проблем искусства и культуры. Читатель ждет от советских писателей произведений сильного идейного и художественного накала.

Президиум IV съезда писателей РСФСР.

IV СЪЕЗД ПИ

М. Жигжитов и Л. М. Леонов.

К. Кулиев, В. Субботин, В. Звездаева и М. Дудин.

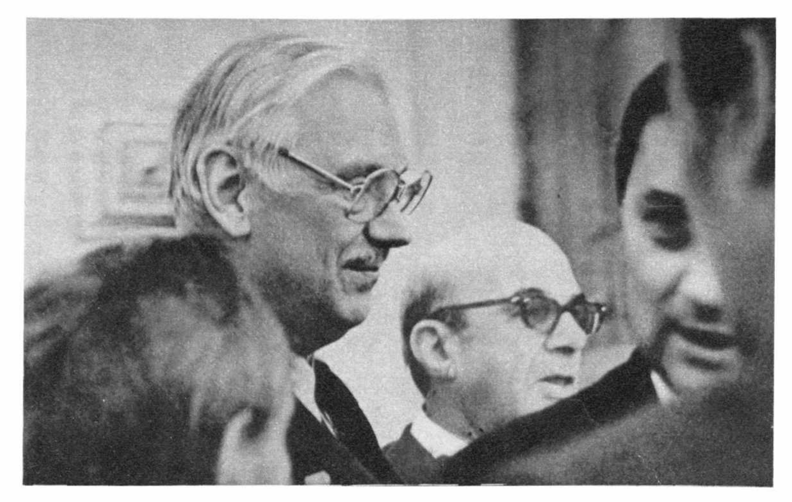
С. Викулов, А. Чаковский, С. Шуртаков.

Р. Гамзатов и М. Луконин.

САТЕЛЕЙ РОССИИ

С. Михалков среди участников съезда.

А. Балакаев, Ч. Намжилов, Б. Сангаджиева.

А. Ананьев, Б. Полевой, А. Барто и А. Дементьев.

Я. Ухсай и М. Карим.

ИЗ ИСКРЫ ВОЗГОРИТСЯ ПЛАМЯ...

С. ТИТАРЕНКО,
доктор исторических наук

Эта строка из написанного от имени всех декабристов А. И. Одоевским стихотворного ответа Пушкину на его послание в Сибирь стала эпиграфом к ленинской газете «Искра». Ее первый номер вышел 75 лет назад, 24 декабря 1900 года, в Лейпциге.

Много воды утекло с тех пор. Много глубоких изменений произошло в нашей стране и во всем мире. Однако не меркнет слава «Искры», сыгравшей огромную роль в истории освободительной борьбы российского пролетариата вообще, в истории партии большевиков в особенности.

Когда подходило к концу XIX столетие и на пороге стоял век XX, всех мыслящих людей волновал вопрос: каким он будет, что принесет? Не многие тогда предвидели, что это будет век грандиозных социальных революций, век перехода человечества от капитализма к социализму.

В числе этих немногих — и самым прозорливым — был Владимир Ильич Ленин. В 1899 году, находясь в сибирской ссылке, он писал, что насущнейшая задача русских социал-демократов — создание партии, призванной организовать классовую борьбу и руководить этой борьбой, конечная цель которой — завоевание рабочим классом власти и создание социалистического общества.

Несколько позже, в 1901 году, Ленин произнесет многозначительную фразу: «...Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» Под такой организацией он подразумевал партию рабочего класса.

Как же можно было создать единую организацию, которая представляла бы и отстаивала интересы всего российского пролетариата? Ведь в России не существовало никаких политических свобод для трудящихся. Царское самодержавие беспощадно подавляло всякое проявление свободной мысли, не говоря уже об организациях.

Что рабочему классу нужна была партия, это понимали многие социал-демократы и раньше. Но как можно создать устойчивую организацию в условиях абсолютистского режима? Такую задачу до Ленина никто не мог решить. Мысль о том, что создание партии возможно лишь посредством всероссийской нелегальной газеты, впервые была высказана Лениным. План газеты, ее характер, ее назначение (коллективный пропагандист, агитатор и организатор) Ленин продумал до деталей в той же своей сибирской ссылке.

«Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея,— писал в своих воспоминаниях Г. М. Кржижановский.—...Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях по возвращении в Россию. Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата,— вот что было в центре его аргументации. Мне, признаться, на первых порах показалось, что он переоценивает роль такой партийной газеты...

Жизнь показала всю правильность намеченного Владимиром Ильичем пути».

Да, жизнь, революционная практика целиком подтвердили всю прозорливость и дальновидность ленинского замысла. Газета «Искра», печатавшаяся за границей и переправлявшаяся в Россию так называемыми агентами «Искры» — отважными профессиональными революционерами, расходилась по фабрикам и заводам, по учебным заведениям и сельским местностям.

«Искру» доставляли И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман, И. Ф. Дубровинский, Р. С. Землячка, М. И. Калинин, В. З. Кецховели, Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, И. И. Радченко, Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова, А. Д. Цюрупа... Идейным вдохновителем и редактором газеты был Ленин.

Такой газеты еще не знало революционное движение. Она обращалась к рядовому рабочему и крестьянину, к революционеру, уже прошедшему школу самоотверженной борьбы, и к начинающему свою общественно-политическую деятельность студенту, к солдату и офицеру царской армии. Она разъясняла значение и смысл происходившей в стране и на международной арене освободительной борьбы, призывала людей становиться под красное знамя.

В газете публиковались самые разнообразные материалы — от глубокой статьи по вопросам марксистской теории до заметки на злободневную бытовую тему, волновавшую трудящегося человека. «Искра» откликалась на все и всяческие проявления произвола царских властей, бичевала эксплуататоров — капиталистов и помещиков, раскрывала источники их обогащения, разъясняла массам значение организованной и сознательной борьбы против экономического и социального гнета.

Все жанры, представленные на страницах газеты, были в конечном счете подчинены одному замыслу — сплочению социал-демократических организаций и комитетов на общей идейно-политической платформе, подготовке единой, централизованной пролетарской партии, способной в любых условиях руководить классовыми боями во имя свержения самодержавия и всевластия капитала. «Искра» громила оппортунистов, буржуазных соглашателей в российском и международном рабочем движении, разоблачала либеральных болтунов и фразеров, прививала рабочим социалистическую сознательность, уверенность в торжестве их правого дела.

На страницах «Искры» были разработаны ленинские идейные и организационные основы партии, обнародован проект Программы, на которой затем воспиталось целое поколение революционеров. «Искра» подготовила созыв Второго съезда партии в 1903 году, который и создал пролетарскую партию — партию нового типа, ленинскую партию большевиков, приведшую рабочих и крестьян нашей Родины к победе над царизмом, помещиками и капиталистами, к воплощению в жизнь великих социалистических идеалов.

ОТКРЫВАЯ МИР

Нам, участникам и гостям XVIII Международного фестиваля документальных и короткометражных кино- и телефильмов в Лейпциге, повезло: мы смогли увидеть почти весь мир за несколько дней. И смогли в полной мере осознать, сколь сложен он и сколь богат событиями, судьбами, борьбой и счастьем созидания, болью и страданиями людскими, радостью мирного бытия... Остро и неравнодушно воспринималась каждая кинолента — достоверный, порой страшный этой своей достоверностью документ, лишенный какого бы то ни было вымысла, фальши.

180 кинофильмов из 56 стран было представлено на конкурсе. В год 30-летия Победы над фашизмом особенно волнующе звучали киноленты, посвященные этому событию, и среди них советский фильм «Шел солдат» (сценарий К. Симонова, режиссер М. Бабак), получивший золотой приз. Перед нами прошли судьбы людей, отдавших жизнь во имя высокой цели — счастья других поколений.

Во имя этой же цели работают и прогрессивные кинематографисты планеты, порой в нелегких и опасных условиях.

«Мы наблюдаем за атомной военной базой». Так называется японская кинолента. В течение восьми месяцев авторы фильма снимали американскую военную базу. Конечно, «гости», по-хозяйски расположившиеся в порту Иокосука, не подозревали о том, что за ними наблюдает недреманное око режиссера и оператора Ю. Усуда. А сегодня наблюдаем и мы, сидящие в зале... Нарочито спокойные, кажется, замедленные кадры возмущают, вызывая чувство протеста. Что делают там эти солдаты с безмятежными лицами? Кто дал им право вот так невозмутимо выгружать контейнеры с атомным оружием? Против кого оно?.. Против нас? Против Человека?..

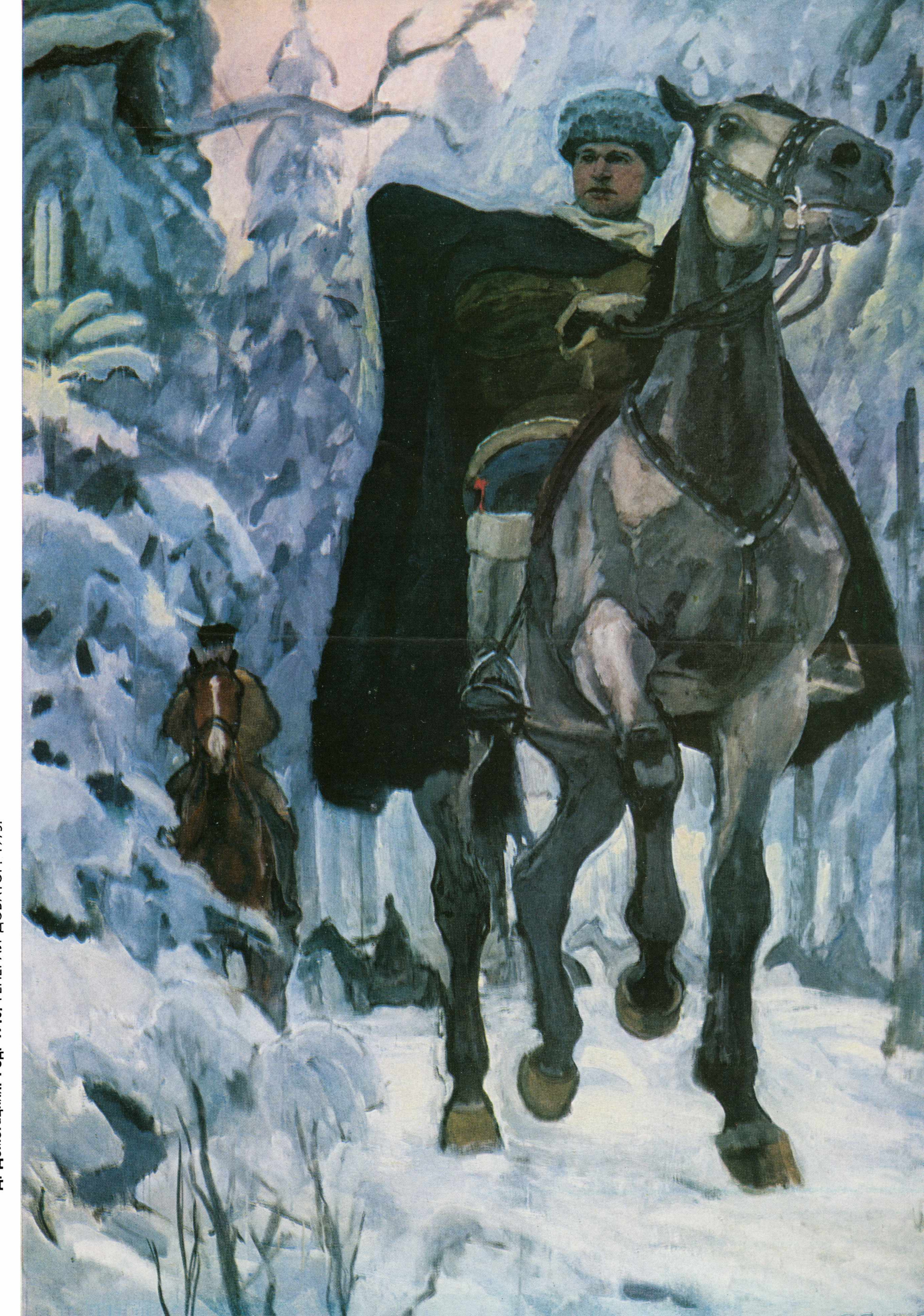
«Фильмы всего мира — за мир во всем мире» — таков девиз фестиваля в Лейпциге. Он оправдывает себя и тогда, когда перед нами проходят кадры, рассказывающие о бедственном положении рабочих в Италии, о преступлениях фашистской хунты в Чили, о страданиях народа Палестины, изгнанного из своих родных мест. И, конечно же, тогда, когда на экране— картины мирной жизни людей. Улыбающиеся дети Мали, пусть пока еще босоногие и оборванные, но уже накормленные и усаженные за парты; живописные полотна югославских рабочих, влюбленных в искусство; жители освобожденного Сайгона, наконец-то познавшие счастье мирного существования; молодые врачи Португалии, открывшие во дворце народную клинику...

Десятки кинолент, главной темой которых стало становление нового, свободного человека, выбор места в жизни.

В связи с этим хочется упомянуть картину А. Новогрудского и И. Григорьева «Открывая мир» — о молодом поколении советских работниц-ткачих, талантливых, преданных своему делу. Около двух лет провели авторы фильма с героинями своей ленты, добиваясь, чтобы они приоткрыли тайны своей профессии, своих характеров.

...Фестиваль закончен; участники разъехались по домам, а картины отправляются в путешествие по экранам и телеэкранам мира — во славу Человека, против насилия над ним, против войны, против фашизма.

Н. АЛЕКСЕЕВА

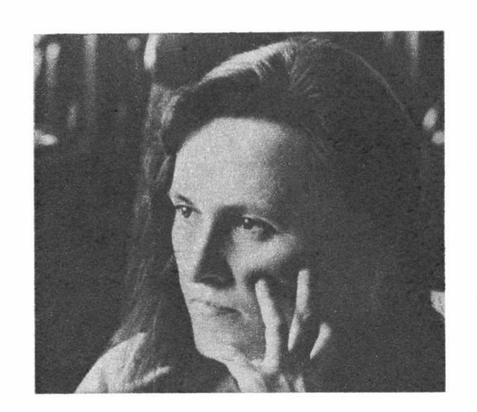

Д. Домогацкий. Род. 1910. ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР. 1975.

Л. Народицкий. Род. 1913. ТРЕВОГА. 1975.

БЕСПОКОЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Ирина ПАНОВА

ВЕСНА

Пока весна была мне впору,
повиновалась жизнь игре,
капели звонко пели хором,
ручьи кипели во дворе.

Мне было весело-тревожно,
мне было празднично-легко.
И все казалось невозможным,
пока была ты далеко.

Теперь весенняя усталость
меня легко сбивает с ног.
Когда нет сил, волнует малость,
стыжусь я собственных тревог.

Вчера в окно мне крикнул
ветер:
«Весна тебе не по плечу!»
Я поняла. И все же с этим
я примириться не хочу.

Хочу с ней встретиться на
равных
еще один разок хотя б.
И пусть потом считает раны
слезами смоченный октябрь.

●

Пусть столетий прошло немало,
но поэзии все не впрок.
Мир впервые воспринимают
обнаженные нервы строк.

Все впервые. Привычка, где ты?
Краски ярче, гроза сильней.
Над землею горят рассветы
на пороге у новых дней.

Беспокойное счастье жизни
силу звонкую даст словам
и живою водою брызнет,
юность чувств возвращая нам.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ В ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Тишина. В ней те, кто больше
ничего друзьям не скажет,
кто погиб под Курском, в
Польше...
Только память в нас о каждом,
не дожившем до рассвета,
не увидевшем рейхстага.
И звучит минута эта
как гвардейская присяга.

●

Воюя снова с непогодой,
сегодня ветер так свистит,
так наслаждается свободой,
как будто жил он взаперти,.
успев узнать, как могут стены
такое счастье, как полет,
отнять. И вот он, ждущий
перемены,
по стенам вновь наотмашь бьет.
Как долго мчался ветер,
споря!
Какие дали за спиной!

А мне все кажется, что море
шумит сегодня за стеной.

●

Быстро тропинка сползает в
овраги
и умывается в звонких ручьях,
ловко обходит большие коряги,
но спотыкается на мелочах.

Путников ждут узловатые корни
под прошлогодней пожухлой
листвой,
вот и смотрю я под ноги
покорно,
а не на облако над головой.
Вывела тропка к широкой
дороге,
гладок годами проверенный
путь —
можно идти и не глядя под
ноги,

можно спокойно на небо
взглянуть.

Все б хорошо, но исчезла
тропинка.
Странное что-то случилось со
мной:
вмиг позабыв про ушибы,
заминки,
я загрустила о тропке лесной.

●

На небе пусто ночью поздней,
стучится дождь ко мне в окно.
А я соскучилась по звездам,
я их не видела давно.

Когда купалась ночь в их свете,
я на земле искала путь.
Могла я звезды не заметить
и в небо даже не взглянуть.

Казалось мне, еще успею.
Все будет завтра, как вчера.
Земля все та же, но над нею
слепые бродят вечера.

Мне стало вдруг необходимо
звезду найти хотя б одну.
Но, как назло, все ветры мимо.
Туман опять прилип к окну.

ИВУШКА

Было в Москве, а не в городе
Энске.
Здесь, от гостиницы невдалеке,
старые ивушки по-деревенски
ветви свои полоскали в реке.

Делали это по-бабьи привычно,
чуть наклонясь над проточной
водой.
Радовал сердце пейзаж
необычный
негородскою своей красотой.

Выросла за год из камня
ограда,
стала виднее закатная даль...
Если таким переменам не рада,
значит, старею? Мне ивушек
жаль.

●

Опять тополиные почки
привычно творят чудеса,
и ветер весеннюю почту
разносит по всем адресам.

Над гулким кружась переулком,
влетает он в окна домов
и дарит и мыслям и звукам
осколки запутанных снов.

Минуты несбывшейся встречи
и тени несказанных слов
меня приглашают на вечер
под свой обвалившийся кров.

Я знаю, в том доме открыто
добро разбавляется злом.
И то, что казалось забытым,
толкнет меня острым углом.

Вхожу. Пробираюсь на ощупь.
Хвалю осторожность шагов.
Напрасно. Войти сюда проще,
чем выбраться без синяков.

А все — тополиные почки,
весеннего дня чудеса
да ветер, что новую почту
по старым несет адресам.

●

Весна сквозь тучи ломится,
кончается зима.
Такое вдруг припомнится,
что удивлюсь сама.

Тропа темнеет лыжная.
Забыв про холода,
несется по булыжникам
веселая вода.

Приходится мне жмуриться
от солнечных лучей.
Смеется на всю улицу
проснувшийся ручей.

Тетрадь худеет чистая,
и снова за мечтой
куда-то к дальней пристани
корабль идет пустой.

Чтоб все надежды смутные
стать ясными смогли,
над ним ветра попутные
вновь песню завели.

Найти ответы важные
бывает нелегко.
Кораблики бумажные
уплыли далеко.

НАДЕЖДА

Да, я не верю в чудеса,
но не хочу с тобою спорить.
Увидев пропасть, каждый сам
найти старается опору.
Пусть ненадежна и тонка,
пусть на соломинку похожа,
но если есть она в руках,
то в сердце есть надежда тоже.

БЕСКОЗЫРКА ДЛЯ ВСЕВОЛОДА ВИШНЕ

Сегодня Всеволоду Вишневскому было бы 75. Итогом его замечательной жизни стали книги, пьесы, фильмы; к ним будут возвращаться многие поколения. Но живы и те, с кем он работал, встречался за праздничным столом. К одному из них, народному артисту СССР Ефиму Дзигану, редакция обратилась с просьбой поделиться воспоминаниями о друге.

— С чего начать?.. Может, с апреля 1934 года?

Меня вызвали к директору киностудии. Он сообщил, что специальная комиссия по рассмотрению сценариев отвергла «Мы из Кронштадта». Мы с Всеволодом не были допущены на обсуждение, не могли разъяснить свой замысел, выступить в его защиту. Решение было вынесено. Обжалованию не подлежит.

— Почему? — спросил я директора.

Он показал решение комиссии. Читаю и глазам не верю: «В произведениях Вишневского мрак и биологизм. Наш зритель не поймет и не примет такого фильма».

Я шел со студии по набережной и думал. Какой стороной повернется теперь наша судьба? Неужели большая работа Всеволода и все значение прихода в кинематограф этого драматурга, чье творчество отмечено силой революционной убежденности, партийной страстью, яркостью таланта, будут перечеркнуты?.. И почему же я все-таки упорно добиваюсь права снимать именно его сценарий, почему пришел именно к Вишневскому?..

Но тогда надо вернуться назад еще дальше.

1920 год.

Наш отряд едет на фронт. Я комендант эшелона. На крышу вагона, где размещается штаб, забрались моряки-балтийцы. Они поют под гармошку, отплясывают чечетку, грохочут прикладами винтовок. Мне приказано очистить крышу от непрошеных попутчиков, но ни увещевания, ни угрозы на моряков не действуют. Тогда, выхватив наган, я сказал, что буду стрелять. Братва кубарем скатилась с крыши, окружила меня. К счастью, поезд тронулся. Моряки снова полезли на крышу, а заодно и меня затащили. Мы подружились.

О них, краснофлотцах гражданской, была написана «Оптимистическая трагедия»... Пьеса эта меня захватила, и я пришел к Вишневскому. Тогда жил он в проезде Художественного театра, в двухкомнатной квартирке. В углу комнаты стояла тумбочка, где хранились боевые реликвии: три солдатских Георгия (он очень гордился ими и в торжественные дни носил их вместе с советскими орденами); немецкая каска, осколки снарядов... Всеволод Витальевич сидел в полутьме, склонившись около радиоприемника. Рядом, на круглом столике, лежала раскрытая клеенчатая тетрадь. Мое предложение о постановке «Оптимистической» в кино он выслушал спокойно.

— Чем привлекает кинематограф эта пьеса?

Я ответил, что кинематограф способен вынести действие далеко за пределы сцены: на корабли, на натуру, придать действию грандиозный масштаб.

Вишневский молчал. Наконец ответил:

— Делать сценарий по пьесе не буду. Она написана специально для театра и построена по принципам театральной драматургии. Я не принадлежу к числу авторов, которые пишут роман, потом из него делают пьесу, сценарий, либретто для балета. Если хотите, я напишу вам новую вещь.

Я обрадовался.

— Тоже о моряках?

— Конечно. Это самая дорогая и близкая мне тема.

С того дня началась наша долгая дружба. Удивительно легко было работать с ним. Он доверял людям, вместе с которыми работал. Это — драгоценнейшее качество. При режиссерской разработке фильма я выкинул куски, которые Всеволоду очень нравились. Он называл их «внутренними монологами». Это были мечты моряков, а может, их воспоми-

В. Вишневский и Е. Дзиган. Краснодар, 1938 год. Публикуется впервые.

ВСКОГО

нания: в каком-то порту они идут в кабак и затевают грандиозную драку с иностранными матросами; на берегу их встречают красавицы чуть ли не всех национальностей... Вишневский спросил: «А почему ты это выкинул?» Я ему объяснил. «Тогда все правильно. Если режиссер не видит сцену, он ее никогда хорошо не снимет. Поэтому ты еще раз посмотри сценарий, если есть сцены, которые ты не видишь своим режиссерским глазом, ты мне скажи, и я (это было его любимое выражение) детонирую».

Творческая реакция Вишневского была мгновенной, и он был блестящим импровизатором. Помню его выступление в Союзе писателей — эмоциональное, взволнованное... Когда он читал, как матросов вели на казнь, у него по щекам катились слезы. Потом он вдруг откладывал рукопись и начинал проигрывать целые эпизоды. Так было, например, с «псковским» солдатом... Он мог заворожить любую аудиторию, убедить, зажечь людей.

В 1936 году мы вместе совершили большую поездку по странам Европы: побывали в Чехословакии, Франции, Англии... Вишневский много выступал, и каждое его выступление пополняло ряды друзей нашей страны. А знаменитые радиоречи Вишневского в блокадном Ленинграде!.. Я помню его выступления на Кировском заводе, во флотских экипажах. Говорил он без записей, чуть хрипловатым голосом, его мысли опережали слово, они клокотали в нем. Начинал он медленно, стиснув зубы, потом разгорался его яростный темперамент, и он говорил убежденно, страстно; бойцов охватывало стремление ринуться в бой. Они верили каждому слову Всеволода Витальевича, человека огромного личного мужества.

Когда наш флот был вынужден оставить базу в Таллине, фашистская авиация подвергла его жесточайшей бомбардировке; море кипело от взрывов. А Вишневский стоял на палубе с записной книжкой и, посматривая на часы, хладнокровно фиксировал хронику боя.

Да, он был настоящим солдатом революции. Все, что касалось военных проблем, интересовало его чрезвычайно; да и вся его жизнь была неразрывно связана с армией и флотом. Четырнадцатилетним мальчишкой он бежал на империалистическую, за храбрость награжден тремя Георгиями; в гражданскую он матрос легендарного корабля «Ваня-коммунист», пулеметчик Первой Конной; потом финская и, наконец, Великая Отечественная — с первого до последнего дня...

Бывая у него дома, я часто заставал его у радиоприемника. Слушает, потом что-то быстро запишет в дневник мелкими, цепляющимися друг за друга буквами. Его необъятная память мгновенно и прочно схватывала услышанное, увиденное, выстраивая в несокрушимую логическую цепь. Наверное, поэтому он видел дальше многих: в 1940 году, когда мы с женой гостили у Вишневского на даче, он сказал нам: «Ребята, война на носу, давайте хоть в этом году повеселимся...»

Встречались мы часто. Особенно когда он переехал в Лаврушинский переулок: я жил неподалеку, на Большой Полянке. Телефонным звонкам Всеволод предпочитал письма. Однажды, когда мы работали над «Первой Конной», я написал ему письмо карандашом. Он тут же ответил: «Ефим, очень прошу тебя, пиши чернилами. След карандаша хранится недолго».

Сильный, широкоплечий, он сам был рассчитан надолго, и всему, что им написано, тоже суждена долгая жизнь, будь то пьеса, повесть, сценарий... Его творчество всегда отражало узловые события истории народа, эпохи; он разворачивал их широко, умея создавать в повествовании огромный социальный фон. Он искал и находил связь личности с историей. В одном из писем он писал мне: «Ни на секунду не забывай об общечеловеческом... Оно в «Кронштадте» было понято и в Москве, и в Мадриде, и в Нью-Йорке, и в Шанхае... Почему? Потому, что были эпические страсти, события, борьба народа и его сынов, простых людей, за свою честь, свободу, идеи... Это в эпоху войн и революций и есть общечеловеческая тема».

Вишневский упорно искал такие формы драматургии, которые способны были бы выразить драматизм и героику борьбы народа, столкновение масс. В советской литературе ближе остальных ему был Погодин. Но как часто на труднейшем его пути не хватало внимания, доверия к его таланту... Сегодня об этом тоже нельзя забывать. Как я уже писал, с первых же дней нашей работы над «Кронштадтом» мы попали под жесточайший критический обстрел. Орден Ленина, Государственная премия, «Гран-при» в Париже на Всемирной выставке — все это пришло потом... Единственно, что поддерживало нас в то трудное время,— это отношение моряков Кронштадта, воинов Севастополя, больших военачальников: заместителя наркома обороны Я. Б. Гамарника, командующего Черноморским флотом И. К. Кожанова, адмирала И. С. Исакова...

В 1966 году я пришел в кинотеатр «Художественный», на вечер, посвященный тридцатилетию фильма «Мы из Кронштадта». Под звуки фанфар в зал внесли боевые знамена, а с фотографии улыбался мой друг, с которым столько вместе пережито...

С того памятного вечера я храню подарок балтийцев — матросскую бескозырку с золотыми буквами на черной ленточке: «Мы из Кронштадта».

Как радовался бы ей Всеволод!..

Солдатское счастье хранило Вишневского от пуль и снарядов. Но человек смертен... Бессмертным его делают наша память и наша любовь.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДМИЛЫ ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

Страстное служение

«Областью личного счастья» поэтично и точно назвала Людмила Татьяничева в одном из стихотворений свою причастность к заботам, радостям и тревогам нашего времени, к высокой борьбе за идеалы будущего.

У каждого поэта — свой круг читателей, своя, настроенная на его «волну» аудитория, и чем шире диапазон его голоса, значительнее проблематика стихов, масштабнее мировосприятие, тем отзывчивее на песню поэта людские сердца и души, тем глубже воздействие на них его творчества.

Ценители поэтического слова Людмилы Татьяничевой — это те, кто именуется в литературных обозрениях «широким читателем». Те, кого не очень-то соблазнишь необычной рифмовкой, крикливой фразой, броским сравнением. Те, кто видит в поэте прежде всего мудрого, задушевного собеседника, ведущего с ним разговор на равных о самом главном — о судьбах человеческих, о жизни. Привыкшие свершать свой ежедневный трудовой подвиг, они и на работу поэта смотрят как на труд, родственный их труду — повседневный, основательный, честный.

В одном из стихотворений Людмила Татьяничева признается:

Я не ждала от жизни привилегий.
Считала счастьем быть такой,
как все.

Не случайно ее поэзия по сердцу людям простой трудовой биографии. Ее добротный стих исключает всякую позу, неискренность, неестественность интонации. Размышляя об истоках своей родословной, Татьяничева пишет:

Ни в летопись,
Ни в громкие былины
Он не был вписан, мой безвестный
род,
Но он уходит в тот массив
глубинный,
Название которому —
Народ!

Взращенная огневым Уралом, она принесла в нашу советскую поэзию огромную, неисчерпаемую тему. Исподволь, ненавязчиво вошел в ее стихи неповторимый облик Урала, где «реки — сини, горы — сини и в синих отсветах металл». Она органична для Татьяничевой — тема индустрии, тема рабочего класса. Поэтесса четко осознает, что писать о рабочем классе — значит оценивать события с позиции хозяина своей страны, принимающего все происходящее в мире как личное, кровное дело, смотрящего на явления жизни с высоких классовых позиций.

Хорошо сказала Татьяничева:

Свой шаг выверяя —
Каждый,
Бросая призывный клич,
— Что рабочие скажут? —
Пытливо думал Ильич...
...Знаю,
Еще не однажды
Пронижет сердце насквозь:
— Что рабочие скажут? —
Как совесть
Прямой вопрос.

Если выделить главное в творчестве Людмилы Татьяничевой, можно сказать: оно радует своей целостностью.

И в годы поэтического становления и в пору расцвета своего яркого дарования она не меняла своих привязанностей, не изменяла основам глубинной ненавязчивой гражданственности. Татьяничева — поэт одной любви, одной страсти.

Вероятно, у каждого поэта есть свой желанный, заветный берег, куда в продолжение всей жизни стремится его душа. Мне думается, что в продолжение долгих лет творческого горения Татьяничева искала особой емкой выразительности, искала секретов эмоциональной открытости, предельной искренности. В лучших стихотворениях она нашла этот сплав лирической задушевности и гражданственной страстности.

За плечами поэтессы — десятилетия напряженного труда, десятки книг. Людмила Константиновна Татьяничева встречает свой добрый юбилей в расцвете душевной молодости и таланта.

Юрий ПАНКРАТОВ

ГВОЗДИ

Елена СЕРЕБРОВСКАЯ   Рассказ   Рисунок Е. ШУКАЕВА

Железный стерженек, заостренный с одного конца и слегка расплющенный в цоколе с другого. Изящная и целесообразная вещь — гвоздь. Ничего лишнего, и при этом законченная, грациозная форма.

Кто изобрел гвоздь и когда? Имени не назовут даже ученые-историки материальной культуры. Когда — скажут с точностью до нескольких столетий. Кто-нибудь добавит, что нынче строят без гвоздей, всюду камень, бетон. И нисколько не пошатнут этим наше уважение к гвоздю, не затронут ощущения нужности этой маленькой вещицы в повседневной жизни.

В самом деле: пока в жилье нет гардероба — вбей в стену три гвоздя, вот и выход. Нет стульев — и гвоздь поможет тебе сколотить из досок немудрящую скамью. Да что там говорить! Недаром же в ходу такие выражения: гвоздь сезона, гвоздь программы. Серьезная штука — гвоздь.

Они лежат на прилавках в коробках: то мелкие, сверкающие, словно иглы какой-то сказочной железной елки, то длинные, вроде сосновых иголок. А вот толстенькие, крупные гвозди. Они почти не блестят, им это ни к чему. Они говорят сами за себя. Нужная вещь, это знает каждый.

Их продают на вес. Я всегда восторгалась тем, что за несколько копеек можно купить горсть этих замечательных вещиц. Случалось, что в продаже трудно было найти гвозди подходящего размера. А чем заменить? Клеем? Веревочкой?

Однажды плотник, уплотнявший доски пола у нас на кухне, заметил, как загорелись мои глаза при виде мелких сверкающих гвоздочков, припасенных им для того, чтобы смастерить полочку. Я объяснила, что нигде не могу купить именно таких, всюду продают покрупнее.

— Берите, сколько вам надо,— сказал он, жестом миллионера придвигая ко мне кулек из плотной коричневой бумаги.

Я бережно взяла маленькую щепотку. И он догадался: я знала им цену. Не ту, денежную, ничтожную. Нет, настоящую цену.

Среди тех, кто помог мне понять, что такое гвоздь, есть и немец из города сталеваров Эйзенхюттенштадта.

Родился он в Веддинге, одном из боевых рабочих районов Берлина. «Красном Веддинге»— так пелось в песне. Он прожил долгую жизнь и ничем не замарал доброе имя рабочего. Но только не замарать — этого тоже мало. Звание пролетария надо оправдать. В нашем столетии оно стало самым высоким званием.

Могильщик капитализма? Ох, как это непросто! И слова эти о рабочем классе, но еще не о каждом рабочем в отдельности.

Жизнь человека, о котором я говорю, была прекрасна. Он всегда боролся. В пору Веймарской республики — против капиталистов и наци. В Испании—против врагов ее свободы и в конечном счете против фашизма. В нацистском лагере Заксенхаузен снова против фашизма, а значит, всегда против власти ненавистного капитала. В молодой Германской Демократической Республике — против всех ее врагов, открытых и замаскированных.

Но вот человек заболел. Дух человеческий в борьбе крепчает, но суровые испытания изнашивают тело. Человек стал болеть, а тут приближалась особенная дата — сто лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина. И что же, так ее ничем и не отметить?

Он и прежде собирал почтовые марки, посвященные Ленину и ленинскому делу. Собирал их давно, собирал между прочим, не отвлекаясь от более важных забот. А теперь у него оказалось много свободного времени.

Это кончилось выставкой, его подарком к торжественной дате. Марки рассказывали о биографии вождя трудящихся, о его семье, родных. Они рассказывали о его жизни этап за этапом, а значит, о важных событиях истории. Потому что этот великий человек работал как бы строителем истории. Он не побоялся взять на себя ответственность за то, чтобы изменить жизнь людей, повернуть ход истории. Он хорошо знал, что в одиночку никто этого сделать не сможет. Но вместе... Он учился у народа и учил его. И воспитал тех, кто с ним вместе поднял и организовал силы народа.

Вот о чем рассказывала эта удивительная выставка. Но не только о прошлом. На стендах были ленинские марки не одного Советского Союза, но и многих других стран, где рабочий класс тоже взял власть в свои руки. А это значит... Впрочем, каждый понимает, что означает высокое уважение народов к создателю первого государства рабочих и крестьян.

Конечно, когда болеешь, возможности твои ограниченны и не так уж много можешь ты сделать. Но его маленькую выставку посетили тысячи людей, и всем она доставила радость.

— А при чем тут гвозди?—спросит читатель.— Какое отношение имеют они к славной жизни этого рабочего?

Самое прямое. Все началось именно с гвоздей. Когда он был еще несмышленым пареньком и пулял камнями по воронам, отец подозвал его однажды вечером и насыпал полную горсть гвоздей. Они были крупные и средние, кривые и ржавые, со следами извести и красного кирпича.

— Бери и выпрямляй, чтобы стали как новые,— сказал отец и глазами повел на тяжелый молоток с крепкой деревянной ручкой.

Выпрямляй! Легко сказать. Парнишка осторожно клал их на асфальт, а они входили туда, как в масло. Пробовал на полене: одни выпрямлялись, другие впивались в дерево. А третьи ускользали в сторону, и удар приходился по пальцам.

Весь красный от натуги, со сбитыми пальцами, парнишка в душе проклинал отцовскую причуду. Вот выдумал! Уж не дом ли строить собрался? Карманы пустые, есть нечего, а он заготавливает гвозди...

Так размышлял паренек, дуя на пальцы. В эту минуту подошел отец и прочитал на лице своего сына все его недоуменные мысли.

— Ничего, ничего, научишься. Эти гвозди очень нужны. Слышал, наверное, о России? Там рабочие прогнали царя и своих фабрикантов, сами стали править страной. А страна у них большая и вся разорена: война уже несколько лет, и со всех сторон на них нападают капиталисты. Заводы стоят, все разрушено. Надо восстанавливать, строить. А это без гвоздей невозможно, соображаешь? У них гвозди сейчас — главнейшая вещь! И кто им поможет, если не мы, рабочие других стран?

— А как ты им передашь?

— А я не один... Отправим со знакомыми моряками и железнодорожниками. Солидарность.

Вечером на их кухню приходили друзья отца. И каждый вываливал на пол горку гвоздей. Каких только там не было!

Побитые пальцы болели, но как весело, лукаво поблескивали глаза отцовских товарищей! Хитер ты, проклятый капитал, но мы похитрее.

И парень стучал молотком, выпрямляя и выпрямляя старые гвозди, и ловко нагружал ими ящички, подготовленные отцом. Ящички куда-то исчезали, а отец улыбался себе в усы. Руки парня стали ловчее, пальцы теперь совсем не болели...

Вот и все.

Может, рассказ следовало назвать «Марки»? Ведь ленинская выставка почтовых марок в молодом рабоче-крестьянском германском государстве — это тоже штука непростая...

И все-таки все началось с гвоздей.

И. БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза

ПОД ГРОХОТ СОТЕН БАТАРЕЙ

На днях моему фронтовому товарищу генерал-полковнику артиллерии, Герою Советского Союза Николаю Михайловичу Хлебникову исполнилось восемьдесят лет.

С Николаем Михайловичем я познакомился осенью 1943 года, когда он возглавлял артиллерию 1-го Прибалтийского фронта. Первая же операция, которую я проводил как командующий фронтом, убедила в справедливости лестных отзывов, которые мне приходилось слышать о генерал-полковнике Хлебникове раньше. Он отлично спланировал и провел крупное артиллерийское наступление, которое обеспечило успешное продвижение вперед наших войск, закончившееся разгромом сил противника под Городком. Потом было много других сражений, и все они — будь то форсирование с ходу Западной Двины в Белорусской операции, прорыв в Прибалтику или оборонительное сражение под Шяуляем, — несмотря на свою боевую специфику, имели и одну общую черту: везде артиллерия фронта, возглавляемая Николаем Михайловичем, действовала одинаково мощно, умело, с поистине математической точностью.

В громадном, как тогда говорили, «хозяйстве» Хлебникова насчитывалось иной раз до десяти тысяч артиллерийских и минометных стволов, свыше ста тысяч солдат и офицеров. Это сотни полков: гаубичных, пушечных, минометных, зенитных, реактивной артиллерии. Это полки разведывательно-корректировочной авиации, разведывательные дивизионы и дивизионы аэростатов воздушного наблюдения. Это полевые склады с различным оборудованием и тысячами тонн боеприпасов, артиллерийские мастерские, которые передвигались за войсками на автомашинах и по железным дорогам. Наконец, это ремонтные заводы прифронтовой зоны, работавшие для нужд артиллерии фронта.

Словом, «хозяйство» сложное, подвижное, разбросанное на пространстве в сотню километров, среди лесов, болот, больших и малых рек, часто в полном бездорожье. Для того, чтобы руководить им, нужны не только обширные познания, не только громадная энергия, острый ум и крепкая хватка. Здесь требовался еще и талант крупного организатора. Николай Михайлович обладал всеми этими качествами, и потому артиллерия 1-го Прибалтийского всегда с честью выполняла задания командования.

В августе — сентябре сорок четвертого года, после освобождения Белоруссии, войска фронта, нанеся глубокий рассекающий удар в Прибалтике, отрезали от Восточной Пруссии немецко-фашистскую группу армии «Север». Пытаясь восстановить разорванные коммуникации, противник бросил против нас мощный бронированный кулак — до тысячи танков и самоходных установок и крупные силы пехоты с артиллерией. Завязалось длительное и ожесточенное сражение, которое в памяти его участников осталось как «шяуляйско-елгавское танковое побоище».

И если под Шяуляем и Елгавой генерал Хлебников показал себя мастером артиллерийского маневра, то позже, под Кенигсбергом, он и руководимые им артиллеристы утвердили себя также мастерами штурма мощнейших долговременных укреплений.

В годы войны мне не раз доводилось видеть Николая Михайловича в трудных ситуациях. Могу засвидетельствовать: это человек завидного мужества. Не броская у него храбрость. Спокойная, естественная, я бы даже сказал, добродушная — та самая, что испокон веков отличала русского солдата.

Хочу рассказать только об одном эпизоде, который произошел в последний день июля сорок четвертого года. 51-я армия нашего фронта, которой командовал генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер, завершила бои по освобождению Елгавы. Мы с Николаем Михайловичем выехали на командный пункт Крейзера, чтобы ознакомиться с положением на месте. Не застав там командарма, мы отправились следом в только что освобожденный город. В это время противник предпринял отчаянную попытку вернуть Елгаву и бросил в бой подкрепление, подошедшее со стороны Риги. Сражение разгорелось с новой силой. По дороге наши штабные машины попали под сильный огонь вражеских минометов. И нам вместе с охраной и сопровождающими сначала пришлось спасаться в придорожной канаве, а потом короткими перебежками под непрерывный грохот разрывов добираться до окраин Елгавы.

Когда мы, наконец, оказались на НП Крейзера, то поняли, что обстановка в городе чрезвычайно тяжелая. Противник цеплялся за каждую улицу, за каждое каменное здание. А из Риги все шло и шло подкрепление. Чтоб отрезать ему путь, нужно было прорваться на северо-восточную окраину города, захватить железнодорожный вокзал и мост через Лиелупе. Николай Михайлович тут же организовал артиллерийско-минометный удар по противнику, что помогло нашей пехоте и танкам решить задачу. К вечеру Елгава была полностью освобождена.

Когда мы возвращались к себе, Хлебников шутил, декламировал стихи, будто старался взбодрить и себя и всех нас после трудного, утомительного, полного смертельной опасности дня.

За городом дорогу нам преградил опущенный шлагбаум, у которого стоял солдат. Голова его была забинтована, а левая рука покоилась на подвязанном бинте. Увидев в машине двух генералов, он правой рукой стал подымать ствол толстой березы, служившей шлагбаумом, и одновременно ею же поддерживал автомат. Бревно со скрипом пошло вверх. Шофер включил скорость и двинул наш открытый вездеходик вперед. И вдруг что-то заскрежетало за моей спиной, раздались стон и сильный глухой удар. Я оглянулся. Между мной и сидевшим позади Хлебниковым лежало бревно. Я взглянул на бледного и морщившегося от боли красноармейца и все понял: он не удержал тяжелое бревно одной рукой и, стараясь предотвратить его падение, ухватился раненой, причинив ей невыносимую боль. Словом, бревно рухнуло вниз, и только чудо спасло нас от нелепой смерти. Я медленно вылез из машины и подошел к замершему бойцу. В его глазах стояли слезы. Стараясь улыбнуться, я похлопал его по плечу:

— Ничего, ничего, все в порядке,— и, повернувшись к подбежавшему адъютанту, готовому броситься на виновника происшествия, строго добавил: — Раненый не мог удержать шлагбаум. Он не виноват.

Некоторое время ехали молча. Вдруг за спиной раздался смех Николая Михайловича.

— Вы что? — спрашиваю.

— Вспомнил, — говорит, — случай. Примерно такой же.

— С кем?

— С Пушкиным...

И стал читать:

«Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид».

Это было так неожиданно, что я тоже рассмеялся от души, и уже совсем в другом настроении мы поехали дальше.

Таким собранным, спокойным в боевой обстановке приходилось видеть его не раз. И теперь, когда вышла книга генерала Хлебникова «Под грохот сотен батарей», в которой ярко описан пройденный им боевой путь за три прошедших войны, читатель убеждается, что за плечами автора воистину вся история Красной Армии. Его другом детства и юности был будущий прославленный комиссар Чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов.

В те суровые дни гражданской войны они стали большевиками и прошли боевой путь в Чапаевской дивизии. Здесь чапаевский артиллерист после гибели комдива получил первое ранение и первый орден Красного Знамени за первый подбитый им броневик. Вот когда закалялся характер, приобретался опыт и выявлялся талант будущего командующего артиллерией фронта.

Николаю Михайловичу Хлебникову уже восемьдесят. Всего только восемьдесят, потому он кажется неподвластен времени. И сейчас он весь в работе; свой опыт по защите Советского государства он отдает нашей молодежи: знакомит ее с героическим прошлым советского народа и его армии. И я должен сказать, что генерал Хлебников выполняет и эту задачу с тем же умением и той же энергией, которыми отличался на фронте.

Пройден большой боевой путь. И хочется в день 80-летия от души пожелать нашему старейшему артиллеристу, мужественному воину такой же бодрости духа и в дальнейшем.

ПРЕДТЕЧИ СВ

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

Что-то тревожное, смятенное и значительное чувствуем мы в рисунке из учебника истории, где неподвижные шеренги всадников с крестообразной перевязью на спинах зловеще окружили вздыбленный памятник, возле которого валятся под картечными залпами маленькие фигурки сгрудившегося строя. Тревожна толпа за конными шеренгами. Напряжены и те, кто с крыш деревянных строений приветствует собравшихся в центре площади.

Может быть, не так, а по-иному получает первое знакомство с декабристами каждое новое поколение, вступающее в жизнь. Но я хорошо помню, как мальчишками мы подолгу рассматривали этот загадочный рисунок, тщетно стараясь понять, где «белые», а где «наши».

В начале пути и знакомства с миром эти «наши» еще скрыты от мальчишеских глаз пеленой незнания да и исторической отдаленностью, насчитывающей ныне уже 150 лет с того 14 декабря, от которого гордо отсчитывает свой день рождения осознанное революционное движение России.

Потом мы все больше и больше узнаем о событиях на Сенатской площади, столетие спустя, уже после очистительной бури Октября, названной площадью Декабристов. В наше сознание входит заряженная электричеством декабризма пламенная поэзия Пушкина с пророчеством послания «В Сибирь» и ответ Александра Одоевского, полный гордого мужества и веры, не сломленных ни казематами Петропавловской крепости, ни устрашающей казнью лучших товарищей, ни тяжкой каторгой в сибирских рудниках:

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Потом к нам на помощь приходит Некрасов с его горькой правдой и неизбывной верой в русского человека, в силу, благородство, неисчерпаемость душевных сокровищ защитников народа и их преданных подруг, пожелавших добровольно разделить страшную участь «государственных преступников». На всю жизнь остаются в памяти слова княгини Трубецкой из поэмы «Русские женщины», звучащие, как клятва гордости, любви и убежденности:

«Нет! я не жалкая раба,
    Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
    Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
    Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
    Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
    Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
    Ему простила б я!..»

Из «Былого и дум» А. И. Герцена, из биографических стихотворений Н. П. Огарева узнаем мы, сколь значительно было потрясение в их молодых душах, связанное с лицемерием Николая I, беспощадно расстрелявшего зарю русской свободы из пушек, а потом отслужившего благодарственный молебен по случаю зверской казни вождей декабристов. Ненависть к этим пушкам и освящающим трусливость царизма алтарям привела на путь революции новые силы, одним из вождей которых стал разбуженный декабристами Герцен.

Знаменитая статья В. И. Ленина «Памяти Герцена», где дано замечательное определение места декабризма в истории нашего революционного движения, в обобщенном виде как бы венчает наше представление об этой замечательной когорте первых российских сознательно организованных революционеров:

«...Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало».

Да, дело их не пропало. И это хорошо знаем мы — советские люди, вступающие в последнюю четверть двадцатого века. И разве не замечательно, что ленинская «Искра», газета, сыгравшая столь важную роль в истории нашей партии и революции, с первого до последнего номера выходила с эпиграфом, взятым из стихотворения декабриста А. Одоевского: «Из искры возгорится пламя!»...

Дело их не пропало не только потому, что они первыми в истории нашей страны сознательно и бесстрашно вышли на открытую вооруженную борьбу против самодержавия и крепостничества. Несомненной исторической заслугой декабризма следует считать тот факт, что он является не одним лишь результатом тайной деятельности, не просто заговором военных для перемены способа правления, а общественно-политическим движением революционно настроенных представителей своего класса, создавшим широкую мировоззренческую основу, политическую и этическую платформу, оказавшую немалое воздействие не только на последующее поколение революционеров, но и на все развитие общественной мысли и культуры России.

Общественно-политическое течение декабризма, в котором объединились лучшие люди из дворян, появилось не случайно, сформировалось не сразу и с момента своего возникновения до окончательного разгрома в Петербурге и на Украине не было однородным по мировоззренческим основам и конечным своим задачам.

Декабристы справедливо считали себя «детьми 1812 года». Это несомненно, ибо подавляющее их большинство участвовало в великой Отечественной войне против Наполеона.

Многие из будущих декабристов сами отличались большой личной храбростью в действующей армии. И все они стали свидетелями, как простой народ, русский крестьянин, которому помещик каждодневно нес унижения, почитая за покорного и вечного раба, выказал гордую душу свою, проявил высокие образцы героизма и самопожертвования, ту великую ненависть к поработителям и любовь к Родине, которые в конечном счете определили полный разгром армии двенадцати языков непобедимого доселе Наполеона.

Победа и последовавшие за нею походы в Европу породили в разных слоях народа — у солдат, ратников-ополченцев, бывших партизан, передового офицерства — надежды на облегчение участи низших слоев, на освобождение от ярма крепостничества. Но наступившая затем полоса реакции внутри страны и сформировавшийся в Европе оплот самого матерого деспотизма — «Священный Союз» русского царя, короля Пруссии и австрийского императора — нанесли тяжелый удар по всем иллюзиям о «просвещенных» монархах, по всем надеждам на дарованные царем свободы.

Тогда и стали возникать сначала Союз спасения, затем Союз благоденствия, затем Северное и Южное тайные общества, в недрах и вокруг которых на протяжении многих (почти десяти) лет шли споры, поиски истины, разрабатывались планы преобразования, создавались политические трактаты, писались исторические исследования и художественные произведения, отражавшие и формировавшие идеологию декабризма.

* * *

Буржуазные историки, начиная от пресловутого барона М. Корфа, написавшего книгу «О восшествии на престол императора Николая I» практически по заказу самого палача декабристов, и кончая недавними и современными советологами типа М. Лазерсона, В. Зеньковского, Д. Гехта, утверждают, что декабризм, как и другие радикальные течения в России, возник в результате наносных иностранных влияний.

Конечно, национально-освободительные движения в Европе и Америке, передовая революционная мысль Запада сыграли немалую роль в формировании взглядов первых русских революционеров. В определенном смысле декабризм есть часть всеобщих революционных процессов конца XVIII и начала XIX века. Он испытывал на себе известные влияния и влиял сам. Но было бы непростительной ошибкой считать декабристов слепыми последователями зарубежных революционных идей. Послушаем, что на этот счет они говорят сами.

Декабрист Д. И. Завалишин в своих записках утверждал, что стремление к изменениям в России они вынесли не из чтения иностранных авторов, а из «данного положения государства и общества». Самостоятельность идей декабризма отстаивал в своих заявлениях на следствен-

ОБОДЫ

ной комиссии П. И. Пестель. Обо этом же писал в воспоминаниях И. Д. Якушкин. Поддерживая его, брат казненного Сергея Муравьева-Апостола, Матвей Иванович, говорил: «...Именно 1812 год, а вовсе не заграничный поход, создал последующее общественное движение, которое было в своей сущности не заимствованным, не европейским, а чисто русским».

Хорошо знавший в последние годы Матвея Ивановича В. Е. Якушкин писал в своих воспоминаниях: «Насколько бы сильным мы ни признавали европейское влияние в этом вопросе, нельзя не видеть, что указанное общественное движение исходило из данных русской жизни, основывалось на тех русских условиях, которые вызывали против себя естественный протест, имели целью изменить и уничтожить эти условия».

Самостоятельность политической и идеологической платформы декабристов, особенно их революционного крыла (П. Пестель, К. Рылеев, М. Лунин, Н. Бестужев, С. Муравьев-Апостол и другие), определяется не только радикальным республиканизмом, но и серьезной критикой современных им буржуазных порядков, экономического и политического строя передовых для того исторического периода государств.

Являясь непосредственными идейными преемниками А. Н. Радищева, декабристы вырабатывали свое мировоззрение в иных исторических условиях, когда капитализм окончательно укреплялся на Западе и стоял у ворот России, когда для наблюдения, анализа и выводов было уже гораздо больше возможностей, чем во времена Радищева.

Но даже революционное крыло декабристов при всей резкости обличений недостатков, глубине критики отдельных сторон капитализма не поднималось да и не могло подняться до его отрицания, выступая лишь за очищение путей «промышленного развития».

Стремясь к уничтожению феодально-крепостнической системы в России, декабристы ратовали за экономическую свободу, то есть в конечном счете за развитие буржуазных отношений. Все они — от правого крыла (Н. Муравьев, Н. Тургенев, С. Трубецкой) до К. Рылеева и П. Пестеля — считали частную собственность священной и неприкосновенной.

Даже в «Русской Правде» Пестеля — одном из наиболее радикальных документов декабризма — зафиксировано: «Все не могут быть богатыми», «Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо...»

Декабристы выступали за поощрение и развитие частной инициативы и свободы предпринимательства. «Каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли»,— писал П. Пестель.

Никто из декабристов не покушался на капитализм в целом, они справедливо рассматривали его как прогрессивный в сравнении с феодализмом и крепостничеством строй.

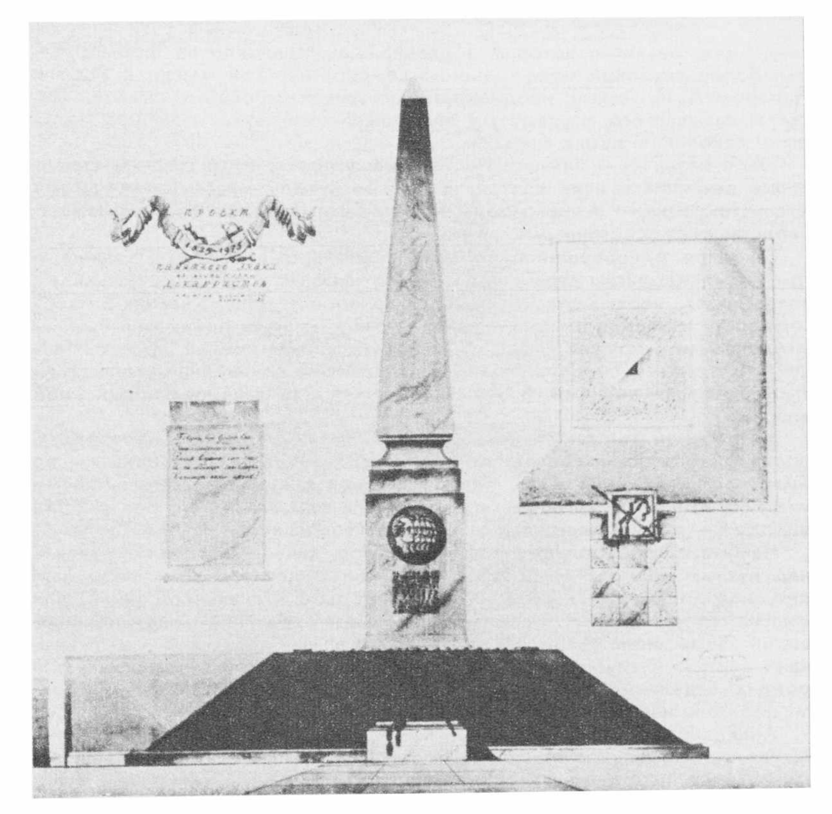
Однако уже начавшие проявлять себя на Западе противоречия капиталистического строя, нарушения экономической «гармонии», заставили насторожиться декабристов-мыслителей. Даже в среде наиболее умеренных было не так уж много слепых приверженцев капитализма. Что же касается левого крыла, то оно подчас вносило в свое понимание «экономической свободы» определенные демократические тенденции, резко критикуя эксплуатацию трудящихся и другие пороки капиталистического строя.

Спор умеренного и левого крыла декабристов в конечном счете сводился к спору о характере режима «экономической свободы», то есть фактически это — начало спора о путях развития капитализма в России: будет ли это путь решительной ломки феодально-крепостнических устоев или же это будет путь постепенного приспособления привычных порядков к нуждам капиталистического развития.

Упорная борьба вокруг конституции Никиты Муравьева была вызвана в известной степени как раз этим спором. Через призму этого спора можно рассматривать и различное отношение декабристов к тем или иным политическим институтам, к формам демократии. В первом варианте конституции Муравьева было требование высокого имущественного ценза. По словам Пестеля, в том проекте «права на должности в правлении и на участие в делах общих и государственных основаны были на богатстве... Сия ужасная аристократия богатств заставляла многих и в том числе и меня против его конституции сильно спорить».

Следует отметить особую позицию Пестеля по отношению к капитализму и буржуазной демократии. Пестель не понимал, что «полная и совершенная» свобода промышленности и торговли, за которую ратовали декабристы, не могла не вести к образованию «промышленного сословия», «аристократии богатств». Естественно, поэтому он впадал в противоречия, когда призывал «...меры принимать, дабы таковые сословия... сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязаны их уничтожать, ежели они где-либо существуют».

Однако это противоречие очень знаменательно, так как содержит

Проект памятного обелиска на месте казни декабристов в Петропавловской крепости.

Страница «Третьей масонской тетради» А. С. Пушкина.

тенденции, развитие которых в дальнейшем повлияло на формирование более глубокой революционно-демократической мысли в России. Недаром А. И. Герцен неоднократно указывал на особые позиции Пестеля, называя его «передовым застрельщиком», «указывающим молодому поколению путь к борьбе».

«Мне казалось,— заявлял Пестель на допросе,— что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве так и на правах наследственных основанными».

Глубокое и совершенно справедливое положение В. И. Ленина о том, что декабристы страшно далеки от народа, конечно, не означает, что идеологи первых русских революционеров не задумывались о необходимости изучения народа и даже влияния на него. Кондратий Рылеев и Александр Бестужев стремились влиять на настроение простых людей, особенно на солдатскую массу, специально сочиненными для этого агитационными песнями. В этом следует видеть зачатки агитационной работы.

Но рабочей доктриной декабризма была идея военного переворота, проведенного по возможности без развязывания кровопролития,— во имя освобождения народа, без обращения к его непосредственному участию. «Наша революция... произведется одной армией, без участия народа!» — прямо утверждал М. П. Бестужев-Рюмин.

Наиболее прозорливые из идеологов декабризма задумывались над путями возможной победы в борьбе с деспотизмом, задумывались над ролью народных масс в этой борьбе. Однако прозрение для многих наступило уже после разгрома выступления на Сенатской площади. Декабристы Н. Бестужев, Н. Крюков, И. Горбачевский высказывали верные и глубокие мысли, полные бесконечного уважения к народу, в отдельных положениях приближаясь к действительному пониманию роли народных масс в истории.

Анализируя реальные обстоятельства в государствах, освободившихся от феодальных порядков, теоретики декабризма с тревогой замечали, что народные массы не избавлены там от эксплуатации и политического бесправия. «...Во многих представительных государствах предоставлено участие в избирании представителей одним только богатейшим людям, за исключением большинства граждан. Таким образом, заменяет в тех государствах аристократия богатств аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых»,— писал П. И. Пестель.

Через призму положения основной массы народа прослеживается отношение декабристов к современной им демократии на Западе, в частности к государственному устройству Англии. Среди либеральных кругов дворянства существовало целое течение поклонников английского политического строя. Очевидно, им импонировали английские порядки с их формальными свободами и фактическим господством землевладельческой знати. Этих взглядов придерживались и умеренные декабристы, такие, как Н. Тургенев, Н. Муравьев, С. Трубецкой и другие.

Против «близоруких англоманов» резко выступало левое крыло декабристов. Так, К. Рылеев, хорошо знавший положение в Англии и США как видный служащий Российско-Американской торговой компании, критиковал их государственное устройство, означающее господство родовой или денежной знати над народом. Со свойственной ему убежденностью доказывал Рылеев на заседаниях тайного общества, что даже американская конституция не годится для России, а тем более английская, которая совсем устарела и «имеет множество пороков».

Наиболее полно отношение левого крыла декабристов к общественному устройству Англии высказал Н. А. Бестужев: «Британия едва ли не далее других от того, что должно почитать благосостоянием общим только по одному тому, что почти половина всего его народонаселения состоит из бедных». Не менее резко отзывается он и о политическом устройстве «мастерской мира», где богачи поставили правительство в полную зависимость и заставляют парламент устанавливать «хлебные законы», явно невыгодные «для большинства населения страны».

В первые десятилетия XIX века многие представители передовой России, не зная истинного положения дел в США, склонны были идеализировать заокеанскую республику, объявляя ее «раем либералов». Не отрицая роли США в тогдашней общественной жизни и достижений Североамериканских Штатов, некоторые декабристы выступали против такой излишней идеализации, продолжая традиции критической мысли Радищева.

Декабристы М. Лунин, А. Поджио, А. Беляев резко осуждали рабство негров в США, бесцеремонное обращение с аборигенами, акционерные спекуляции, которые спокойно совершались «гордыми республиканцами».

Нельзя не вспомнить при этом и позиции А. С. Пушкина, идейная связь которого с декабристами не вызывает сомнений. В рецензии на записки американца Джона Теннера великий поэт указывал, что более близкое знакомство с американскими порядками заставляет пересмотреть традиционное мнение о США как о государстве свободы. «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве,— писал Пушкин.— Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)». С негодованием говорил А. С. Пушкин о «рабстве негров посреди образованности и свободы».

Пушкин называет записки Джона Теннера драгоценными во всех отношениях и прежде всего потому, что «они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации».

Сила и самобытность мышления идеологов декабризма ярко проявились в том, что в поисках наиболее приемлемого по их замыслам политического устройства России после возможного переворота они смело анализировали экономическое и общественное лицо тогдашних государств Европы и Америки. Этот критический анализ составляет серьезный теоретический и научный потенциал декабризма, оказавший немалое воздействие как на само движение, так и на последующие поколения революционных мыслителей. Трудно даже представить себе, как далеко ушли бы в научных и литературных делах наиболее одаренные из декабристов. Ведь их деятельность была грубо прервана царизмом практически в самом начале творческого пути.

В одной статье невозможно проследить все аспекты теоретического и практического наследия декабристов, оказавшего плодотворное влияние не только на общественно-политическую мысль, но и на историческую науку (вспомним хотя бы имена Ф. Глинки, А. Корниловича, Н. Бестужева, П. Муханова, В. Штейнгеля, без трудов которых нельзя понять развитие русской историографии), на литературную атмосферу и практику (здесь достаточно назвать блистательную плеяду декабристов-писателей К. Рылеева, В. Кюхельбекера, А. Бестужева (Марлинского), А. Одоевского, без учета опыта которых не обошлись даже Пушкин, Лермонтов и Некрасов, не говоря уже о менее значительных творцах нашей литературы), на всю последующую жизнь задавленной царизмом России, которая в чем-то стала иной после героического подвига лучших своих сыновей 14 декабря 1825 года.

* *
*

Есть среди экспонатов Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде предмет особой ценности — ящичек друга поэта П. А. Вяземского, в котором хранятся пять крупных сосновых щепок. В запечатанном когда-то печатью Вяземского ящичке рядом с загадочными щепками найдена записка со словами: «Праздник преполовения. Прогулка с Пушкиным. 1828 год». Предполагают, что так бережно сохраненные Вяземским щепки подобраны им на месте деревянного эшафота, что был сооружен в ночь на 13 июля 1826 года для варварской казни пяти вождей декабристов.

Вот отрывок из письма Вяземского к жене, доставленного 18 апреля 1828 года: «Сегодня праздник преполовения, праздник в крепости. В хороший день Нева усеяна яликами, ботиками, катерами, которые перевозят народ... Мы садились с Пушкиным в лодочку... Пошли бродить по крепости и бродили два часа. Крестный ход обходит все стены и народ валит за ним... Много страшного и мрачного и грозно-поэтического в этой прогулке по крепостным валам и по головам сидящих внизу в крепости».

Если на Вяземского эта прогулка произвела столь сильное впечатление, то можно себе представить, как перепахала она чуткую, поэтически взволнованную душу Александра Сергеевича, впервые после восстания оказавшегося в крепости, да еще в непосредственной близости от места, где ненавистный ему царизм зверски расправился с великой пятеркой, чуть ли не каждого из которой он знал и любил.

Не случайно именно в 1828 году на полях рукописи «Полтавы» появились рисунки Пушкина с изображением виселицы на валу кронверка. Сохранился и другой рисунок А. С. Пушкина — силуэты казненных и виселица в «Третьей масонской тетради» и знаменитые строки: «И я бы мог как шут...» Именно по этим рисункам Пушкина в наши дни точно установлено место казни декабристов, которое не было известно ранее.

В честь 150-летия восстания декабристов скоро на этом святом для нас месте будет установлен мраморный обелиск с силуэтами тех, кто пал за свободу в первой открытой схватке революции с чудовищем царизма.

И казненные и заживо погребенные «во глубине сибирских руд» — это действительно «фаланга героев», как прекрасно сказал о них Герцен, «это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

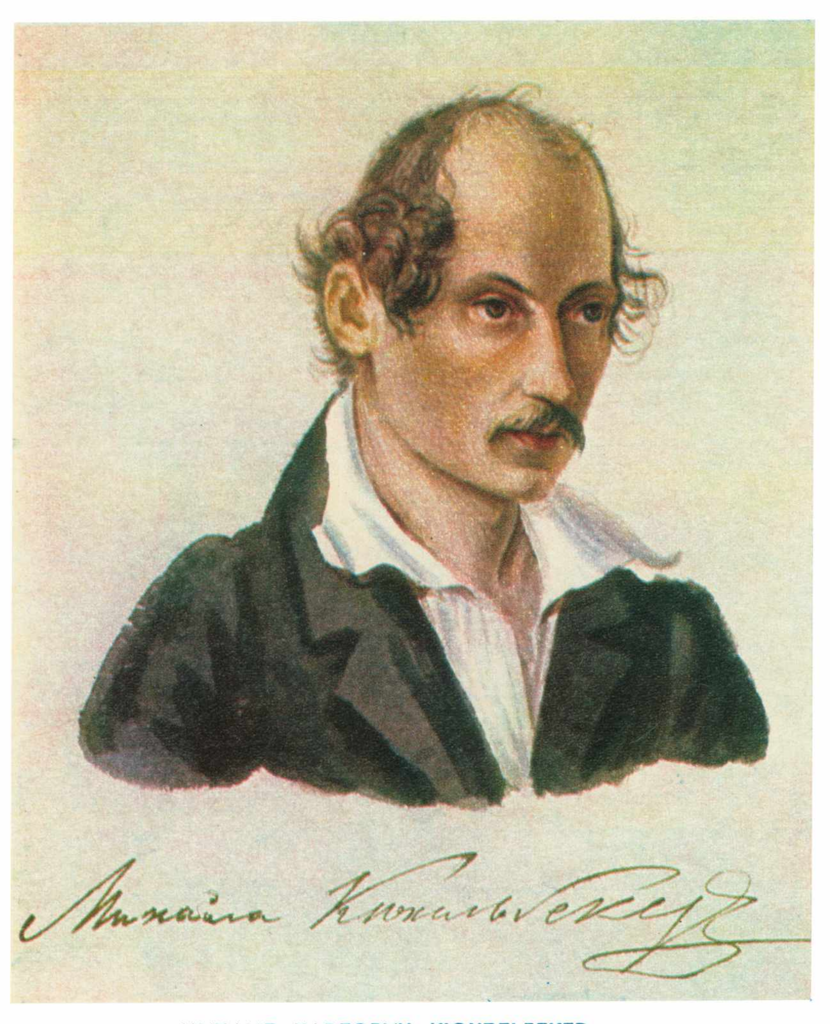
Но богатырями и героями были не только пятеро казненных и сто восемь блестящих представителей дворянства, брошенных затем на каторгу и в ссылку. Богатырями и героями были и те, в основном безвестные, солдаты гвардейских и Черниговского полков, которые, видя, что идут на смерть, вместе со своими офицерами бросили вызов царизму.

Это понимали и смогли по достоинству оценить наиболее мыслящие и демократичные представители декабризма. Уже после амнистии оставшихся в живых участников восстания И. Горбачевский писал в письме бывшему узнику князю Е. Оболенскому:

«Нас всех называют «декабристами»; это название укоренилось за нами, пошло в ход, и, вероятно, останется в истории. Но отчего-то забывают при этом о наших товарищах солдатах. Между тем они такие же «декабристы», как и мы. Правда, солдаты в массе своей слепо шли за своими командирами, не понимая их замыслов. Но ведь были же среди них и другие, которые действовали с полным сознанием цели, и титул «декабристов» принадлежит им в той же мере, как и нам».

Минуло 150 лет с того памятного утра, когда на Сенатскую площадь группа офицеров и штатских вывела около трех тысяч солдат, направивших оружие против царизма. В эти дни страна победившего социализма, страна величайшей из всех революций отдает должное всем декабристам как первопроходцам, проложившим одну из первых борозд на могучем поле революционной России.

АКВАРЕЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВ РАБОТЫ НИКОЛАЯ БЕСТУЖЕВА

МИХАИЛ КАРЛОВИЧ КЮХЕЛЬБЕКЕР

Петровская тюрьма, 1831 г.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ СВИСТУНОВ

Петровская тюрьма, 1836 г.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ПОДЖИО

Петровская тюрьма, 1837 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛОРЕР.

Петровская тюрьма, 1833 г.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ АННЕНКОВ
Петровская тюрьма, 1836 г.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ТРУБЕЦКОЙ
Петровская тюрьма, 1839 г.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЧАСНОВ
Петровская тюрьма, 1839 г.

Д. Кардовский. 1866—1943.
НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ. **Фрагмент.**

ДМИТРИЙ ИРИНАРХОВИЧ ЗАВАЛИШИН
Петровская тюрьма, 1839 г.

ИВАН СЕМЕНОВИЧ ПОВАЛО-ШВЕЙКОВСКИЙ
Петровская тюрьма, 1839 г.

АРТАМОН ЗАХАРОВИЧ МУРАВЬЕВ
Петровская тюрьма, 1838 г.

ИВАН ИВАНОВИЧ ГОРБАЧЕВСКИЙ
Петровская тюрьма, 1837 г.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

ДЕКАБРИСТЫ И ИХ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАХОДКИ

V

Первый разговор на эту тему в 1944 году ни к каким результатам не привел. На вопрос о наследниках Солдатенкова Григорий Петрович ответил, что основным наследником был племянник, а затем все перешло к членам его семьи. Многие из них к началу 1920-х годов умерли, а некоторые уехали за границу. Что же касается самого Солдатенкова, то Григорий Петрович хорошо его знал, многократно встречался с ним, а портреты декабристов держал в руках. Куда все это девалось, сказать не смог. Но обещал подумать, вспомнить... В последующей беседе он сказал, что был знаком с двумя ближайшими сотрудниками Солдатенкова, занимавшимися его делами на культурном поприще,— этому Козьма Терентьевич уделял много внимания до последних своих дней. По сведениям Григория Петровича, эти люди остались жить в Кунцеве, где ранее у Солдатенкова было загородное имение и где каждому из них он в свое время подарил домик. Григорий Петрович предупредил, что не встречался с ними свыше двадцати лет. Советовал поехать в Кунцево и выяснить, живы ли они, а если да,— разузнать об интересующих меня вещах. Во время третьей встречи Григорий Петрович передал мне оба адреса и сказал, что если поеду, то чтобы взял с собой пушкинский том: «Они ведь люди старой культуры и будут рады увидеть такое хорошее издание, к тому же посвященное Пушкину».

В Кунцево я попал зимой, в самом конце 1944 года, в очень холодный день. Искал долго, озяб. По одному адресу мне сказали, что хозяин этого домика, холостяк, умер несколько лет назад, любил книги, их у него было много, но все это разобрали знакомые. Совсем усталый, пришел я по второму адресу. Дверь мне открыл высокий, статный, но весьма пожилого возраста человек. Длинная борода была тщательно ухожена. Обрадовался, когда я передал ему привет от Григория Петровича. Спросил меня, зачем пожаловал. Я поведал ему о «Литературном наследстве», о специфике нашего издания, показал пушкинский том,— он произвел на него хорошее впечатление. Внимательно его просмотрев, он заметил, что не видел таких «красивых» книг о Пушкине. После этого я с душевным трепетом перешел к тому, что меня так интересовало.

Сказал, что мы начали выявлять и собирать материалы для декабристских томов, что очень хотел бы отыскать и опубликовать в этих томах находившиеся у Козьмы Терентьевича Солдатенкова акварельные портреты декабристов, но что наши поиски результатов не дали. Спросил, не может ли он сообщить что-либо о судьбе этих портретов. Прямого ответа на этот вопрос я не получил, но мне было сказано, что пропасть они не могли. Хозяин дома спросил, не знаю ли я номер телефона Григория Петровича,— конечно, я хорошо его знал. Провожая меня, хозяин дома сказал, чтобы я вновь приехал через неделю.

Эти слова не только удивили, они, естественно, заставили искать причину такого приглашения. И, конечно, прежде всего мое сознание упорно возвращалось к одной и той же мысли: не у него ли находятся акварели? Когда же через два-три дня я пришел к Григорию Петровичу, чтобы рассказать о поездке в Кунцево, он мне сообщил, что уже извещен о ней: моя одержимость поисками неизданных материалов по истории русской культуры пришлась тому человеку по душе, особенно ему понравилось, что я так много знаю о Солдатенкове. Великую радость доставили мне слова: «Когда поедете в Кунцево вновь, то увидите интересующие вас портреты».

Нужно ли говорить, как невыносимо трудно было ждать еще несколько дней, чтобы по истечении недели после первой встречи снова отправиться туда. Наконец, в первых числах января 1945 года я вторично приехал в Кунцево,— то был один из самых счастливых дней в моей жизни: на бархатной скатерти столика, стоявшего в углу, под высокой старинной лампой, меня ждала небольшая плотная папка, а в ней находились те самые бестужевские акварели, которыми я грезил на протяжении целого двадцатилетия.

По мере того, как я рассматривал их, мое восторженное состояние все возрастало. В те часы, я думаю, не было на свете человека счастливее меня. Я попросил хозяина рассказать о себе. Родился он в семье старообрядца, служившего у Солдатенкова по коммерческой части. С юношеских лет был у него в услужении, а в дальнейшем помогал ему в издательских делах. В 1900 году Козьма Терентьевич передал ему папку с портретами и просил когда-нибудь найти такого человека, который написал бы об этих людях, да чтобы можно было такую работу выпустить с воспроизведением портретов. Спустя несколько месяцев Солдатенков скончался. «И вот видите,— сказал мне хозяин дома, — я все время держу портреты у себя без всякой надобности, без всякого толка, а ведь мне уж восемьдесят шесть лет».

Таким образом, эти акварели пролежали мертвым кладом сорок лет у Солдатенкова и сорок пять лет у его ближайшего сотрудника. И лишь тогда, в январе 1945 года, он, несомненно, по совету Г. П. Георгиевского, решил расстаться с ними и передать для публикации. В некоторой степени этому способствовало и то, что, будучи с молодых лет одержим не только любовью к русской литературе, но и к русскому изобразительному искусству, я с семнадцатилетнего возраста стал собирать рисунки наших художников. Зная это, Григорий Петрович посоветовал своему старинному знакомому уступить мне бестужевские акварели. Первую же названную владельцем сумму я привез ему на следующий день. На прощание он попросил, чтобы я, когда буду писать о портретной галерее декабристов, добрым словом помянул К. Т. Солдатенкова. Но своей фамилии просил не называть, «стыдно, что столько времени, да к тому же бессмысленно, они пролежали у меня!».

Вот так и получилось, что спустя почти сто двадцать лет после восстания декабристов, свыше ста лет после того, как Николай Бестужев завершил в Петровской тюрьме работу над их портретами, и спустя девяносто лет после его смерти впервые эти портреты стали объектом изучения и публикации.

VI

До наших дней коллекция портретов, исполненных Николаем Бестужевым на декабристской каторге, по-видимому, дошла в том виде и составе, в каком она хранилась у самого художника, затем у Е. А. Бестужевой, а после у К. Т. Солдатенкова и его ближайшего сотрудника. Это подтверждается самим количеством портретов: в коллекции семьдесят шесть акварелей, а М. И. Семевский, видевший портреты у Е. А. Бестужевой, писал в одной из своих статей про «70 портретов», в другом же случае утверждал, что их было «до 80 экземпляров».

Весьма важно, что за такой огромный период времени эта портретная галерея осталась неразрозненной,— она ведь могла разойтись по отдельным листам в десятки мест. К тому же акварели оказались в превосходной сохранности, не выцвели,— они ведь никогда не были на свету, так как ни разу не висели на стенах и не экспонировались.

Из семидесяти шести акварелей, некогда находившихся у самого художника, шестьдесят восемь — портреты участников восстания на Сенатской площади и восстания Черниговского полка, руководителей и видных членов тайных обществ — Союза спасения, Союза благоденствия, Северного общества, Южного общества, Общества соединенных славян, Общества военных друзей,— тех, кто после казни пяти руководителей был осужден по первым семи разрядам и сослан на каторгу в Сибирь. На каждом из этих портретов, за исключением пяти, стоит автограф того, кого изобразил художник. Это значит, что Бестужев хотел не только запечатлеть облик каждого товарища, но и сохранить собственноручную подпись его. Бывали случаи, когда изображенный приписывал под портретом еще несколько слов. Так, на каждом из портретов А. П. и П. П. Беляевых (братья Беляевы были отправлены из Петровской тюрьмы на поселение в 1833 году), кроме подписей «Александр Беляев» и «Петр Беляев», имеются надписи: «На память Николаю Александровичу Бестужеву». Надписи эти — подтверждение того, что коллекция принадлежала самому Бестужеву. На портрете А. И. Черкасова, покинувшего Читинский острог в 1828 году, перед подписью «Алексей Черкасов» всего три слова: «С нами бог!». А на портрете А. Е. Розена, обращенного на поселение из Петровской тюрьмы в 1832 году, его собственноручная надпись: «Воспоминание есть единственный рай, из которого ни в каком случае нет изгнания. Андрей Розен».

В бестужевское собрание портретов, кроме шестидесяти восьми изображений декабристов, входят изображения еще восьми лиц.

Двое из них — офицеры Оренбургского полка В. П. Колесников и Д. П. Таптыков, участники тайного общества, раскрытого в 1827 году. Они были приговорены к каторжным работам и отбывали наказание в Читинском остроге. Декабристы смотрели на Колесникова и Таптыкова как на своих младших товарищей.

Четыре портрета из этих восьми изображают жен декабристов — П. Е. Анненкову, А. И. Давыдову, К. П. Ивашеву и М. К. Юшневскую; седьмой — копия Бестужева с портрета сестры декабриста П. Н. Свистунова.

И, наконец, на последнем из этих восьми портретов нет фамилии изображенного лица. Кроме инициалов «NB», на этом портрете имеется лишь надпись, сделанная карандашом на польском языке: «Pamięć wyg-

---

Окончание. См. «Огонек» № 50.

nania. 1843 r. 10 Marca, z za Baikatu». («В память изгнания. 1843 г. 10 марта, Забайкалье»). Как я установил, это портрет польского художника Леопольда Немировского, участника восстания 1831 года, с которым Бестужев встречался, живя на поселении в Сибири.

Таков состав коллекции, объединяющей семьдесят шесть портретов, исполненных Бестужевым и принадлежавших ему самому.

В 1950 году, в связи со стодвадцатипятилетием восстания декабристов, в «Огоньке» появилась моя предварительная публикация, посвященная краткому описанию всей коллекции в целом, а также шестнадцать цветных воспроизведений портретов.

Изучив основное собрание портретов декабристов и начав подготовку его к печати в прокомментированном виде, я пришел к выводу, что нельзя ограничивать рамки этой работы лишь частью, хотя и наиболее важной, художнического наследия Николая Бестужева.

Встала новая большая задача: выявить все сохранившиеся до нашего времени разрозненные произведения Бестужева-художника.

Удалось в музеях, архивохранилищах Советского Союза, а также в частных коллекциях разыскать около тридцати исполненных Бестужевым портретов декабристов и их жен. Причем лишь весьма немногие из этих портретов повторяли или варьировали уже имевшиеся изображения, поэтому они могли служить как бы дополнением к основному собранию. Мне удалось также доказать принадлежность кисти Бестужева некоторых портретов, которые неправильно приписывались другим декабристам-художникам. Кроме того, я установил, что существовало больше пятнадцати портретов работы Бестужева, подлинники которых погибли; я обнаружил их случайно уцелевшие фотографии или другие воспроизведения, имя художника на них отсутствовало, но его можно было с уверенностью определить. Впервые были атрибутированы некоторые портреты из числа исполненных Бестужевым в Петербурге в годы, предшествовавшие восстанию. Выявлено несколько портретов, созданных им на поселении: это очень существенно, так как подавляющая часть портретов этого периода утрачена, а их было много. Таким образом, общее количество выявленных портретов, исполненных Бестужевым, доходит до ста двадцати пяти, сто десять из них — изображения узников Читинского острога и Петровского завода, а также их жен.

Значительный интерес представляют разысканные в разных местах изображения камер Петровской тюрьмы. Всего удалось обнаружить десять таких акварелей. Они воссоздают обстановку, в которой жили тогда декабристы — и одинокие и те, к которым приехали жены.

Одновременно я предпринял и поиски видов острогов в Чите и в Петровском, а также ландшафтов Сибири, которые, как утверждали в своих воспоминаниях декабристы, Бестужев написал на каторге. Для того, чтобы определить, кто был автором того или другого пейзажа, пришлось проделать кропотливую работу, поскольку ни на одном из них нет подписи, а пейзажи в те годы писали несколько декабристов. Теперь имеется возможность обнародовать тридцать пять исполненных Бестужевым сибирских ландшафтов и видов Читинского и Петровского острогов.

Первое издание моего исследования, озаглавленное «Николай Бестужев и его живописное наследие. История создания портретной галереи декабристов», появилось в 1956 году в виде второй книги шестидесятого тома «Литературного наследства».

В подготовленном ныне новом, дополненном исследовании «Художник-декабрист Николай Бестужев», выходящем в издательстве «Изобразительное искусство», публикуются сто семьдесят художнических произведений Бестужева.

Не менее важная задача этой работы — изучить интересы Бестужева в области изобразительного искусства и его связи с видными представителями художественной общественности России в петербургский период жизни, а затем определить все этапы его работы над портретной галереей декабристов.

Исследование в значительной своей части построено на неизданном документальном материале; были изучены многие архивные фонды декабристов, и это помогло осветить различные стороны творчества Бестужева-художника.

Ряд ценных находок, обогативших монографию, удалось сделать во время трехмесячного пребывания во Франции, где я занимался поисками реликвий русской культуры. В Париже оказался сибирский альбом декабристки А. И. Давыдовой с двадцатью семью акварелями и сепиями,— двенадцать из них выполнил Николай Бестужев. Там же обнаружилась акварель П. Ф. Соколова, изображающая М. Н. Волконскую с сыном Николенькой; вынужденная перед отъездом в Сибирь расстаться со своим годовалым первенцем, Мария Николаевна взяла акварель с собой. Копируя эту акварель, художник-декабрист осваивал на каторге приемы акварельной живописи.

Национальный музей в Стокгольме прислал мне фотокопии мемуарных записей шведского художника Карла-Петера Мазера, встречавшегося в Сибири с ссыльными декабристами, в том числе и с Николаем Бестужевым. В бумагах Мазера также сохранились сделанные им перерисовки с трех бестужевских акварелей — две из этих акварелей оказались утраченными, поэтому перерисовки Мазера приобретают особое значение.

В новое издание включено еще около двадцати отысканных в последние годы портретов, написанных художником-декабристом в Сибири,— они расширяют наше представление о Бестужеве-живописце.

Исследование является первым опытом монографического изучения живописного наследия Бестужева. Я стремился показать его творчество в связи со всей многообразной сферой идейных интересов художника, с его политической, литературной, служебной деятельностью до восстания 14 декабря, а также проследить развитие этой творческой деятельности на всем протяжении жизненного пути Николая Бестужева.

По поводу утраты отрывков из воспоминаний Бестужева о дне 14 декабря А. И. Герцен писал: «Какое непоправимое несчастье, если мы утратили это святое наследие». Можно назвать «святым наследием» и разысканную в недавние годы портретную галерею декабристов и их жен, над созданием которой Николай Бестужев трудился в годы пребывания на каторге и которую завершил на поселении.

* * *

Что же касается дальнейшей судьбы отысканных мною семидесяти шести исполненных Николаем Бестужевым акварельных портретов декабристов и декабристок, то это собрание, так же как и вся моя коллекция произведений русского и западноевропейского изобразительного искусства, станет собственностью Родины, взрастившей меня и сделавшей возможным развитие того, что стало потребностью моего сердца.

РАЗГОВОР С ЗАВТРАШНИМ ДНЕМ

М. Соболь. Осень 1944.

Марк СОБОЛЬ

Солдатам Великой Отечественной войны, даже если они писали стихи, некогда было заводить архивы. Просто наши вещмешки не были для этого достаточно вместительны. И я был уверен, что у меня не осталось ни одной фотографии того времени и что все свои стихи я помню наизусть. Но совсем недавно моя мать в день своего восьмидесятидвухлетия протянула мне объемистую пачку: «Здесь твои письма, стихи и фотографии, которые ты прислал мне с фронта...» На конвертах обратный адрес: полевая почта 55311. Это та саперная часть, где я служил командиром отделения в звании старшего сержанта.

Одно из таких стихотворений я и решаюсь предложить читателям «Огонька».

Так было,
будет,
есть:
сыны имеют право
с высот грядущих дней
судить грехи отцов.

И вот она придет —
веселая орава
вихрастых и упрямых
сорванцов.
И спросит напрямик,
не умиляясь прошлым:
была ли наша жизнь
верна,
проста,
честна?
Я знаю их:
они
такой народ —
дотошный
и беспощадно ясный,
как весна.
Ну что ж, поговорим,
мой сын,
судья мой строгий...
Когда велела жизнь
забыть о тишине,
я не искал в сторонке
дороги —
мне по плечу была
солдатская шинель.
Война — она война.
Когда вокруг свистело,
и страшным было все —
чего греха таить!—
как самый подлый раб,
мое дрожало тело,
оно кричало: «Нет!» —
оно просило жить.
Но там,
внутри меня,
такое было жженье,
стучался в сердце мир
огромней нас с тобой...
И с телом я свое
выигрывал сраженье,
и убивал раба,
и шел солдатом в бой.
Когда ты все поймешь,
узнав по всем приметам
походы и бои,
привалы и стихи,
ты скажешь, может быть:
— Он был плохим поэтом,
но, честно говоря,
солдатом неплохим...

И все же я — поэт.
Одной
великой темы.
Плыл горький черный дым,
земля была в крови.
Я бредил всю войну
торжественной поэмой
о Родине,
о счастье,
о любви.
Мой мальчик,
для нее
как раз и было нужно
по бедам и боям
в огне шагать вперед,
не написать пером —
завоевать оружьем
и слушать без конца,
как мир ее поет.
И только жаль порой,
что время
хлесткой плетью
сбивает на скаку
в полях
ромашки дней...
Когда б вернулось вновь
восемнадцатилетье,
я жил бы, вероятно, поумней.
Как понято теперь,
что дни — не только числа,
что веснам снова быть,
а юность не вернуть!
Я б все свои часы
наполнил жгучим смыслом,
я б ветру не давал
на мать мою
дохнуть...
Приди, грядущий день!
Росой весенней брызни;
изранена земля —
по ней
прошла война.
Был путь у нас один:
вперед
во имя жизни!
Как верен этот путь,
так жизнь была верна.
И если в новый мир
ворвется злая дата
и загремит опять
войны тяжелый бас,—
мой сын,
я вновь пойду
поэтом и солдатом
за шар земной,
за Родину,
за вас.

Михаил **АНДРИАСОВ**

ДО ПОСЛЕДНЕГО ПАТРОНА

Есть в Ростове-на-Дону старый рабочий район. С первых лет Советской власти горожане нарекли его Ленгородком. До революции эту часть города, заселенную главным образом рабочими Владикавказских железнодорожных мастерских, называли Темерником. Пожалуй, не только для Ростова — для всего юга России Темерник был донской Красной Пресней. Здесь в декабре 1905 года, в исторические дни первой русской революции, обосновался боевой штаб восставших ростовчан. Семь дней власть в городе принадлежала Совету рабочих депутатов.

Именно здесь, в пролетарском Темернике, родился и вырос рабочий паренек Александр Бусыгин, один из будущих зачинателей донской советской литературы.

В «люди» Бусыгин вышел рано — десятилетним мальчиком. Был маляром, слесарем, плотником. Пришел в те же Владикавказские железнодорожные мастерские, где трудился его отец.

Первая мировая война в разгаре. Шестнадцатилетнего Александра отправляют на фронт. Но вскоре взметнулось знамя революции.

Молодой Бусыгин уже тогда знал, куда ему идти, «в каком сражаться стане». На фронтах гражданской — он пулеметчик красного бронепоезда. Там же вступает в ряды Коммунистической партии. Вскоре красноармейца Бусыгина назначают командиром бронепоезда. За бесстрашие и ратные подвиги награждают орденом Красного Знамени.

В двадцать втором году Бусыгин возвращается в родной коллектив железнодорожников, пробует силы в молодой пролетарской литературе Дона. В редакции газеты «Советский Юг» знакомится с Александром Фадеевым, завязывается их дружба, долгая и сердечная.

Фадеев помогает его росту. В ростовском издательстве выходят повесть «Поселок Кремневка», сборник повестей и рассказов «Первый гудок» и другие произведения Бусыгина. Наиболее зрелой книгой Бусыгина стал роман «Семья Бесергеневых». Это волнующее повествование, во многом автобиографическое, о рабочей династии, о судьбах русского крестьянина.

Александр Бусыгин в первые же дни нападения гитлеровцев на нашу страну добровольцем отправился в действующую армию. Был военным корреспондентом газеты 19-й армии «К победе» и погиб в тяжелых боях под Москвой, юго-восточнее Вязьмы, в октябре 1941 года.

...Михаил Александрович Шолохов дружил с Бусыгиным, он рассказывал ростовским писателям:

— В 1941 году, в трудные дни отступления, увидел я Сашу где-то около Вязьмы. Немцы бомбили нас. Несколько наших редакционных машин стояли в березовой рощице. Самолет противника их нащупал и разбил, раскрошил все машины. А моя уцелела... Тут я увидел Сашу. Он попросил, чтобы я подвез его до политотдела дивизии. Мы поехали. Немецкие артиллеристы тут же взяли нас в «вилку». Один снаряд разорвался впереди, другой позади. Ну, думаю, следующий снаряд наш. Гляжу на Бусыгина, а на его лице ни один мускул не дрогнул. Только кричит: «Врешь — не возьмешь, гадюка!» Проскочили мы простреливаемое место благополучно. Довез я Сашу до нужного ему перекрестка. Вылез он из машины, снял с подбородка ремешок каски, откинул ее назад и говорит: «Давай, Миша, попрощаемся!» А голос срывается... Обнялись мы, поцеловались, и ушел Саша в свою редакцию. Больше я его не видел. Погиб Саша Бусыгин.

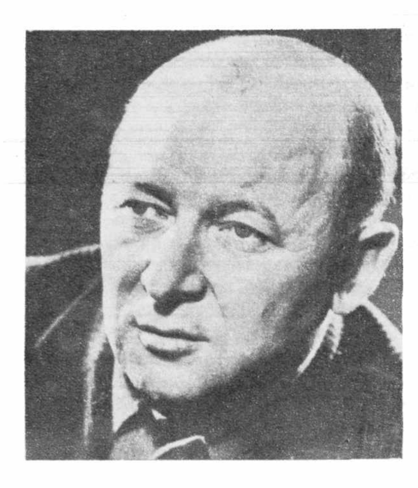
Прошли годы. Ростовское книжное издательство по инициативе Шолохова подготовило и выпустило сборник избранных произведений Бусыгина. Михаил Александрович написал предисловие.

«Он трудно искал пути к овладению художественным мастерством,— говорится в предисловии,— и то, что постиг и сделал за свою недолгую писательскую жизнь, считал лишь началом, первыми шагами на литературном поприще. Уже будучи на фронте Отечественной войны в качестве военного корреспондента армейской газеты и все время находясь в боевых порядках, в родной ему семье простых советских людей — защитников Отечества,—Бусыгин не раз мечтательно говорил: «Если уцелею,— вот о ком буду писать после войны! Какой героической закалки народище! Не налюбуюсь!» А те, кем он любовался — скупые на похвалы наши солдаты и офицеры,— с любовью и гордостью отзывались о нем: «Бусыгин-то? Саша Кучерявый? Он всегда с нами. Это настоящий парень!» Мечтам и творческим планам Бусыгина не суждено было осуществиться... Он прожил честно жизнь и умер честной солдатской смертью: тяжело раненный в обе ноги, он нашел в себе силы доползти до станкового пулемета, расчет которого был уничтожен вражеской миной, и, прикрывая отход товарищей, один вел огонь до последнего патрона в ленте. Пусть его книга послужит еще одним напоминанием о тех, кто отдал свои жизни за Родину, чью память мы свято чтим, кого забыть и не вправе и не в силах...».

В декабре нынешнего года писателю Александру Ивановичу Бусыгину исполнилось бы семьдесят пять. Годы не в силах растворить в памяти людей его благородный образ.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. ВАНШЕНКИНА

ТЕПЛОТА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Жизнь, как и роман, поэма, стихотворение, измеряется не длиной, а содержанием. Судьба Константина Ваншенкина лишний раз подтверждает эту мысль.

Впервые я близко узнал его в 1958 году, во время работы в издательстве «Молодая гвардия». Тогда ему было чуть больше тридцати пяти. Сейчас — пятьдесят. И тогда и сейчас из множества его завидных качеств меня наиболее привлекали и привлекают два — изумительная работоспособность (он выпустил 40 книг — поэтических, прозаических, литературоведческих) и подлинная простота (всегда доступен, приветлив, благожелателен).

Поколение, к которому мы принадлежим, прошло по пылающим дорогам большой войны. И основная тема первых и многих последующих книг Ваншенкина — война.

Он не «разморааживает воспоминания» о ней, нет. Теплота человечности для Ваншенкина — это не «тема», не черта лирического героя, не поза. Это главное, органическое свойство личности самого автора.

Поэт считает возможным делиться с читателем только такими воспоминаниями, которые сидят в нем «прочней занозы». Ваншенкин тридцать лет не может забыть минувшую войну и своих сверстников, всех, кто «не дожил, не долюбил, не домечтал». Высоким трагизмом пронизаны строки, в которых рассказано о смерти друга на войне:

Слепил цигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
— Ты сам прикуривай сперва...

От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

Но, может быть, особенно потому, что поэт «знает войну», не раз смотрел в глаза смерти, он хорошо знает цену жизни и любит мир. Огромная, все заполняющая любовь эта особенно ярко выражена в известном стихотворении «Я люблю тебя, Жизнь...». Переложенное на музыку, оно стало популярным не только на земле, оно звучало и в космосе.

В последние годы Константин Ваншенкин все чаще и чаще обращается к прозе. «Почему,— спрашивает он,— человек, много лет пишущий стихи, вдруг начинает писать еще и прозу? Ответ может быть разный. У одних — перестают писаться стихи, тоже по различным причинам, иногда почти необъяснимым, и приходится искать новое применение своим еще не израсходованным творческим силам. У других — вроде и стихи пишутся, но еще хочется сказать что-то, не вмещающееся в поэтические размеры и строчки. У меня был именно такой случай».

Сначала появилась «Армейская юность», потом повести «Большие пожары», «Во второй половине дня», «Графин с петухом».

И в поэзии и в прозе чувства героя у Константина Ваншенкина всегда истинны. А истинные чувства, как известно, немногословны. Отсюда художественная простота при внутренней полноте и глубине чувств:

Безыскусственность! Сестра
Высочайшего искусства!
Что мне громких слов игра,
Если сердцу с ними пусто!

О чем бы ни писал Константин Ваншенкин — о войне и мире, о друзьях-товарищах, о мужестве и мудрости народа, о мартовской капели или о дороге к звездам,— во всем узнается его характерный, мудрый и заинтересованный голос.

М. ЛАПШИН

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рис. П. ПИНКИСЕВИЧА

ТРЕТЬЯ КАРТА

ГАННА ПРОКОПЧУК (VI)

Эссен и его сотрудники довольно быстро осмотрели маленький лагерь — бараки такого же типа, как тот, где жила Ганна. Построены лагеря были наскоро, колючая проволока кое-где провисла, провод от генераторной станции был слишком заметен — почти тридцать метров тянулся по территории зоны, поддерживаемый громоздкими бетонными балками.

— Обратите внимание на это уродство,— попросил Эссен Ганну.

— Я уже думала. Только я не понимаю назначения этого провода.

— По нему идет ток.

— Зачем? Освещение привязано к движкам на другой половине территории.

— Это иной ток,— поморщился Эссен,— высокого напряжения. Продумайте, как его загнать в подземный кабель.

— Хорошо.

Все эти дни в пыли, спешке, постоянных переездах, среди лязга танков, громкого смеха чумазых солдат с обгоревшими под нещадным солнцем лицами Ганна смотрела только на Эссена, смотрела на него преданными глазами, стараясь не думать о том, что они здесь делают и зачем она с ними. Она знала только одно: этот человек отвезет ее в Краков, этот, именно этот человек разрешит ей найти мальчиков. Ганна боялась думать о том, что может быть потом, она старалась гнать от себя мысль, что Ладислав не позволит ей взять с собой детей; она была даже готова попросить Эссена, чтобы мужу *приказали*, если он сам не согласится уехать с нею вместе с детьми и со старухой. В конце концов он хороший лесной инженер, он специалист, немцы в нем заинтересованы. Глядя на Эссена, Ганна заставляла себя считать его неким устойчивым поплавком в темной, яростной быстрине (ее несколько раз возил с собой на рыбалку капитан Морис Грашан — он погиб под Дюнкерком; видимо, он был серьезно увлечен Ганной, потому что писал ей с фронта письма, и ей же пришла похоронная из военного министерства — такова была воля покойного. Образ поплавка на коричневой, пенной быстрине, где Грашан ловил рыбу, казался Ганне с тех пор неким символом спокойствия. Грашан, пожалуй, был единственным мужчиной, который не раздражал ее: он не жаловался на свою первую жену, не пытал Ганну, любит ли она его и лучше ли он других мужчин; не предлагал жениться, просто звонил, спрашивал, свободна ли она, нет ли у нее желания провести вместе день).

Ганна выполняла все то, что Эссен просил ее сделать, выполняла быстро и четко, и он успевал проверять ее работу, несмотря на огромное количество забот, свалившихся на него (пищеблоки для лагерей надо было отнести подальше от домов охраны СС; крыши офицерских коттеджей сначала были спроектированы из гофрированного железа, но штаб обергруппенфюрера Поля попросил срочно изменить расчеты под черепицу — немцы, которые будут нести здесь службу, должны чувствовать себя как на родине, в привычной обстановке; представитель рейхслейтера Бормана обязал Эссена предусмотреть строительство клуба в комплексе СС — иначе негде будет проводить торжественные митинги и совещания членов НСДАП). Наброски Ганны нравились Эссену своей экономичностью и изяществом. Ганна заметила, как в глазах других членов их группы появлялась постепенная и нескрываемая неприязнь к ней. Сначала ее не замечали, она была вроде чемодана — немного мешает, занимая место, но чемодан он и есть чемодан, надо же в чем-то возить вещи. Однако постепенно ее *осознавали* как человека, который стал ближе всех к шефу, но при этом как человека чужой крови, иностранного специалиста, лишенного какихлибо прав в рейхе.

Ганна отдавала себе отчет, как это опасно, но когда поняла, что без мальчиков ей незачем жить, ощущение личной опасности притупилось, словно у той козы, которая не убегала в лес, принимая на себя возможный выстрел, потому что рядом с тропой стоял ее маленький.

Когда их группа отправилась смотреть «действующий объект» в Освенциме, Эссен какоето время колебался, брать ли с собой Ганну: в конце концов она увидит там своих соплеменников, но потом он решил обязательно взять, чтобы до конца убедиться в надежности своего нового, талантливого, столь неожиданно доставшегося ему сотрудника.

Офицеры СС провезли группу Эссена через леса, сосновые, мачтовые, в которых струился тяжелый, разморенный, ладановый запах. Дорога была белой, песчаной; в лесу гомонили птицы; их, казалось, было огромное множество.

Лагерь открылся внезапно: железнодорожный путь, несколько составов, высокая труба, ограда на бетонных, частых опорах, уютные коттеджи СС, окруженные маленькими, точно распланированными садиками, бараки в зоне и люди с пепельными, мучнистыми лицами, которые что-то делали за проволокой, но понять, что именно они делали, Ганна не смогла, потому что сразу же увидела среди арестантов высокую фигуру в полосатом одеянии, непропорционально большое лицо и громадные руки, судорожно сжимавшие металлические державки тяжелой тачки.

— Стойте! — закричала Ганна.

Шофер от неожиданности затормозил. Ганна выскочила из машины, побежала к проволоке, услыхав тонкий голос Эссена: «Там ток, не прикасайтесь, там ток!»

— Ладислав! — не понимая Эссена, кричала Ганна.— Ладик, Ладушко!

Ладислав съежился, стал вдруг маленьким, до страшного маленьким. Он медленно оглянулся, увидал Ганну и бросился к проволоке:

— Ганнушка, девочка, Ганна!

— Почему?! — кричала Ганна.— Почему ты здесь?! Где мальчики?!

По зоне бежали люди в черном, с собаками на длинных поводках.

— Их арестовали, их увезли! Ганна, Ганнушка, ты здесь?! Ищи мальчиков и маму, маму ищи, ее с мальчиками тоже привезли сюда! Ищи их зде...

Он не успел докричать, потому что на него бросились собаки, свалили с ног, а Ганна в это же мгновение ощутила на своих руках резкие пальцы, которые больно, до кости, сдавили, потом рванули на себя, и она увидела бешеные лица офицеров СС и Эссена — с таким же мучнистым, как у арестантов, лицом, а больше она ничего не смогла увидеть, потому что потеряла сознание.

...Дух *деятельного* немца, для которого с младенчества главное — это дело, проснулся в Эссене, когда гестаповцы, глядя на него с тяжелой неприязнью (они уже сообщили о происшествии в краковское управление РСХА и теперь ждали указаний от СС бригадефюрера Крюгера, который, в свою очередь, сидел у аппарата, дожидаясь распоряжения обергруппенфюрера Поля, записавшегося на прием к Гейдриху), доложили, вынуждены были доложить этому архитектору, старше их по чину в СС, что дети украинки уже ликвидированы и что арестована ее семья по просьбе некоего агента абвера Лебедя как люди, представлявшие угрозу для законспирированности ОУН.

— В деле было указано, что мать этих несчастных,— медленно, чеканя каждое слово, произнес Эссен,— работает на рейх и приносит нашему делу существенную пользу?

— Было известно, что она живет в Париже и занимается архитектурой. В деле есть ходатайство Бандеры о передаче госпожи Прокопчук в ведение кадровой группы ОУН.

— Так кто же будет отвечать за то, что меня лишили работника?! ОУН с каким-то вонючим Бандерой или наши бюрократы?!

Офицер гестапо взглянул на Ганну, лежавшую на диване, сухо заметил:

— Ваш работник уже пришел в себя, штурмбаннфюрер.

— Она может прийти в себя, но она никогда не сможет делать того, что делала, и так, как делала раньше! И вы хотите с таким бардаком выиграть битву?! Вы хотите, чтобы тыл отлаженно и четко работал?! Вы хоть думаете о будущем?! Вы можете проявлять трезвость, а не зоологизм?!

Гестаповец взорвался:

— Вы подвергаете обсуждению приказ бригадефюрера Крюгера! Это противоречит нормам партийной этики! Я сообщу об этом руководству!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—50.

— Вы?! Это я сообщу руководству, я, а не вы!

...Он ничего не сообщил руководству. Генерал Поль, не входя в объяснения с Эссеном, отдал приказ лишить его звания и отправить на фронт — рядовым. Гейдрих бушевал: «Взять в зону украинку, паршивую славянку?! Как он посмел?! Это ваш либерализм, Поль! Это все ваш либерализм! Эссен стал считать себя незаменимым! Мы найдем тысячу архитекторов, которые будут целовать нам руки за то, что мы дали им возможность работать! Экий благодетель, скажите на милость! На фронт! Под пули! Это хорошо лечит от зазнайства!»

Лишение звания было инициативой Поля — он решил подстраховаться, ибо все знали, как он благоволил Эссену. Надо проявить высшую принципиальность и должную инициативу, чтобы потом Гейдрих не смог при случае ударить его. Гейдрих говорил просто о фронте. Поль в приказе добавил от себя — «рядовым».

...Ганна сделалась странной, тихой, робкой; она постарела за эти дни, лицо ее осунулось, но при этом было отечным; веки тяжело нависли над потухшими глазами, которые казались пустыми, словно бы без зрачков.

Новым руководителем архитектурной мастерской СС была назначена зодчая из Кельна, фрау Нобе. В инструктивной беседе, сообщая о ее откомандировании на высокий пост, обергруппенфюрер Поль сказал, что, видимо, в ближайшие дни большинство мужчин из ее мастерской будут мобилизованы на фронт — наступление на Восток приняло такие грандиозные размеры, что квалифицированных офицеров-строителей не хватает, а строить придется много: русские не оставляют после своего ухода ни одного завода или электростанции.

— Мы будем присылать к вам пленных специалистов, и они обязаны будут делать то, что до сегодняшнего дня делали немцы,— сказал Поль, чувствуя, что он продолжает внутреннюю полемику с несчастным Эссеном. Он любил Эссена, но всему есть предел — подводя себя, Эссен подводил его: надо уметь выбирать, во всем и всегда надо уметь выбирать, точно взвешивая возможности и вероятия.— Они обязаны будут делать для нас то, что мы требуем, не хуже немецких специалистов. Я даю вам все права — добейтесь от них отличной работы. И никаких поблажек! Победитель должен чувствовать свою силу, лишь это внесет точность в баланс наших отношений с побежденными. При этом, естественно,— добавил он,— разумная строгость обязана быть корректной — мы, национал-социалисты, не будем унижать себя неразумной пристрастностью.

В отличие от Эссена фрау Нобе не стала ничего скрывать от Ганны: да, надо быстро спроектировать особые бараки для детей и женщин, да, это концентрационные лагеря, да, они необходимы до той поры, пока не будут выкорчеваны все последыши зла в Европе. Где дети Прокопчук? Это неизвестно, это выясняется, это будет выяснено в зависимости от результативности ее работы. В чем обвинен ее муж? В антигосударственной деятельности, и чем скорее Прокопчук вычеркнет его из памяти, тем будет лучше для нее: враг немецкой нации не заслуживает снисхождения.

Ганна выслушала рубленые ответы пятидесятилетней поджарой немки и ушла к себе в каморку, хранившую горький запах сигарет Эссена.

Она долго смотрела пустыми, недвижными глазами на большой белый ватман, прикрепленный мелкими кнопками к доске, сжимала в холодных, малоподвижных пальцах карандаши и не слышала себя, не могла задержать в голове ни одной мысли. Она лишь постоянно чувствовала своих мальчиков, их лица, но в отличие от Парижа, когда мальчики виделись ей бегающими, играющими, смеющимися, сейчас она видела их не живыми, во плоти, а как на фотографиях — испуганные, козьи, напряженные глаза, которые ждали, когда же наконец вылетит птичка из объектива.

Ганна видела замершие, вырванные из вечного движения, а потому неживые лица своих мальчиков; и за этими неживыми лицами иногда появлялась высокая фигура их отца в страшной, полосатой пижаме, с тачкой в руках, и колючая проволока; и тогда Ганна слышала крик Эссена: «Там ток!»,— а после этого в ней снова наступала ленивая пустота, и словно бы кто-то другой тихонько нашептывал ей: «Дальше не думай, не надо».

...Ганна пугалась, когда кто-то подходил к двери, сжималась вся, но не могла заставить себя начать работать.

Фрау Нобе, заглянув к Ганне вечером, спросила:

— Обдумывание кончилось? Пора бы начать, Прокопчук. Время не ждет.

— Да, да,— ответила Ганна,— конечно. Я уже все обдумала. Мне только надо собраться, госпожа Нобе.

— Завтра к вечеру покажите первый набросок.

— Хорошо. Обязательно. Я постараюсь.

— Стараться не надо. Нужно сделать.

И Ганна сделала. Она нарисовала на ватмане странный, со сплошными стеклянными окнами коттедж. Крыша была односкатной, словно изгибчивая, женская ладонь, застывшая в молитве, обращенной к солнцу. Возле громадного, во всю стену окна — маленький бассейн... Ведь малыши так любят плескаться, когда видят воду, и потом вода сильно отражает солнце, оно постоянно в ней, даже если лежат низкие облака. Проволочные ограды Ганна наметила пунктиром, вдали, так, чтобы проволока не была видна детям.

— А что это? — спросила фрау Нобе, ткнув карандашом в странные горки возле бассейна.

— Это песочек,— ответила Ганна.— Маленькие любят строить. Пусть они строят из песка, это ведь недорого — завезти песок...

Фрау Нобе ничего не сказала Ганне. Она вышла из ее каморки в задумчивости: эта украинка нашла форму дома, который улавливает солнце, она осуществила мечту Корбюзье, не понимая этого.

Фрау Нобе посоветовалась с партайлейтером НСДАП, и тот согласился, что украинка, видимо, действительно невменяема, и было принято решение отправить ее в тот концлагерь, где, помимо работы в карьерах, проводились медицинские эксперименты над душевнобольными.

...А проект Прокопчук фрау Нобе взяла себе. Через год она представила его в министерство пропаганды на конкурс приютов для сирот, потерявших отцов на Восточном фронте, а матерей — под английскими бомбами. «Проект фрау Нобе» был отмечен премией имени Гитлера, но в серийный запуск так и не был отправлен, потому что промышленность рейха целиком переключилась на нужды обороны. А в 1944 году, во время бомбежки, проект сгорел, и не осталось никаких черновиков, а возобновить его так, как это смогла бы Ганна Прокопчук, никто не смог бы — для этого надо было потерять то, самое дорогое, что потеряла она.

Умерла Ганна счастливой: когда ее, вконец изголодавшуюся, взяли для опытов в госпиталь доктора Менгеле, она, ощущая пустоту в себе, увидала наконец своих мальчиков такими, какими оставила,— смеющимися, звонкоголосыми, с ручонками теплыми, ее, близкими, пахучими, шершавыми, и ногти грязные, некому их чистить ногти; они всегда так боялись стричь ногти, только она умела это делать, когда выносила их из ванны закутанными в белое мохнатое полотенце, и рассказывала им сказки, и они не плакали, глядя на

ножницы, а слушали ее, и глаза у них были такие же, как у того голенастого козленка. Менгеле даже отшатнулся от ее лица — так счастлива была маска смерти, так покойна она была, и так нежна и благодарна людям, давшим ей возможность увидать ее мальчиков и пойти к ним легко и просто, по мягкой дороге, в тишине, которая только потому была тишиной, что вокруг пели птицы, великое множество веселых, нежных птиц.

* * *

«С точки зрения проявления симптомов процесс голодания можно разделить на два периода. Первый был характерен худобой, ослаблением мышц и непрерывным уменьшением энергии движения. Тогда еще не проявлялось глубокое повреждение организма. Исключая тот факт, что больные двигались очень медленно и были слабыми, никаких других признаков голодной болезни почти не было. Что касается психики больных, то здесь тоже не было особых перемен, кроме повышенной нервозности и возбудимости.

Границу перехода первого периода во второй трудно было определить. У одних это шло постепенно, у других — быстро. Можно утверждать, что второй период начинался тогда, когда больной терял $1/3$ своего нормального веса. Наравне с прогрессирующей худобой и ослаблением начинало изменяться выражение лица. Взгляд мутнел, лицо становилось равнодушным, бессмысленным и грустным. Кожа становилась серо-синей, делалась тоньше, выглядела как пергамент, твердела и лущилась. Такая кожа легко заражалась, особенно чесоткой. Волосы становились жесткими, ломались, теряли блеск. Голова как бы вытягивалась, делались видны скуловые кости и глазные впадины. Больной дышал медленно, говорил тихо, с большим трудом.

В зависимости от времени голодания появлялись разного размера опухоли. Сначала они были на веках и стопах ног.

Больные в это время делались тупыми, становились равнодушными ко всему, что делалось вокруг них. Они избегали какой-либо связи с окружающей их средой. Если они еще могли двигаться, то делали это очень медленно, не сгибая ног в коленях.

Если за группой таких больных наблюдать издалека, то она производила впечатление молящихся арабов. Именно отсюда и происходит популярное лагерное прозвище тех узников, у которых развилась голодная болезнь, — «мусульмане».

Жизнь возвращалась к ним только тогда, когда они видели пищу, или тогда, когда зрительное или слуховое ощущение наводило их на мысль о еде.

В результате соматических изменений у таких больных обнаруживались и отклонения в сфере психики. В первой стадии голодной болезни мы замечали в основном проявление повышенной возбудимости. Люди становились раздражительными, обидчивыми, ругались, истерически стонали, всем были недовольны, делались антиобщественными. Страдающие голодной болезнью собирались обычно около кухни, складов, помоек или нахально окружали тех, кто ел, смотря на них с завистью и ожидая редко предоставляющуюся возможность вылизать котелок или бочку.

Несмотря на то, что «мусульмане» обычно не были способны на какие-нибудь совместные действия, бывало, однако, что это происходило, но только в том случае, когда речь шла о еде. Объединенные усилия «мусульман» отразились в групповых нападениях на рабочую бригаду узников, развозившую по блокам бочки с супом.

Некоторые, обладающие бурной фантазией, делали разного рода записи. Составляли, например, рецепты на различные жирные блюда. С точки зрения кулинарного искусства эти рецепты не имели никакого смысла и были далеки от вкусовых вершин.

Дневные разговоры и мысли о еде вызывали мучения, которые ночью дополнялись соответствующими сонными мечтаниями.

Я тоже не избежал таких сновидений. Однажды, когда я был в госпитале в блоке № 28 из-за начавшегося у меня поноса на почве голодной болезни, мне приснилось, что я нахожусь в подвале, в доме своей матери, и вместе с тучей котов купаюсь в бочке, наполненной сметаной. Я дрожал при мысли, что мать может войти каждую минуту. Самым страшным было то, что я мог не только плавать в сметане, а даже и нырять, но напиться сметаны я не мог.

Если в начальной фазе голода люди еще имели немного характера, еще могли владеть собой, сохраняли человеческую гордость и определенные этические нормы, то в следующей фазе все это переставало быть важным. Человек становился похож на голодного зверя, не мог отвечать за свои поступки.

Я не раз был свидетелем таких фактов: отец систематически крал и съедал порции сына, который почти без памяти метался в жару; более сильный узник душил ночью своего соседа и забирал у него остатки еды. Виновники были удивлены, когда я остро осудил такое поведение. Но они перестали так делать только тогда, когда им на ночь связывали руки и ноги.

Власти СС очень хорошо знали, что при существовавшей дневной норме у узника рано или поздно наступит полное истощение и он умрет. В своей пропаганде они старались доказать, что истощение узников имеет свои корни только в расовой специфике представителей «низших» народов.

Однажды я был свидетелем того, как врач СС объяснял прибывшей откуда-то санитарной комиссии, состоящей из представителей союзнических государств гитлеровской Германии, что является причиной плохого физического состояния узников. На вопрос какого-то представителя Италии, какова причина того, что больные так плохо выглядят, врач ответил без запинки, что это поляки, а поляки, как народ варварский, в нормальных условиях жизни питались главным образом луговыми растениями и пили водку, а теперь, когда они попали в лучшие условия, оказалось, что они не могут к ним привыкнуть...

Узник получал пищу, которая в лучшем случае давала ему 1 500 калорий в день. Известно, что такое количество калорий является недостаточным даже для жизни человека, который лежит спокойно при комнатной температуре. Кроме того, что калорийность пищи была низкой, продукты питания были плохого качества.

Профессия, образ жизни и часто связанное с этим социальное происхождение также оказывали в определенной степени влияние на судьбу узника. В лагерных условиях дольше всех сопротивлялись последствиям голода рабочие, привыкшие к труду на открытом воздухе и часто при плохой погоде. С большими трудностями переносили голод узники, которые когда-то были работниками умственного труда, а также и крестьяне.

...Чтобы пережить Освенцим, не нужно было вкладывать свои силы в работу, нужно было обманывать лагерные власти, комбинировать, стараться придумать что-то (я не имею в виду обворовывание своих товарищей по лагерю) и меньше всего думать о семье и о возвращении домой. Вообще нужно было делать все то, чего нельзя было делать».

(Из показаний узника Освенцима Владислава Фейгеля.)

«QUOD ERAT DEMONSTRANDUM» [1]

Штирлица разбудил телефонный звонок. Здесь, во Львове, на Красноармейской улице, пока еще не переименованной в Герингштрассе, звонок этот показался ему зловещим. Медленно, как это всегда бывало с ним в минуты опасности, Штирлиц включил ночник и посмотрел на часы: было три часа утра. Телефон звонил по-прежнему, и было что-то обреченное и тоскливое в этой повторяемости звонков и тревожных пауз тишины.

«За мной ничего нет, — решил Штирлиц. Мыслил он в эти мгновения, словно просматривая кинохронику, только в резко убыстренном темпе. — И потом, если бы за мной что-то было, вряд ли бы стали звонить. Они бы пришли без звонка, бесшумно открыв дверь, как я, ломая Дица».

Он потянулся к трубке, и вдруг кровь прилила к лицу, и он почувствовал, как сразу же похолодели пальцы и отяжелел затылок.

«А если это связано с Магдой?»

Он не успел даже ответить себе, не успел решить, как станет поступать, если случилось что-нибудь с ней, и сразу же поднял трубку.

— Здесь Штирлиц.

— А здесь Диц, — услыхал он раскатистый, необычайно самодовольный, какой-то особый голос гестаповца.

— Пораньше не могли позвонить?

— Не было смысла. Самолеты из Берлина еще не были высланы.

— Самолеты из Берлина? А в чем дело?

— Это не телефонный разговор. Отправляйтесь к Фохту — это в ваших интересах. А я возьму Оберлендера и сразу же буду у Фохта. Мне не хотелось обращаться ни к кому другому: вы знаете эту сволочь лучше всех других. Договорились?

— Хорошо. Только я не понимаю, в чем дело.

— Это не телефонный разговор, — повторил Диц ликующим голосом, — я смог доказать, кто он есть на самом деле, — и положил трубку.

Штирлиц рывком поднялся с кровати, быстро сунул голову под кран. Вода была ледяной, и вкус ее показался Штирлицу забытым, русским.

Одеваясь, он думал о том, что разница между водой в Берлине и той, которую он помнил с юности, была разительной: дома вода была по-настоящему студеной, с голубинкой, именно с голубинкой, потому что сказать о воде «с голубизной» — нельзя, это слишком неповоротливо. Все то, что неповоротливо, — жалко и глупо, потому что любая неповоротливость — в мысли или движении — прежде всего тщится сохранить достоинство, а постоянное внимание к собственному достоинству вырождается в болезненную подозрительность и неверие в добро.

«Стоп, — остановил себя Штирлиц. — С водой — это я, верно, глуплю. Вода всюду одинакова, мы наделяем ее качествами фетиша в зависимости от нашего внутреннего состояния. И не надо сейчас уходить в эмпиреи, хотя я прекрасно понимаю, отчего я так настойчиво ухожу в них: это я успокаиваюсь и хитрю с самим собой».

Именно в это время Гуго Шульце затормозил возле особняка Боден-Граузе — они возвращались с праздничного приема в «Люфтваффе» — помог Ингрид выйти из «вандерера», проводил ее до тяжелой, с чугунными выкрутасами калитки и сказал:

— Обнимите меня и сыграйте пьяную — сейчас они выскочат из-за поворота.

Ингрид поднялась на носки, обняла Шульце, прижалась к нему. Из-за поворота выскочил юркий «оппель-капитан», набитый рослыми, сосредоточенно смотрящими гестаповцами, натренированными замечать все, что нормальному человеку замечать не следовало бы; они увидели тех, за кем следили; шофер сбавил скорость, гестаповцы заученно сыграли «рассеянность», фото, однако, сделали и скрылись за поворотом.

— Сейчас они вернутся, — вздохнул Гуго, — так что продолжайте стоять подле...

— Потереть затылок?

— Я не люблю, — ответил Шульце. — Чему вы улыбаетесь?

— Это я так плачу.

— Курт умер достойно... Он молчал. За нами будут следить еще месяца два так же липко, а потом станут работать иначе. Всем нам сейчас надо продолжать контакты, светские контакты. От работы, от нашей работы, сейчас следует воздержаться.

— Значит, в Краков меня больше не отправят?

— А вы там не были, Ингрид. Вы не были там. Никогда. И никого не встречали.

Ингрид покачала головой:

— Встречала, Гуго... Встречала... Но ведь Курт тоже встречал, а умер достойно...

Она поцеловала Гуго, когда «оппель» вновь показался из-за поворота, и, легко отворив тяжелую калитку, медленно пошла домой.

...На улицах, когда он ехал на квартиру Фохта, по пустынному, рассветающему, тихому, тревожному Львову, Штирлиц увидел, как немецкие солдаты срывали желто-голубые знамена Бандеры и водружали красные, с белым кругом и черной свастикой посредине — трескучие, огромные стяги рейха.

[1] «Что и требовалось доказать» (лат.).

«Это начало драки между ними,— подумал Штирлиц.— Или нет? Или я забегаю вперед и желаемое выдаю за действительное? А почему бы драке не начаться? Армия устремлена в атаку, на тылы ее не хватает. Значит, здесь будет схватка Гиммлера, Бормана и Розенберга. Итак, драка между бонзами возможна? Почему вчера знамена Бандеры пакостили весь город и солдаты СС ходили спокойно и спокойно обменивались гитлеровскими приветствиями с пьяными от крови оберлендеровскими «нахтигалевцами»? Почему вчера патрули были сплошь из «Нахтигаля», а сегодня ни одного бандеровского легионера нет и лишь черные на улицах? Почему Диц позвонил мне и говорил ликующим голосом? Почему он посмел сказать о Фохте как о «сволочи», ведь Фохт сейчас над ним, он в ы ш е? Нет, это все-таки начало драки. Но если я навязываю мою волю событиям, которые развиваются сами по себе, вне моей логики, тогда я могу здорово проиграть. Диц готов пойти на все ради того, чтобы взять реванш за Елену. Или нет? Мне нельзя проигрывать, потому что очень мало наших людей находится сейчас в таком положении, как я. Но, с другой стороны, если я прав, тогда нам будет очень важно иметь то, что я хочу получить. Риск? Риск. Смешно пугать себя риском. Я живу, как раковый больной, который знает, что конец может наступить каждую минуту. Только одни паникуют, а я у п о в а ю».

...Фохт сидел возле телефона, бледный до синевы, тщательно скрывая от Штирлица дрожь в пальцах.

«Кто-то сработал раньше Дица,— понял Штирлиц.— Видимо, армия успела его предупредить. Армия принимает самолеты, без их санкции ни один самолет, хоть трижды эсэсовский, на военный аэродром не сядет — война и есть война».

Штирлиц включил радио, дождался, пока нагреются лампы в большом «филипсе», прослушал первые такты музыки, которая становилась все громче, словно бы силясь прорвать чуть трепещущий матерчатый диск приемника, закурил, показал Фохту глазами на отдушину в стене и медленно погасил спичку.

Фохт сначала непонимающе посмотрел на отдушину, а потом в его глазах что-то мелькнуло, но тут же погасло, и Штирлиц понял, почему погасло.

«Он не верит мне. Надо объяснить ему разницу,— решил он,— разницу Фохт поймет, он знает по своему ведомству, что это такое — р а з н и ц а».

— Сейчас приедет Диц. Он берет Оберлендера, а потом заедет за вами, чтобы отвезти на аэродром,— тихо сказал Штирлиц.— Самолеты из Берлина уже вылетели. Аресты здесь начались? — полуутвердительно спросил он.

— Я не знаю,— ответил Фохт, не разжимая рта (тряслись губы),— меня не соединяют ни со Стецко, ни с Лебедем, ни с Бандерой.

— Спасти вас могу я,— негромко продолжал Штирлиц.— Я спасу вас не из чувства сострадания — я лишен его, это химера. Я спасу вас ради наших интересов, ибо я из политической разведки, а не из гестапо.

— Простите, но я не понимаю,— ответил Фохт, замотав головой. Он начал тереть виски белыми, плоскими пальцами с посиневшими ногтями, и Штирлиц вдруг ощутил, какие они у него холодные и влажные.

— Постарайтесь понять. Времени в обрез. Вы ведь все помните, Фохт. Вы помните все. Значит, вы меня быстро поймете. Я бы мог уничтожить вас в Загребе, когда вы заигрались с нашим агентом Косоричем и Дицем. Я этого не сделал. Почему? Потому что вы для меня более выгодны, чем Диц. Он из гестапо, а вы из другого ведомства, которое имеет выходы за границу. Вы мне в ы г о д н ы, Фохт. Если вы согласитесь стать моим агентом — я называю вещи своими именами, у меня нет времени на сантименты — и мы сейчас оформим наши отношения, я дам вам ключ к спасению.

— Что я должен сделать?

— Выполнить формальность.

— Каким образом вы меня спасете? Я не понимаю, о каком ключе идет речь? Я ни в чем не виноват. Я верен фюреру и рейху...

— Это уже песни,— поморщился Штирлиц и взглянул на часы.— Я слыхал такие песни, и они меня не интересуют.

— Я офицер, Штирлиц.

— Ну и прекрасно. Тем более — какие же вас сомнения могут мучить? Либо вы становитесь моим агентом, а вы знаете, что мы имеем свою агентуру повсюду; либо с вас срывают погоны СС, и тогда ставьте на себе крест.

— Что я должен написать? — Фохт захрустел пальцами, и Штирлицу показалось, что ломают сухой, перележавший зиму валежник.

— Я — псевдоним придумайте — обязуюсь выполнять все указания Бользена, знакомить его с теми материалами, которые потребуются, и приглашать к сотрудничеству с ним тех моих подчиненных, которые попадут в сферу его интересов. Все. И подпишитесь вашим псевдонимом. Второй документ — идентичного содержания, только вместо псевдонима напишите свое имя и фамилию и подпишитесь так, как вы подписываетесь на служебных документах.

(Если и когда Штирлиц погибнет, второй документ, будучи переправлен в Центр, даст основания тем, кто придет ему на смену, заставить Фохта выполнять то, что во всех иных случаях будет делать Штирлиц.)

— Я не смогу смотреть в глаза руководству, Штирлиц...

Голос у Фохта был жалобный, и Штирлиц заметил, что раньше голос его казался более низким — вероятно, он очень следил за собой, справедливо полагая, что тембр и мощь голоса играют заметную роль в продвижении по службе в условиях тоталитарного государства, когда кандидаты на «сильных мира сего» изучаются в канцелярии Бормана со всех сторон, причем такие данные, как внешность, голос, обаяние, юмор, заносятся в папочки, идентичные тем, где хранятся данные по поводу ума «объекта», его деловой подготовленности, расовой полноценности, образования и меры преданности идеалам национал-социализма.

— Я не давлю на вас, Фохт,— сказал Штирлиц,— я ни к чему вас не принуждаю. Просто я не успею дать вам ключ.

— Я напишу первую расписку, и дайте мне ключ. Тогда я напишу вам вторую... Неужели вы мне не верите?

— Конечно, нет. Вы слишком испуганы для того, чтобы я мог вам верить. Поймите только, постарайтесь понять, что я заинтересован в вашем в ы ж и в а н и и, если я беру у вас расписки. Мы не вербуем бесперспективных людей.

Фохт быстро написал вторую расписку, протянул ее Штирлицу, и зрачки его расширились ужасом: по улице мчалась машина.

— Это не он.— Штирлиц понял испуг Фохта.— Это грузовик. Итак, когда вас начнут допрашивать в Берлине — да, да, вас будут допрашивать там,— смело говорите, что вы неоднократно просили Дица быть особенно внимательным по отношению к Бандере. Скажите, что, насколько вам известно, не только вы говорили ему об этом. Подчеркните, что Штирлиц был обеспокоен линией ОУН-Б, предписанной абвером, и предупреждал об этом Дица и вас. Настаивайте на том, что вы были убеждены в санкционированности действий Бандеры, поскольку гестапо должно было з н а т ь все. Вы не могли допустить и мысли, что такого рода замыслы — а действия Бандеры были следствием дальнего замысла абвера — неизвестны Берлину. Вы отвечали за л и н и ю. Ваша линия была абсолютной. Все выявленные украинские коммунисты, русские, евреи и поляки изолированы и занесены в списки на ликвидацию, нет?

— Далеко не все.

— Утверждайте, что в с е. Материалы готовил Мельник, он ведь отвечал за тыл, не так ли?

— Да.

— А Мельник—человек гестапо в первую очередь, абвера — во вторую. Таким образом, вы выходите из-под удара... А вот это приехал Диц. Ну, ну, держите себя в руках. Я дал вам ключ, а вы в самолете отоприте дверь в вашу память и выстройте системы н а п а д е н и я. Ни в коем случае не защиты. Ясно?

Штирлиц потушил сигарету, закурил новую и улыбнулся Фохту так, как мог, мягко.

— Если вы кому-либо, где-либо, когда-либо признаетесь в том, что я вас завербовал, вот тогда ваша карьера действительно кончится, ибо вам — ни в партии, ни у Розенберга — никто не сможет п о в е р и т ь, а мы своих агентов в кадры СД не берем. В крайнем случае, если Диц давно копал на вас и что-то смог здесь собрать, обвиняйте его в непорядочности, сведении личных счетов и моральном падении: он мстил вам за гибель Косорича, ибо вы были свидетелем его провала. Вторым свидетелем провала Дица в его работе с Косоричем был я. Понятно?

...Когда самолеты ушли в солнечное уже, безбрежно-высокое небо — было приказано Оберлендера с его людьми и Фохта отправить в разных самолетах,— Штирлиц улыбнулся Дицу:

— А теперь самое время хорошо позавтракать, нет?

— У меня есть полчаса. Потом надо ехать на допросы.

— Вы провели интересную операцию, дружище.

— В общем, ничего,— согласился Диц и не сдержал горделивой улыбки, хотя улыбаться он сейчас, в минуту своего торжества, не хотел.— Довольно занятная комбинация.

— Ну-ка, научите, как надо делать такие фокусы,— попросил Штирлиц, когда они подошли к машинам.— Или еще нельзя открывать?

— Вам можно,— со значением ответил Диц.— Я подвел к Бандере нашего человека. Он подбросил ему мою идею. Остальное сработало само по себе. Вы верно угадали, Штирлиц, когда говорили о лаврах Бандеры. Не сердитесь, я тогда вынужден был молчать. Мельник — наш человек, и он сейчас будет делать то, что мы ему прикажем. А Бандера — это абвер, это армия, вы же понимаете... Какая на него ставка? Когда мой агент — а это близкий друг Бандеры, это мы разыграли н о т н о — сказал ему, что, только заявив о себе во весь голос, на весь мир, по радио, он сможет пробить наших «бюрократов» и выйти напрямую к фюреру, Бандера поверил.

— Готовьте место для креста, Диц.

— Разве мы сражаемся во имя наград? — Диц вздохнул и сел в машину.— Награды понесут воины СС на черных подушках, перед нашими гробами, Штирлиц.

— Завтракать будем у меня?

— Можно у меня. В моем холодильнике есть пиво, ветчина и сало.

— А в моем — водка, пиво, сало, сосиски и сыр. Едем ко мне, я запасливей... Как фамилия вашего человека?

— Шухевич,— ответил Диц, чуть помедлив.

Он понимал, что, отвечая сейчас Штирлицу, он связывает себя с ним. Но, решил Диц, лучше это сделать самому, чем после того, как Штирлиц н а ж м е т. Инициатива должна быть во всем, в предательстве тоже, тогда это и не предательство вовсе, а с т р а т е г и я: на войне побеждает тот, кто остается в живых. На войне всякое может быть: шальная пуля в спину тоже...

КУРТ ШТРАММ (VI)

А сейчас он ощутил спокойствие, блаженное, расслабленное спокойствие, потому что конвоир, поддерживавший его под локоть, свернул налево, и Курт увидел коридор, именно такой, о каком мечтал,— длинный, узкий, с белыми стенами, а в конце, в самом конце, желтоватая, старая, потрескавшаяся кафельная стена.

«Наверное, мне лучше лечь в кровать и выздороветь,— подумал вдруг Курт,— а уже потом я сделаю то, что обязан сделать. Сейчас я могу не добежать. У меня жар, сильный жар, и конвоир схватит меня за шею и повалит, и они все поймут и потом лишат меня возможности р а с п о р я д и т ь с я собой так, как я обязан распорядиться».

Он точно ощущал каждый свой шаг, понимая, что расстояние до кафельной стены становится все меньше и меньше.

«Ты дрянь, Курт. Ты смог обмануть седого эсэсмана, ты наговорил ему много чепухи о прошлом, которая будет смешной, если он прочитает ее Ингрид, Гуго или Эгону, и они поймут, они все поймут, потому что ты п р о к р и ч а л им то, чего не мог бы никогда сказать отсюда. Они обязаны понять твой бред, и потомки поймут, вчитавшись в те показания, которые ты дал: чем глупее и нелепее ска-

занное тобою будет записано седым эсэсманом, тем яснее станет всем, что ты держался стойко и не был мерзавцем и никого не подвел, спасая свою жизнь. Ты смог обмануть седого, а сейчас ты хочешь обмануть себя. Не спорь. Не отговаривайся слабостью, жаром, тем, что рядом конвоир. Когда ты выздоровеешь, их будет двое. И потом, ты можешь бредить и в бреду скажешь про нашего связника из Швейцарии. И про Ингрид. И про Гуго с Эгоном».

Курт чувствовал, как желтоватая, в трещинах кафельная стена надвигается на него.

«Боже милосердный, помоги мне! — взмолился он.— Дай силы мне, боже! Как просто жить на земле, ходить по ней, чувствовать боль, страдать из-за любви, нестись с гор, когда холодный снег игольчато бьет тебя в лицо... Ох, зачем же я думаю об этом?! Я не должен об этом думать сейчас! Я должен думать про иголки, которые входят под ноготь, медленно и упруго раздирая кожу, доходя до мозга и до сердца и до того страшного холода, который появляется внутри за минуту перед тем, как они начинают. Неужели я обычное животное, для которого возможность дышать, получать похлебку и ложиться на нары важнее, чем право остаться самим собой, распорядиться тем, что мне принадлежит? Ну, Курт, милый, это ведь только одно мгновение ужаса, а потом наступит счастье избавления от самого себя, от того себя, который уже ощутил внутри трещину, и трещина эта будет все шире и шире, как разводы на мартовской реке, после первого теплого дождя, который хлещет тебя по лицу, и ты высовываешь язык, и ощущаешь, как холодная и пресная вода падает с небес...»

Курт обернулся к конвоиру, жалко улыбнулся ему, а потом спружинился, ударил его двумя пальцами в глаз, и почувствовал мокрый холод глазного яблока и горячую трепетность век, и услыхал страшный крик конвоира, но это был не крик боли, а скорее крик испуга неуследившего, что-то вроде жалобного визга охотничьей собаки, которая потеряла след подранка.

Курт опустил голову, оттолкнулся от пола и понесся, как раньше, когда он приезжал на стадион заниматься легкой атлетикой перед началом сезона в горах, чувствуя, что сейчас, через мгновение, он ощутит удар, и он представил явственно и близко желтую массу своего мозга на желтой стене, и закричал от невыразимой жалости к себе, и услышал, как где-то рядом хлопнула дверь, и понял, что за ним гонятся, и замахал руками, чтобы стена скорее обрушилась на него и расколола его череп, в котором грохочет имя связника, и пароль к Гуго, и адрес, где можно укрыться в случае провала кого-то из них, и любовь к Ингрид...

Тьма.
Избавление.
Это не было больно: смерть наступает за мгновение до того, как человек ощутит боль.

(Ночью в номер Штирлица постучали.
— Кто?
— Из городской управы,— мягко ответил по-украински голос,— из медицинского отдела, Опанас Мирошниченко.
— Что? — удивился Штирлиц, накидывая халат.— Говорите по-немецки, пожалуйста! В чем дело?!

Он отпер дверь: на пороге стоял черноокий мужчина в расшитой украинской рубашке.

— Извините, забылся,— сказал он, переходя на немецкий,— я доктор, отвечаю за дезинфекцию гостиницы... А вы, господин Штирлиц, совсем не изменились со времен «Куин Мэри».

— Вы тоже плыли на этом судне? В каком классе? — спросил Штирлиц, ощущая певучую, усталую, но в то же время уверенную радость: слова пароля — слова надежды.
— Во втором... Я стажировался в Штатах.— Это был отзыв.
— Проходите, доктор,— сказал Штирлиц и включил приемник: Берлин передавал победные марши.)

Окончание следует.

ПЕВИЦА

О. ДОБРОХОТОВА

Ведущее меццо-сопрано Большого театра, самая яркая звезда на небосклоне советского вокального искусства — так называют зарубежные критики нашу певицу, народную артистку СССР Ирину Константиновну Архипову. Называют справедливо. Но порой минует напряжение каждого дня, каждого часа, из которых и сложилось двадцатилетие творческой деятельности певицы. А каждый этот час, в свою очередь, характерен удивительной, редчайшей целеустремленностью и умением певицы, неутомимым желанием работать буднично — дома, в классе, с концертмейстером, чаще одной; работать кропотливо, дотошно, тщательно, не однажды возвращаясь к тому, что, казалось бы, уже завершено. Не премьерными подвигами, не стремлением к шумному успеху, к оригинальности, а известными только ей да самым близким людям радостями и огорчениями обыденного труда, медленным приближением к совершенству определяется артистическая жизнь Архиповой. И как итог возникают одна за другой такие значительные творческие победы, как Марфа и Марина в операх Мусоргского, Кармен, Любаша в «Царской невесте», Весна в «Снегурочке», Амнерис в «Аиде», Ниловна и Комиссар в операх Хренникова и Холминова и многие другие замечательные работы в театре... В концертных же залах подлинными художественными открытиями стали «Песни и пляски смерти» Мусоргского, романсы Рахманинова и Чайковского, программы «Пушкин в музыке», «Романсы на стихи Лермонтова», давно никем не петые интереснейшие романсы Танеева, кантаты Прокофьева, песни Дунаевского, песни революционных и военных лет... Я не смогу, пожалуй, назвать программу, в перечне работ которого содержалось бы столько разносторонних интересов, красноречивого разнообразия.

Суть деятельности Архиповой в том, что серьезность отношения к оперной партии или песне одинакова. Ни в чем не позволяет себе певица отступить от своих принципов, где главное — высочайшая требовательность к себе.

Архипова — выразительная и эмоциональная актриса. Но главное ее достижение — и главная точка приложения всех сил — пение. Может показаться странной такая мысль о певице. Однако не торопитесь удивляться: иной раз музыка и пение уходят на второй план в современной опере. К счастью, в спектаклях с участием Ирины Архиповой заведомо встретишься с подлинным искусством пения — выразительного и осмысленного современного бельканто. Певицу заботят — и она не перестает работать над этим — ровность и гибкость звучания, широта дыхания. Отсюда просторная инструментальная фраза, поиски тембров и красок, нужных именно для данного сочинения, данной партии. Ее заботят благородство звука, отсутствие внешнего старания, незаметность вокальных технологических приспособлений. Теперь такую серьезность и кропотливость в работе воспринимаешь как чудо.

Не будь Архипова столь глубоким музыкантом, ее биографию можно было бы изложить вполне сенсационно. Многообещающий архитектор, она вдруг расстается со своим призванием и по совету академика архитектуры И. В. Жолтовского, который называл ее «примадонной» — и всерьез и в шутку — еще в архитектурном институте, поступает в Московскую консерваторию. После окончания консерватории ее, ученицу знаменитого баритона Савранского, в Большой театр не приняли, но это поражение не поколебало уверенности певицы. Понадобилось всего два сезона работы в Свердловской опере, чтобы покорить Большой театр, где уже около двадцати лет Архипова является действительно примадонной.

Пришла она сюда в пору, трудную для театра, пору критическую. Один за другим уходили мастера, составлявшие в течение трех десятилетий славу этой сцены... Время не щадило любимых великих певцов... Заменить их было невозможно: нужно было принять их знамя высочайшего профессионализма, жертвенной самоотдачи, служения прекрасному.

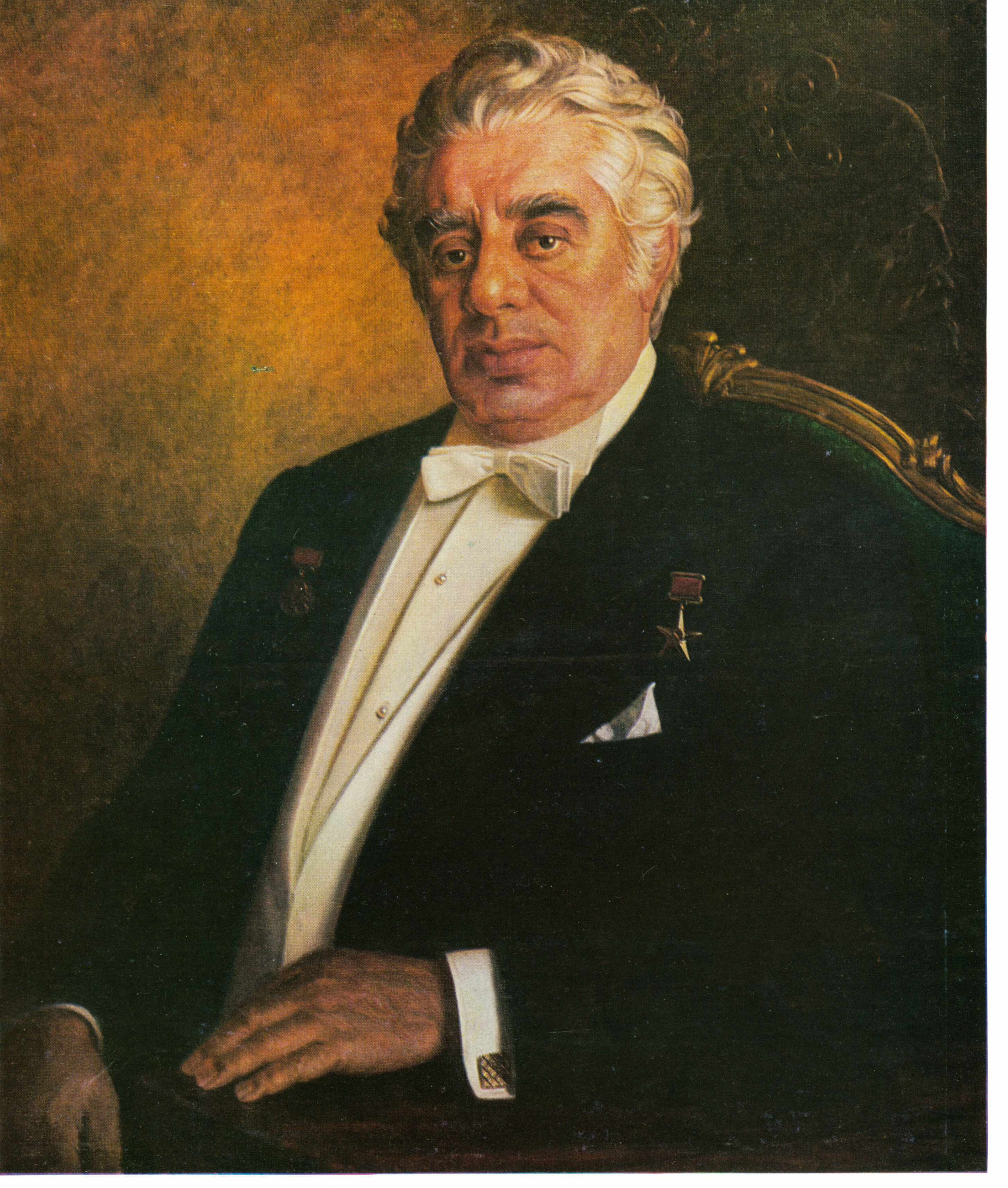
Архипова оказалась одной из немногих, кто не дал ощутить надвигавшуюся пустоту. Ее самоотверженная работа в театре, ее талант особенно много значили в те годы, как, впрочем, значат и до сего дня, потому что каждый спектакль с участием певицы становится праздником для истинных ценителей оперы.

Путь Архиповой к успеху в мировом музыкальном искусстве начался с памятного спектакля «Кармен», где она пела с Марио дель Монако и была впервые приглашена в зарубежное турне. Теперь она желанная певица в любом лучшем оперном театре мира. Она пела в спектаклях «Ла Скала», и Н. Гяуров был ее партнером в операх Мусоргского. Она пела в средневековом театре в Оранже во время музыкальных фестивалей на юге Франции. Она пела в лондонском «Ковент-Гардене», и партнером ее была знаменитая Монсерра Кабалле в «Трубадуре» Верди, Архипова участвовала в постановке оперы П. Дюка «Ариадна и Синяя борода» в парижской «Гранд-опера», пела в театре «Колон» в Буэнос-Айресе, где осуществлена новая постановка «Бориса Годунова».

Совсем недавно Ирине Константиновне Архиповой была присуждена в Париже Большая премия «Золотой Орфей» за лучшее исполнение оперных партий на пластинках 1975 года.

А. Шилов. Род. 1943. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР И. К. АРХИПОВОЙ. 1975. Пастель.

А. Шилов. ПОРТРЕТ ЛАУРЕАТА ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ КОМПОЗИТОРА А. И. ХАЧАТУРЯНА. 1974.

КРАСОТА МУЗЫКИ

Звучит вальс из музыки к «Маскараду»... Воочию видится вам блеск эполет и сверкание обнаженных плеч, мерцание сотен свечей, отраженных в огромных зеркалах... Вы сердцем чувствуете томительную загадочность, разлитую в воздухе, и удивительное состояние — «не то, чтобы печаль, не то, чтоб радость» — трогает душу вашу, растворяя ее в музыке Арама Хачатуряна.

Давно замечено, что звуки наиболее точно помогают воссоздавать в нашем сознании картины пережитого. Вместе со своей музыкой композитор дарит нам то, что мы никогда не смогли бы сами увидеть, услышать, почувствовать. Буйная, безрассудно щедрая мелодия словно бросает нас в толпу героев его творчества, страдающих, любящих, торжествующих.

Полная неповторимого своеобразия музыка древнего Востока, русская классическая музыка, европейское музыкальное наследие, сливаясь в удивительной гармонии, питали творчество Хачатуряна.

И вот уже более полувека — признание, слава, концерты, поклонники, столицы, последователи, награды, звания, книги и статьи о Хачатуряне и его музыке... Балеты и сюиты, симфонии и песни — творческий диапазон композитора огромен. О музыке Хачатуряна пишут много, подробно, научно, а она, как все великое в искусстве, пожалуй, не поддается никаким объяснениям и толкованиям. И видимо, поэтому творчество композитора привлекает к себе не только музыковедов, но и живописцев.

— Писать портрет Арама Ильича было и трудно и интересно, — рассказывает художник Александр Шилов. — Композитор был крайне занят и ограничен во времени. Но ко всем моим просьбам относился очень внимательно, стараясь помочь и мне в моей работе.

Позируя, Арам Ильич или сам напевал какие-то новые свои мелодии, или же включал записи своих произведений, в основном из «Маскарада», «Спартака»... В эти минуты он был во власти творчества, вдохновения, что облегчало мои задачи, так как мне хотелось отразить в портрете именно МУЗЫКУ. Музыку Хачатуряна. Она звучала, казалось, и во взгляде композитора, и даже в самой его позе мне «виделась» солнечная, многокрасочная мелодия...

Л. ЛУКЬЯНОВА

Геннадий ЗАФЕСОВ

КОММУНИСТ ОСТРОВА СВОБОДЫ

Дорога предстояла привычная. От Гуинеса до Гаваны. Обычно они с Луисом тратили на нее не более пятидесяти минут.

Машина миновала последние дома и выскочила на проселок. По сторонам расстилался привычный пейзаж. Поля юкки и маланги, дальше зеленым морем сахарный тростник, и среди этого простора — кроны королевских пальм. Где-то вдали, почти у самого горизонта, остался поселок Сан-Николас. В поездках по району директор швейной фабрики Атерио Альфонсо Мендес всегда старался выкроить часок, чтобы заглянуть в поселок, хотя дел у него там не бывало. «Все мы с годами становимся сентиментальными, и тянет нас к местам, где мы родились».

С тех пор минуло почти шестьдесят. В лачуге он жил с родителями и шестью братьями. От общих нар, где они спали вповалку, до единственного оконного проема было три шага, а до дверного — четыре. Именно до проемов, потому что ни окон, ни дверей в домах бедняков не водилось. «Хижины этой сколько лет нет, и новый дом стоит на ее месте, а я вот все помню, и, видно, воспоминания эти умрут вместе со мной».

Снова вспомнилось детство и, как самое светлое, школа, в которую он ходил до пятого класса, и добрый учитель. Когда в непогоду, из-за того, что не было одежды и обуви, случалось не пойти в школу, учитель приходил после уроков к ним домой. Учитель знал, что разлучить ребенка бедняка со школой проще простого, и старался сделать все, чтобы это случилось как можно позже. Атерио Мендес ходил в школу целых пять лет, у большинства учение заканчивалось через два-три года.

В одиннадцать лет он уже вышел на работу в поле, в пятнадцать взял в руки мачете и начал рубить сахарный тростник. Широкий, длинный нож к вечеру становился таким тяжелым, что рука с трудом поднимала его, а ведь еще нужно было вложить силу в удар, иначе упругий стебель не падал, а только дрожал, как туго натянутая струна. Но, как ни тяжела работа, как ни унизительна зависимость от помещичьих управляющих, страшнее был «мертвый сезон», когда найти работу практически невозможно.

Директору вспоминается забастовка в тридцать третьем году, организованная коммунистами и направленная против диктатуры Мачадо. Он был еще совсем мальчишкой, и не разбирался в политике, и о коммунистах тогда тоже ничего не знал, но забастовка ему понравилась. Он впервые почувствовал себя сильным и нужным, почувствовал себя частицей могучего рабочего братства. Ему, мальчишке, было дано важное поручение: переписать в поселке всех детей. Для них хотели купить одежду и обувь на деньги, собранные по подписке.

Впервые серьезно он задумался о положении рабочего человека лет в двадцать, когда накопился довольно суровый жизненный опыт. Возникло твердое убеждение, что больше так жить нельзя. Нужно бороться, но как, не знал. Вскоре он познакомился с молодыми людьми, входившими в довольно популярную в те годы либеральную партию аутентиков. Они ратовали за облегчение жизни трудящегося человека, но по-настоящему не знали тягот и трудностей пролетариата. К тому же они считали, что профсоюзами должны руководить только аутентики и ни в коем случае не коммунисты.

Опыт общения с коммунистами у юноши был еще мал. Несколько бесед и споров о методах борьбы и пропаганды. Иногда он с ними не соглашался, но ему близки и понятны их позиции. Коммунисты терпеливо объясняют свои цели и задачи. Однажды дали ему работу Блас Рока «Основы социализма на Кубе». Он читает ее в один присест. Кое-что, конечно, непонятно, но найдено главное — свое место в борьбе. Отныне его жизнь навсегда будет связана с коммунистами. Прежние друзья обвиняют его в «предательстве». Обвинение смехотворное, но, человек прямой и бескомпромиссный, он отправляется в газету «Ой» и через нее делает официальное заявление о выходе из партии аутентиков.

Став коммунистом, он полностью отдает себя партии. Больше не одолевают сомнения и раздумья. Все мысли направлены на одно: как лучше выполнить очередное поручение партии. Сил и выдержки требуется много больше, чем раньше, — отношение к коммунистам у властей тоже особое.

На сахарном заводе в поселке Сан-Николас создается профсоюз, руководство в нем захватывают откровенные антикоммунисты и скрытые прислужники хозяев. Партия поручает Мендесу публично разоблачить их деятельность. Во время его выступления на собрании налетает полиция. Позже выясняется, что она была предупреждена «руководителями» этого профсоюза. Первый арест. До суда дело, к счастью, не доходит. Полиция боится окончательно разоблачить неприглядную роль профсоюзных боссов.

Новое задание партии — организовать забастовку и потребовать от хозяев выплаты рабочим за сверхурочные часы. Снова конфликт с соглашателями из руководства профсоюзов, но рабочие идут за коммунистом — ни один рубщик не вышел в поле. Сельские жандармы приходят арестовать «смутьяна». Рабочие встают на защиту и требуют, чтобы их арестовали вместе с ним. Когда несколько жандармов ведут в казарму семьдесят пять арестованных, это похоже на демонстрацию. В поселке брожение, даже самые смирные возмущены действиями властей. Те и сами напуганы. Арестантов навещает староста, уговаривает разойтись по домам. От уговоров переходит к угрозам. Если, мол, суд признает забастовку незаконной, будете осуждены на длительные сроки. Ни уговоры, ни угрозы не помогают. Всех загоняют в небольшую камеру, где люди могут только стоять. В конце концов требования рабочих были удовлетворены. Все расходятся по домам, но вожака тут же снова арестовывают и препровождают в одну из самых страшных тюрем — Принсипе. Выручают товарищи.

Вскоре новый арест. На этот раз за распространение листовок, разоблачающих антинародный проамериканский переворот, совершенный Батистой. Тогда Мендес еще не знал, что Батиста станет последним диктатором в кубинской истории. Но тогда сила была в его руках, и на коммунистов обрушились бешеные репрессии. Было совсем невесело, когда привезли в полицейский участок, но он не мог не улыбнуться, услышав слова полицейского, рапортовавшего начальнику: «Вот, доставили этого русского».

Лейтенант, поигрывая английским стеком, подошел к нему и издевательски осведомился: «Ты что же, действительно считаешь себя русским?» «Я кубинец, но можете записать, что я русский. Рано или поздно мы добьемся того, чего добились русские рабочие в октябре семнадцатого года».

Снова одиночка. Каменный пол. Глазок надзирателя. Но он и в тюрьме чувствовал себя борцом. Поддерживал павших духом, помогал советом оставшимся на свободе. Сколько же раз его арестовывали? Он начинал считать и сбивался. Наконец остановился на цифре четырнадцать. «Многовато», — подвел лаконичный итог.

...Проселок кончился, и дорога влилась в широченное шоссе.

До самой Гаваны Луис уже не дал директору вернуться к воспоминаниям, спрашивал то об одном, то о другом и умолк только тогда, когда Мендес вытащил из кармана маленькие блокнотные листки и углубился в них. Содержание их директор знал наизусть, так же как на память помнил все цифровые показатели не только фабрики, но и района, но со свойственной ему добросовестностью и крестьянской основательностью готовился к любому делу скрупулезно и педантично. Тем более когда ему предстояло выступить от имени всех коммунистов района. Он никогда не думал о себе и о месте, какое займет после победы. Шел туда, куда посылала партия. Вспомнилось, как раз в жизни он попросил заменить ему партийное поручение, когда его включили в группу, которой предстояло разобраться с бывшим репрессивным аппаратом и определить конкретную степень вины каждого следователя и полицейского. Он побоялся, что не сможет быть объективным. Товарищ, направлявший его туда (с ним он не раз делил тюремную баланду), сказал: «Надо. Помнишь, как Дылда, издеваясь над нами, приставал: «Ну, а если б ваша власть взяла, тоже бы задали нам перцу?» Когда будешь разбираться, вспомни об этом мерзавце. Революция — это прежде всего справедливость».

Машина нырнула в туннель. Сияющая расплавленным серебром узкая горловина залива осталась над головой. Вынырнув из-под залива, они понеслись по празднично украшенной набережной. Им обоим не раз случалось бывать в Гаване, они любовались и гордились ею, оставаясь в душе верными своему скромному Гуинесу. Они остановились у подъезда театра имени Карла Маркса. После ремонта его было просто не узнать. Машины подъезжали одна за другой и нетерпеливо сигналили. Директор хлопнул дверцей и махнул Луису: мол, ты свободен. В вестибюле он подошел к одному из регистрационных столов, предъявил документы. И через минуту держал в руках кусочек красного картона, на котором было написано: «Товарищу Атерио Альфонсо Мендесу, делегату Первого съезда Коммунистической партии Кубы».

Гавана.

Цезарь **СОЛОДАРЬ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДВОЙНЫЕ

Жалуясь на бесчисленные сионистские поборы под видом пожертвований, евреи в Бельгии и Голландии часто упоминали сбор вспомоществований на приданое неимущим израильским невестам и женихам.

Признаться, эта графа вначале меня особенно удивила. Неужели при обилии и изобретательности израильских контор по сватовству нужна еще финансовая поддержка невестам и женихам? Вспомнил газетное объявление одной из многих тель-авивских фирм по устройству браков. Она хвастливо рекламировала большой ассортимент «состоятельных» невест от 18 до 60 и женихов от 20 до 70 лет. Чем не пары для несостоятельных женихов и таких же невест? И это объявление, представьте, соседствовало на газетных страницах с обращением к вдовам солдат, погибших в осенней войне 1973 года.

Могу привести более свежие газетные объявления. Взял наугад два из нескольких десятков:

«Бракопосредническое бюро «ИОФИ» Тель-Авив, ул. Дизенгоф, 212, тел. 220868 ПРЕДЛАГАЕТ: туристку из Европы, 45, красивую, богатую; туриста 25/180, из Нью-Йорка, в настоящее время в Израиле; туриста, 50, из Норвегии; туриста, 30, из Германии; женщину с высшим образованием, 26, говорящую по-русски; туристку, 25, в настоящее время в Израиле; врача, 28, квартира + автомашина; фармацевтку, 53, владелицу аптеки; врачей 44, 30, 50; инженеров; религиозную туристку, 28, владелицу крупной фабрики. Имеется специальное ИНВАЛИДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ».

«ДАЛИЯ». Самый серьезный институт бракосочетания в Израиле. (Тель-Авив, ул. Авхаризи, 7, уг. Шломо-Гамелех и Арлозоров, т. 235906). У нас исключительные НЕВЕСТЫ — с учеными званиями, интеллектуальные, получают ренту, богатые и красивые, обладают квартирами и наличными деньгами. Возраст — от 18 до 65 лет. Говорим на идиш, немецком, румынском, венгерском, английском и французском яз.».

Я дословно переписал два объявления совсем не для того, чтобы рассмешить читателей. Впрочем, когда торгашески предлагают невест и женихов из специального инвалидного отделения (и, вероятно, специально для инвалидов), тут уж совсем не до смеха. Эти объявления представляют интерес по более веской причине: часть «пожертвований», выкачанных у трудового люда западноевропейскими сионистами в пользу несостоятельных невест и женихов, тратится, оказывается, на субсидии солидным фирмам по сватовству.

И, как я понял из бесед с бельгийскими и голландскими евреями, для них будет слабым утешением, если их кровные денежки получит даже «самый серьезный институт бракосочетания в Израиле»!

Есть еврейское народное речение о благотворительных сборах — едкое, но не вполне переводимое, приблизительно такое: «Стучать в кружки». Разумеется, денежные. Сионисты неистово стучат в кружки. Пускают их по кругу. Из дома в дом, из города в город, из страны в страну. Да, круг довольно большой, иногда он пересекает океан. Ведь бельгийские и голландские сионисты, жертвующие значительные суммы Израилю, сами получают на важные мероприятия пожертвования от американских сионистов. Скажем, на курсы по изучению иврита, на перемещение беженцев из Израиля, на проведение конгрессов сионистских федераций.

Сионисты стучат в денежные кружки. Да вот «добровольные жертвователи» что-то все меньше и меньше опускают туда денежек. Особенно ощущается это среди трудового люда.

Сионисты угрожают, стращают, скандалят. Но «антисемиты» стоят на своем и денег не дают. Еще несколько лет тому назад они покорно внимали перекочевавшему из Израиля словечку «совланут», что означает «терпение». И платили.

А ныне потеряли всякое терпение и не желают дырявить свой — и без того израненный инфляцией — бюджет в угоду сионистским затеям.

Стучат сионисты в денежные кружки, стучат, не жалея своих рук и чужих барабанных перепонок.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СИОНИЗМ

— А почему вас потянуло именно к нам, в Брюссель?

Так спросил меня назвавшийся дежурным редактором сотрудник газетки «Ля трибюн сионист», когда я позвонил в редакцию и сказал, что хотел бы познакомиться с работой газеты.

— В Вене мне сказали,— ответил я,— что именно в Бельгии и Голландии можно увидеть настоящих сионистов, своего рода образцовых.

— Неправду вам сказали! Мы самые обыкновенные сионисты. И поэтому нам незачем встречаться с корреспондентом из Москвы.

«Самые обыкновенные сионисты». Откуда такая ложная скромность? Не от стремления ли скрыть от посторонних глаз свою особую роль в системе международного сионизма?

В Голландии от госпожи Баркай я услышал то же самое, что от брюссельского редактора:

— Голландские сионисты такие, как все. Можете мне поверить, я знаю сионистов и английских, и французских, и, наконец, израильских. Все борются за одно и то же. И с одними и теми же... Вот вам, драматургу, будет интересен такой случай. Есть в Израиле Камерный театр. И вдруг — новая афиша: пьеса Ханака Левина «Королева ванн». Неплохое название, правда? Можно подумать, пьеса о куртизанке или великосветской авантюристке. А Левин, оказалось, схитрил. Пьеса осуждает войну. Вы бы думали, какую? Нашу с арабами, кровными врагами евреев. Разве же можно было не добиваться снятия такого враждебного нам спектакля! Сняли. А с Ханаком Левиным, и с режиссером Давидом Левиным, и с главными исполнителями пришлось, конечно, серьезно поговорить. И дать им понять, что они примкнули к нашим врагам. Кое-кто даже перестарался — послал им письма с угрозой смерти. А в Хайфе выпустили про них чересчур резкую листовку. Но это уже детали. Я вас спрашиваю, разве сионисты Голландии или, допустим, Англии не так бы реагировали на пьесу в пользу наших врагов?.. Словом, мы всюду одинаковы. К счастью. И голландский сионизм никакой не бастион, ерунду вам наговорил нервный молодой человек из венского тира. Самый обыкновенный сионизм. Подумайте как следует, и вы согласитесь со мной...

Да, вспомнив все увиденное, я впервые соглашаюсь с Дорой Моисеевной. Вышибала венского тира «Иохан Шпрингер» действительно пересолил, расписывая исключительность бельгийских и голландских сионистов. Вероятно, хотел демагогически поразить меня упоминанием об идеальной, с его точки зрения, модели стопроцентного сионизма. Возможно, предполагал, что я ему поверю на слово и что мне никогда так и не доведется повстречаться с его бельгийскими и голландскими единомышленниками, увидеть методы и плоды их работы. А они и впрямь обыкновенные, они — как все. И ничем, кстати, не отличаются от своих венских собратьев. Как я уже рассказывал в «Огоньке» [1], те порой расправлялись с «антисемитами» еврейской национальности гораздо круче, нежели маккабисты в Брюсселе или бнайбритовцы в Амстердаме.

Разве английские, скажем, сионисты не убеждены, подобно своим единомышленникам в странах Бенилюкса, что еврейская беднота должна бросать родные места и мчаться на муки-мученические в Израиль, а те, кто связан со своей страной солидным «делом», может ограничиться только отправкой в Израиль людей, не отягощенных крупной частной собственностью? Я приводил в «Огоньке» такие высказывания английского богача еврейской национальности [2]. А сейчас воспользуюсь точной и обобщающей формулировкой Андре Жиссельбрехта на страницах французского журнала «Нувель критик»: «Теперь сионисты — это не те, кто «решает жить в Израиле» (определение Бен-Гуриона), а те, кто из Тель-Авива, Вашингтона или любого другого места капиталистического мира побуждают к этому евреев других стран, особенно социалистических». Побуждают, конечно, способами, выходящими далеко за предел допустимых.

Итак, обыкновенные сионисты, обыкновенный сионизм. Тот самый, что в наши дни, по определению коммунистов Израиля, «является реакционной и националистической идеологией и политикой проимпериалистической еврейской буржуазии, центр которой находится в Израиле и США».

Ни на гран, однако, ни на микрочастицу нельзя отождествлять евреев всего мира с сионистами, как нельзя отождествлять государство Израиль с сионизмом. Наоборот, сионизм превратился во врага государства Израиль, он наносит огромный ущерб его народу и евреям во всех других странах.

Еще и еще раз убедила меня в этом поездка в Бельгию и Голландию.

Я увидел, как рьяно обыкновенный сионизм этих стран поддерживает теорию «неизбежного антисемитизма», помогающую внушать евреям, что они не относятся к обществу, где проживают, а считаются чужими в своей стране. Как антипрогрессивен, антисоциалистичен характер современного сионизма! С каким шовинистическим подходом оценивает он все, что происходит сегодня в мире. Как враждебно реагирует на каждый новый признак разрядки напряженности. Как верно служит империализму и видит свою надежную опору в крупном капитале. Как оголтело выступает против международного рабочего движения, против национально-освободительного движе-

Окончание. Начало см. «Огонек» №№ 39, 43, 46—50.

[1] «Бывшие», 1974 г., №№ 16,17.
[2] Там же, № 14

ния и против мировой социалистической системы, особенно против нашей страны.

Стоит бегло полистать сионистские газеты, и сразу видишь их яростную нацеленность против одного из самых святых для советского народа завоеваний социалистического строя — дружбы народов. У кого что болит, тот про то и говорит! Одно из самых больных мест сионизма — это тщетные попытки создать видимость дружбы не то что между израильтянами и другими народами, но хотя бы между разными категориями израильтян: ватиким и олим хадашим, ашкенази и сефарды и т. п. Вот и стремятся сионисты оклеветать крепкую дружбу советских народов!

Мне, приехавшему в Бенилюкс с «дубликатом бесценного груза» — паспортом гражданина СССР, бросился в глаза оголтелый антисоветизм сионистов, о чем недаром начинает говорить во весь голос прогрессивная еврейская общественность западных стран. Нельзя, возможно, назвать антисоветчиками многих рядовых сионистов, не всегда и не во всем согласных со своими идеологическими руководителями и партийными лидерами. Но программа, направление и практика сегодняшнего международного сионизма насквозь пропитаны враждой к нашему советскому строю, к нашему обществу, к нашим идеалам и чаяниям.

И на этой стезе обыкновенные сионисты западноевропейских стран с особенным тщанием, с исключительным прилежанием следуют по стопам израильских сионистов.

Чтобы подтвердить это убедительным примером, вспомним тяжелейшую пору второй мировой войны, когда гитлеровские войска наступали на двух фронтах. Тогда еврейскому населению Палестины приходилось дрожать за свою судьбу и жизнь не менее, чем евреям европейских стран. Ведь фашистские захватчики быстро продвигались в Северной Африке и, проникнув на землю Египта, находились совсем недалеко от пределов Палестины.

— В нашем подпольном отряде было несколько евреев, чьи родственники перед нацистской оккупацией переехали в Палестину, точнее, в Яффу,— рассказала мне участница бельгийского Сопротивления Люсьена Бюрс.— Можете себе представить их переживания, когда наш старенький «филипс» поймал хвастливую радиотрескотню гитлеровцев о победном продвижении их войск по Египту. Геббельсовская пропаганда уже обещала полную расправу с «презренным царством иудеев». Мы раздобыли старую школьную карту Африки и по ней с тревогой следили за продвижением наци к Палестине. И вдруг слышим передачу подпольной французской радиостанции: немцы приостанавливают продвижение по Египту и перебрасывают свои части на Восточный фронт!..

Почему же фашистские войска не дошли до Палестины?

«...Не потому,—точно и недвусмысленно отвечают на этот вопрос коммунисты Израиля,— что они посчитались со святой землей или с сионистским талисманом руководителей еврейского населения Палестины. Это случилось потому, что Советская Армия своевременно, буквально накануне вторжения нацистов в Палестину, сумела сломить хребет гитлеровцам у Сталинграда, заставив их срочно перебросить подкрепления из Северной Африки на советский фронт».

— А вскоре,— завершила свой рассказ Люсьена Бюрс,— мы впервые услышали слова: Сталинград, Сталинградский котел, разгром немцев на русской реке Волге... Мы бросились друг другу в объятия, мы прославляли неизвестных нам героев далекого Сталинграда. Это они помешали нацистам истребить наших родных в Палестине!..

Итак, героизм советских войск, разгромивших фашистские полчища в великой битве на Волге, спас еврейское население Палестины, спас будущих граждан Израиля от фашистской оккупации и расправы. Такова историческая истина. И никому на свете никакими домыслами не дано опровергнуть ее!

А сионисты всех стран, по примеру израильских, опровергают. Тридцать третий год опровергают. Придумывают различные версии, зачастую противоречащие одна другой.

Помню, как побагровел мексиканский фабрикант Ласки, когда я с ним заговорил на эту тему. Потом залепетал что-то невнятное о безошибочном сионистском предвидении и воле божьей. Но о Сталинградской битве и слышать не хотел. Ведь признать истинные пути спасения еврейского населения Палестины значило бы согласиться с марксистско-ленинским положением о том, что избавить евреев от преследований, дискриминации и уничтожения может только победа социализма и коммунизма. А разве пристало это даже самому обыкновенному сионисту!

Конечно, сионисты Бельгии и Голландии тоже исповедуют взгляды своих израильских собратьев на этот вопрос. Но недавно они пошли еще дальше.

Произошло это накануне празднования тридцатилетия разгрома немецко-фашистских войск. В те дни печать Бельгии и Голландии особенно часто вспоминала, как в боевых отрядах Сопротивления плечом к плечу с фламандцами, валлонами, голландцами, французами, евреями сражались и советские бойцы. И только сионистские газеты неизменно вычеркивали имена советских людей из перечня борцов с фашистскими оккупантами. И вдруг — какой конфуз! — на собрании еврейской общины в Брюгге один из выступавших счел своим долгом почтить память советских бойцов — волжанина Доценко, ленинградца Степанова и других легендарных храбрецов, отдавших жизнь за освобождение Бельгии. Весть об «изменническом поступке» докатилась до руководителей сионистской федерации, и она признала положение в еврейской общине Брюгге неблагополучным. Нельзя упоминать о советских людях — героях бельгийского Сопротивления — и баста! Словно не покоятся в двухстах сорока трех местах бельгийской земли тела тысяч советских воинов и мирных граждан, павших в боях за освобождение родины Тиля Уленшпигеля от фашистских оккупантов.

А в Голландии молодые сионисты на собраниях, как и их газеты, в дни тридцатилетия Победы совсем не упоминали советские войска, когда говорили о силах, одолевших фашизм. Запрещено было также вспоминать, какой толчок развитию движения Сопротивления давала каждая весть о новой победе советских войск над гитлеровцами. Но ведь об этом ярко сказано хотя бы в известном документальном романе Тейн де Фриса «Рыжеволосая девушка», где повествование ведется от лица подпольщицы Ханны, прототипом которой послужила героиня голландского антифашистского Сопротивления Иоханна Схафт, расстрелянная немецкими оккупантами за несколько недель до окончательного поражения фашистской Германии:

«Мы читали и перечитывали сообщения во всех подпольных газетах, какие только могли раздобыть. Сталинград! То, что прежде существовало лишь как географическое название, стало покоряющей действительностью. В последнее время я часто лежала ночью без сна... Слово «Сталинград» возникало передо мной на фоне темных окон, я писала это название огненными буквами, возникшими из пылающего в душе огня. Под Сталинградом нашли себе могилу фашистские дивизии, там похоронено фашистское высокомерие...»

А тридцать три года спустя вычеркивают огненное слово «Сталинград» из сознания студентов университета, где училась Иоханна Схафт и погибшие вместе с ней подруги. Вычеркивают — так предписал сионистский союз еврейских студентов.

Что ж, в памятные дни тридцатилетия разгрома фашизма бельгийские и голландские сионисты сумели блестяще доказать, что и вне Израиля обыкновенный сионизм остается яро антисоветским. И все больше горестей и бед, зачастую непоправимых, приносит евреям.

Вот почему и к западноеврейским сионистам полностью относятся гневные слова первого секретаря ЦК Коммунистической партии Израиля Меира Вильнера, когда, разоблачая реакционную сущность антисоветских подстрекательств израильских сионистов, он открыто спрашивал клеветников:

«...По какому праву вы, кто все больше и больше превращается в послушных рабов американского империализма, вы, кто сохраняет тесные отношения дружбы с нацистами Кизингером, Глобке и другими, вы, кто даже сейчас сохраняет тесные связи с такими типами, как военный нацистский преступник Абс,— по какому праву вы клеветнически обвиняете евреев Советского Союза и советский режим, который спас миллионы евреев во всем мире, включая еврейское население Палестины, от опасности захвата и истребления нацистами? Советские евреи справедливо отвергают грубое подстрекательство, направленное против их Советской Родины, которая спасла их от белогвардейских погромов после Октябрьской революции и от полного истребления нацистами во время второй мировой войны, против Родины, которая предоставила им, как и всем советским гражданам, жизнь в условиях свободы и равенства и которая стала первым государством в мире, поставившим антисемитизм вне закона.

Подавляющее большинство еврейского рабочего класса никогда не были сионистами. Они принимали и принимают участие в революционных и прогрессивных движениях и считают социалистическое освобождение всего мира залогом освобождения евреев от антисемитизма и от опасности истребления.

И если то, чего вы добиваетесь, заключается в «освобождении» евреев Советского Союза от социализма, то вы бессильны что-либо сделать, не смогут этого сделать и те за океаном, на кого вы надеетесь».

Это строки из речи, которую товарищ Вильнер должен был произнести в израильском парламенте — кнессете. Однако сионисты заставили кнессет принять антисоветское, полное лживых вымыслов заявление без всяких дебатов. Коммунистический депутат Меир Вильнер слова не получил. Но коммунистическая партия опубликовала его непроизнесенную речь под точным и недвусмысленным заголовком «Антисоветское подстрекательство правительства — несчастье для нашего народа».

Большое несчастье для народа Израиля. И для евреев в других странах!

...И НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

По возрасту я уже, как говаривал Шолом-Алейхем, еду «с ярмарки».

Почему же я, далеко не молодой писатель, торопящийся осуществить скромные, но бесконечно дорогие творческие замыслы, отложил в сторону незавершенные пьесы и рассказы и счел своим непреложным долгом рассказать об увиденных в Бельгии и Голландии неприглядных деяниях сионистов? Почему в прошлом году я посчитал обязательным для себя опубликовать «Бывшие» — документальные записи о трагической судьбе бывших советских граждан, ввергнутых сионистами в пучину бедствий на «земле отцов» и бежавших без оглядки из сионистского «рая»?

Отвечаю искренне, не кривя душой, ничего не преувеличивая и не преуменьшая.

Вот уже более пяти десятков лет вижу я, какие неисчислимые несчастья приносят сионисты людям моей национальности. Еще подростком в двадцатых годах на Украине мне впервые привелось увидеть двуличие сионизма.

Я не забыл негодование Самуила Абрамовича Самосуда, с каким этот выдающийся дирижер рассказывал о контрреволюционной пропаганде сионистов Петрограда накануне Октябрьской революции.

Я не забыл сентябрьский день 1941 года под пылающей Вязьмой. Идет допрос пленного фашистского офицера, фанатичного гитлерюгендовца. Он исступленно выкрикивает геббельсовские лозунги об избранности немецкой нации, призванной к великой миссии — уничтожению презренных полулюдей — евреев. И с ужасом я различаю в воплях нациста перепевы на новый лад того, что слышал в далекой юности от винницких сионистов. Вспоминаются их заклинания о богоизбранной еврейской нации, призванной под бело-голубым знаменем пойти с мечом на всех недостойных, мешающих евреям объединиться на священной земле предков и тем самым спастись от неизбежного во всем мире антисемитизма. В ту самую пору, когда я слышал выкрики пленного гитлерюгендовца, в винницком гетто фашистские оккупанты зверски умертвили мою мать.

Я не забыл лета 1945 года в поверженном

Берлине. Мне показали обнаруженные в нацистских архивах документы, неоспоримо подтверждавшие сговор многих сионистских деятелей с гестаповцами. В центре гитлеровского рейха, оказывается, агенты сионизма договорились о вывозе на территорию будущего государства Израиль еврейской молодежи, прошедшей специальную подготовку в фашистской Германии. В этих операциях участвовали видные сионисты вроде будущего израильского премьера Эшкола. И в то же самое время, когда в гитлеровских концлагерях томились тысячи евреев, сионистские адвокаты выступали по заданию Геринга в европейских столицах с лекциями о том, как мирно уживаются немецкие евреи с нацистским режимом.

Я не забыл наглядных свидетельств предательства сионистских эмиссаров — Кастнера в Венгрии, Носсига в Польше, Мандлера в Чехословакии. Спасение нескольких сотен крупных богачей и нужных им в Палестине людей они оплатили гестаповцам кровавой ценой: уговорили не сопротивляться и «организованно» отправиться в газовые камеры десятки тысяч «рядовых» евреев. Документы об этих страшных сделках мне с негодованием показывали друзья в Будапеште, Варшаве, Праге.

Я не забыл взволнованного Льва Романовича Шейнина, замечательного писателя и криминалиста, по возвращении из Нюрнберга, где он был одним из советских обвинителей на процессе главных военных немецко-фашистских преступников. Встречавшийся за многие годы следственной практики с самыми циничными и изощренными преступлениями, Лев Романович был все же несказанно потрясен тем, что сионисты вели переговоры с гитлеровским командованием о поставках ему военного имущества. Да еще с непременным условием: это имущество должно быть обязательно использовано на Восточном фронте, то есть против Советской страны. Даже оговаривалось, что грузовые тягачи, например, будут оснащены цепями — тогда русские снега им будут нипочем.

Я не забыл недетскую печаль в глазах детишек, увезенных с насиженных мест в Израиль. Поверившие сионистской пропаганде либо сладко возмечтавшие о свободном предпринимательстве по западному образцу в стране, где власть в руках сионистов, родители лишили этих детей детства. Да и сами они в положении бывших граждан своей страны тоскливо и бесперспективно смотрят на дальнейшую свою жизнь. Где бы ни встречал я беженцев из сионистского рая, их неизбывная грусть и горькие сетования неизменно воскрешали в моем сознании глубоко душевную и поистине человечную мысль Михаила Светлова, выходца из беднядкой еврейской семьи в царской черте оседлости, чей большой поэтический талант был спасен и вызван к жизни исключительно нашим советским строем:

«Разве есть граница между деревом и почвой, на которой оно растет?..»

Великолепной актрисе, жемчужине еврейской сцены Эстер Каминьской, задумавшей было осесть в Израиле, но с трудом выдержавшей там несколько месяцев, вероятно, незнакомы эти слова Михаила Светлова. Но травимая на старости лет сионистами за «измену Израилю», Каминьская нашла в себе мужество честно написать своим друзьям в Варшаву:

«Дерево нельзя пересаживать на чужую для него почву».

А сионисты пересаживают. И даже насильственно.

Я не забыл и никогда не забуду еще многих, очень многих сионистских злодеяний. Не в силах забыть!

Так имею ли я нравственное право умолчать о воинственных и глубоко античеловечных планах сегодняшнего международного сионизма, о недобрых сионистских делах, воочию увиденных мной в поездке по странам Бенилюкса! Нацеленные против мира на планете, против разрядки напряженности, планы и дела «двойных» несут новые горести, новые беды людям моей национальности.

Я обязан, следовательно, опубликовать свои записки, тем более что в этой поездке сумел увидеть лишь небольшую толику того, о чем непременно следует рассказать во весь голос всем, кто справедливо, от чистого сердца не проводит знака равенства между сионистами и евреями.

В СВЕТЕ ПАМЯТИ

Мы не сможем жить спокойно, если хоть на миг забудем, как дорого стоили нам покой и мирный труд,— мысль эта в новой повести Георгия Маркова «Завещание» звучит ненавязчиво, но именно она легла в основу произведения. Цитирую из последней, восемнадцатой, главы, счастливо развязавшей все сюжетные узлы: «...С одной стороны, радостно, что не забыты имена дорогих людей, мечтавших о пробуждении нашего таежного края, а с другой — подумаю, что их нет, что легли они в землю в расцвете своих молодых сил, и боль схватывает сердце до крика. Живи они нынче, вместе с нами, сколько бы работы подняли на своих плечах, сколько бы добра принесли людям!.. Ведь они приняли смерть за всех нас, и пули, которые пронзили их, летели в меня, в тебя, в него...»

Отставной полковник, инвалид Отечественной войны Михаил Нестеров исполнил последнюю волю своего боевого друга Степана Кольцова — нашел следы экспедиции инженера-золотоискателя Тульчевского, добился прямо-таки сказочных результатов: оказалось, что земля, пройденная когда-то Тульчевским, таит в своих недрах залежи едва ли не всех элементов менделеевской таблицы; еще бóльшая драгоценность на пути Нестерова — люди, населяющие щедрую сибирскую землю. Здесь герой находит счастье любви и понимания с полуслова. И зарождается новая жизнь... Только нет в этом неожиданном счастье безоблачности, безоглядной, сияющей радости. Едва повествование подступает в своих мажорных тонах к «крещендо», вспыхивает мрачная молния, и в ее свете на мгновение встают перед глазами героя мужики из Пихтовки, полегшие в Сталинграде, школьный учитель Степан Кольцов, павший в одном из последних боев! И мало отомстить врагу за безвинно пролитую кровь. Оставшиеся в живых не могут, не имеют права жить со спокойной совестью, вспоминать о погибших, не завершив их дел на земле. Для героя повести Г. Маркова нет и не может быть иной формы существования, как исполнение завета фронтового товарища.

«Придерживая бумажник протезом, он извлек из него бережно сложенный вчетверо лист бумаги, развернул, разгладил ладонью по столу: — «Если одному из нас придется погибнуть в битве с врагом,— приглушенным голосом, отчетливо произнося каждое слово, начал читать Нестеров,— то другой во имя нашей боевой дружбы никогда не забудет о своем долге перед памятью погибшего, перед будущим его родных и близких...».

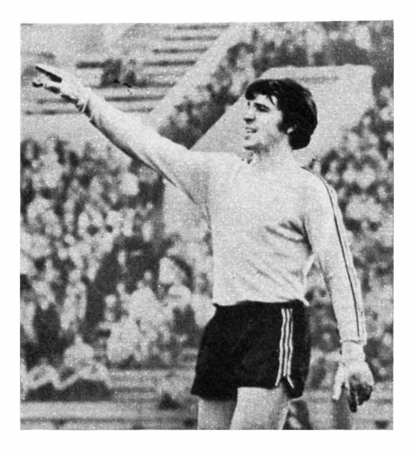
Нестеров во всем следует этой «Клятве дружбы», написанной между кровопролитными боями.

Ему удалось разыскать в подтверждение версии Степана Кольцова затерявшиеся следы геологической экспедиции; он сумел проникнуть в тот глухой край, где нашла она признаки золота и ртути, убедиться, что Тульчевский на самом деле вскрыл залежи различных полезных ископаемых. Но вот «пробить» открытие... Писатель ставит вопросы, волнующие каждого человека, вовлеченного в социалистическое производство: как это получается, что едва ли не главным препятствием специалиста является порой не «сопротивление материала», а сопротивление людей, от «да» и «нет» которых зависит исход дела и которым сказать «нет» почему-то спокойнее и легче? Почему даже простое дело приходится решать в самой высокой инстанции? Ведь трудно сказать, как бы еще долго и терпеливо пришлось Нестерову добиваться разработки найденных месторождений, не случись в районе партконференции, на которой присутствовал первый секретарь обкома. Но характер героя — крепкий, упорный; чувство солдатского долга, ставшее психологическим стержнем полковника Нестерова, убеждает: он сумел бы преодолеть любые препятствия.

Георгий Марков. Завещание. «Знамя» № 9, 1975.

М. ХОЛМОГОРОВ

КУБОК «ОГОНЬКА» У А. ПРОХОРОВА

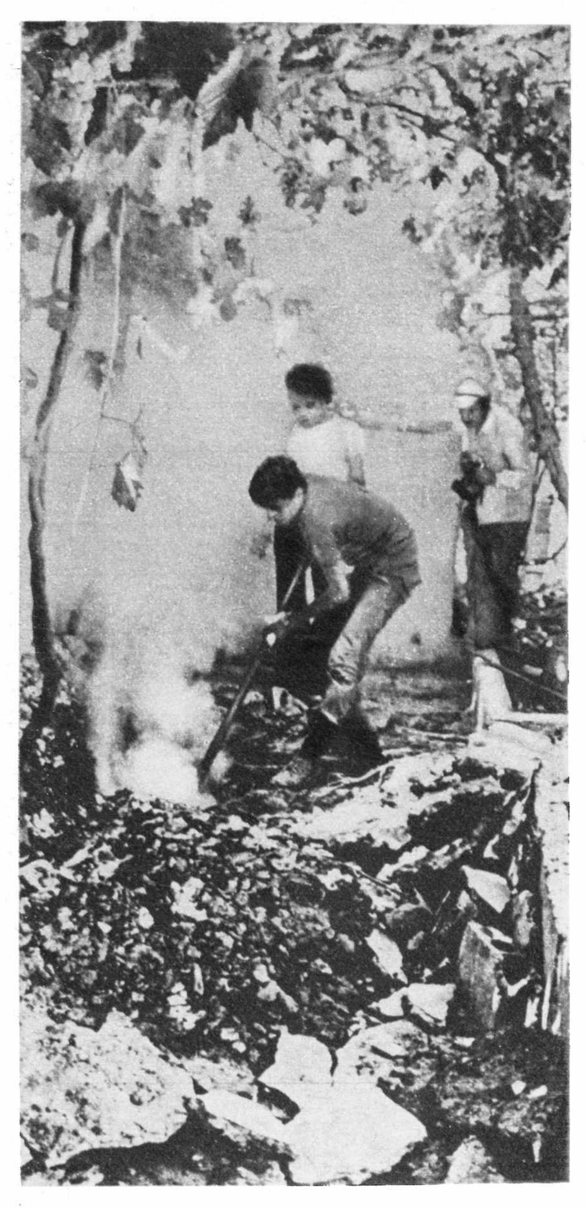

В шестнадцатый раз вручает редакция журнала «Огонек» свой приз лучшему футбольному вратарю сезона.

Учрежденный в 1960 году, Кубок «Огонька» стал желанным спортивным трофеем для каждого стража ворот из команд высшей лиги. Трижды огоньковский приз вручался Льву Яшину и Евгению Рудакову, дважды — Виктору Банникову и Анзору Кавазашвили, нашими лауреатами являлись такие известные вратари, как Владимир Маслаченко, Сергей Котрикадзе, Юрий Пшеничников, Владимир Пильгуй и Александр Прохоров.

В нынешнем году на приз «Огонька» претендовало несколько равноценных вратарей, показавших свое мастерство в особо трудных для них условиях, когда они не всегда могли рассчитывать на безошибочную поддержку своих товарищей, но, учитывая ровную игру Александра Прохорова на протяжении трех сезонов подряд, редакция решила во второй раз вручить Кубок ему.

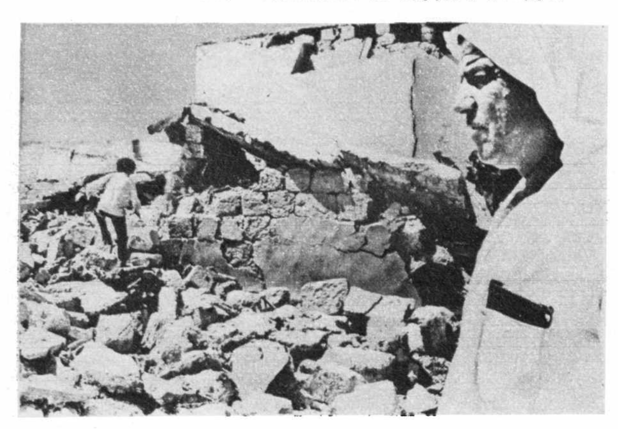
Фото Ю. Моргулиса.

НОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ АГРЕССОРОВ

Варварские налеты израильской авиации на лагеря палестинских беженцев и мирные селения на севере и юге Ливана вызывают гневное осуждение мировой общественности. Как сообщил на заседании Совета Безопасности ООН в Нью-Йорке представитель Организации освобождения Палестины при ООН Б. Акль, 2 декабря в результате неспровоцированного варварского нападения израильской военной авиации на лагеря палестинских беженцев и мирные ливанские селения погибло свыше 100 и было ранено около 160 человек. В последующие дни израильтяне подвергали артиллерийскому обстрелу южные районы Ливана. Военные самолеты агрессора совершали одновременно облет городов и населенных пунктов страны. Арабская печать отмечает, что эти действия являются лишь началом цепи военных акций Израиля в целях нагнетания напряженности.

На снимках: после очередного налета.
Фото «Фалястын ас-Саура», Бейрут.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПАСЬЯНС БЕЗ ОТВЕТА

Е. ГРИГОРЬЕВ

В большом кризисном пасьянсе, который то и дело раскладывают на Западе, одиночные «тузы» явно не вызывают былых упований. В ход чаще всего идут такие «карты», как «девятка» (ЕЭС) или «десятка» (группа стран, занимающих ведущие позиции в валютно-финансовой области). Если следовать по возрастающей, то имеется и так называемая «группа 20» Международного валютного фонда. Недавно немало комментариев вызвала еще одна комбинация — так сказать, «неошестерка». Имеется в виду состоявшееся в замке Рамбуйе близ Парижа совещание на высшем уровне шести крупнейших индустриальных стран капитала — США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Японии.

Вся эта порой лихорадочная политическая деятельность вращается в последнее время вокруг экономических проблем. Это само по себе свидетельствует о серьезности ситуации, переживаемой Западом. Кризис расползся, как опухоль, по всему капиталистическому миру. Он вошел в повседневную жизнь его стран, обернулся свертыванием производства, безудержной инфляцией, появлением огромной армии «лишних людей».

Неутешительны предновогодние прогнозы на будущее. В Голландии сейчас объявлено о полном замораживании роста зарплаты на 1976 год, о резком сокращении ассигнований на здравоохранение, образование, культуру и т. д. Конъюнктурный обзор экономического совета Дании предсказывает, что дефицит платежного баланса страны в следующем году достигнет 5 миллиардов крон против двух в текущем году, что безработица сохранится на высоком уровне. Англию, сообщает «Экономик ревью», ждут два мрачных года, которые пройдут под знаком широкой безработицы, сильной инфляции...

Да, политическим капитанам Запада есть что обсуждать. Сейчас ясно, что кризис не эпизод, не временное явление, а длительное состояние. О серьезности и глубине экономических и социальных потрясений, которыми охвачены их страны, говорилось недавно в Риме, где собирались верхи «девятки». Несколько ранее — в Рамбуйе, где совещались главы правительств шести ведущих промышленных государств Запада.

Соединенные Штаты, Англию, ФРГ, Францию, Италию и Японию привела за один стол в Рамбуйе именно вот такая «жизнь» плюс логика капиталистической солидарности. С этой точки зрения там была предпринята, несомненно, серьезная попытка наметить согласованные если не пути, так поиски выхода из кризиса, смягчения его сильнейших ударов. Совещание происходило за закрытыми дверями. Утверждают, что его участникам удалось сблизить позиции по некоторым вопросам. Отдавая дань настроениям общественности и духу времени, они упомянули в своей декларации о необходимости практического сотрудничества с социалистическими странами. Опубликованный после трехдневных переговоров в Рамбуйе документ вообще стремился сохранять деловую тональность, чтобы хоть этим подтвердить серьезность объявленных намерений.

Но случайно ли практическая ценность итогов Рамбуйе подвергнута большинством западных комментаторов сомнению? Участники встречи заявили, что они собираются бороться против инфляции, за увеличение занятости. Но в документе никто не найдет указаний на то, какие конкретные меры предполагается предпринять для достижения этих целей. Поэтому пресса охарактеризовала декларацию как документ весьма «расплывчатого» содержания.

Римская встреча «девятки» тоже не ознаменовалась разработкой конкретных рецептов исцеления экономических недугов. Политические стремления — одно, реальные условия — другое. Остается фактом, что острота кризиса экономического, валютно-финансового, острота инфляции, безработицы нисколько не снята, какие бы совещания на Западе ни проводились. Несмотря на декларации согласия, объективные условия системы капитала сохраняют валютно-финансовые и торгово-экономические противоречия между этими странами. Положение экономики капиталистического мира напоминает собой заколдованный круг.

Как быть? Над этим вопросом продолжают ломать головы политики, экономисты, совещания разного рода и на разных уровнях. Но сейчас, на пороге 1976 года, так и нет конкретных рецептов. Раскладываемые пасьянсы остаются без ответа. Впрочем, даже сам метод поисков в составе то одной, то другой замкнутой группы порождает закономерное недовольство и подозрение у немалого числа самих западных стран, опасающихся — особенно если это малые страны — экономического диктата со стороны наиболее мощных промышленно развитых государств капиталистической части планеты. Но политика диктата в конечном итоге в наше время бесперспективна. Она неуместна в современном мире. Ведь нетрудно понять, что решение мировых экономических проблем ныне возможно лишь на путях широкого и равноправного международного сотрудничества, с учетом интересов всех государств — причем не на словах, а на деле.

Фельетон

Пешком на небо

Мы, нижеподписавшиеся, члены Союза журналистов, много лет выступающие в центральной прессе, выражаем самые серьезные опасения, что этот наш фельетон будет последним.

Дело в том, что один из нас отправился однажды в трест Рослифтремонт. Задание было самое безобидное: проверить имевшиеся факты неудовлетворительной работы лифтов в жилых и административных зданиях некоторых городов.

Но на этот раз журналист попал в волчий капкан зажимщиков критики.

— Документ! — потребовал заместитель управляющего трестом В. В. Медведев.

Что ж, проверять — это его право. Был предъявлен членский билет Союза журналистов. Заместитель управляющего долго вертел книжицу и вдруг объявил:

— Билет недействителен! Фото какое-то неопределенное.

Он посмотрел на представителя прессы с подозрением: нет ли на нем парика или маски? Но лицо журналиста отражало одну только любознательность.

— А бумажка где, бумажка? Без письменного задания редакции я с вами разговаривать не буду!

— В следующий раз приду к вам со специальным заданием.

Но тут В. В. Медведев решился на шаг, выходящий за рамки всякого приличия. Он ...вызвал милицию. Случай беспримерный! Явились два милиционера и члена Союза журналистов отконвоировали в отделение. Но там оказались люди благоразумные и не без юмора. Проверив документы, один из офицеров милиции улыбнулся и, заметив: «Здорово они там напугались!» — отпустил «преступника» на все четыре стороны. А журналист, запасшись бумагой из редакции, направился все в ту же сторону: в Рослифтремонт. На этот раз его принял другой заместитель управляющего, С. С. Плахтий. Тщательно изучив верительные грамоты, он спросил:

— А почему не перечислены вопросы, которые вы будете мне задавать?

Вопрос же был один:

— Есть ли жалобы на плохую работу лифтов?

Ответ последовал такой:

— Жалобы? Ни одной! Мы работаем на уровне мировых стандартов! Запасными частями обеспечены.

— И жильцы так считают?

— Это уж слишком! Смотрите, если что-нибудь напишете, мы на вас в суд подадим!

— Так и можно записать?

— Записывайте!

Нам угрожают судом. А пока суд да дело, заместители управляющего, объединившись, посылают в редакцию письмо, чернящее журналиста. Расчет прост: оградить себя от критики в печати.

Удивительно то, что сам управляющий трестом Б. Ф. Скрипка не увидел в поступках своих заместителей ничего предосудительного. Более того, он пояснил, что вступать в беседы с журналистами им запретил начальник главного жилищного управления Министерства коммунального хозяйства РСФСР А. М. Курбанов-Осипов. Кстати, при свидании с ним он после колебаний отрекся от этого утверждения.

Итак, в Рослифтремонте мы ничего не добились. Тогда мы отправились в разные города. Там убедились, что дело обстоит далеко не так благополучно, как рисовали нам работники Рослифтремонта. Многие лифты работают из рук (или из ног, что ли?) вон плохо. Какие уж там мировые стандарты!

...Живущая в городе Ярославле на Ленинградской улице, в доме № 95, рабочая завода синтетического каучука Попова сказала нам:

— Когда возвращаешься домой после вечерней смены, приходится на двенадцатый этаж идти пешком.

Свидетельство Светланы Барбашиновой из квартиры № 80:

— Утром лифт включается только в семь тридцать, а нам надо до работы ребенка в детский садик отвести. Вот и приходится все двенадцать этажей тащить его на себе.

Заглядываем в девятиэтажный дом № 93. Хозяйка одной квартиры Алексеева жалуется:

— Лифт у нас работает с шести тридцати и до одиннадцати вечера. Муж — шлифовщик на моторном заводе, за вечернюю смену намается, потом пешком на девятый этаж тащится. Однажды лифт стал. Взялись ремонтировать, так он почти месяц простоял.

В том же Ярославле, в гостинице «Юбилейная», администратор В. Н. Линкина, когда мы чуточку запоздали, объявила:

— По распоряжению директора Н. В. Малашенко лифты выключаются ровно в полночь. Опоздали — идите пешком.

Пешком нам пришлось подниматься по лестнице и днем в гостинице «Полисть» в городе Старая Русса. Тут по распоряжению директора Е. И. Нестеровой лифт выключается не только ночью, но и днем... с одиннадцати утра до семнадцати.

Побывали мы и в Новгороде на улице Десятинной, в доме № 8. Вот что рассказала С. Сабельникова:

— Лифты портятся часто. Ремонтируют плохо. Сегодня починят, а завтра опять вызываем слесарей. Случается, месяцами простаивают.

А что по этому поводу думают в Северлифтремонте? Сие учреждение обслуживает северные города. Электромеханик Северлифтремонта Э. В. Кирбай, почесав в потылице, молвил:

— Отчего лифты портятся? Гм... А кто его знает!

Что скажут в Новгородском облисполкоме? А тут лифты тоже то и дело застревают. Вот что говорит секретарь облздравотдела Сытова:

— Лифт портится часто, особенно по утрам, когда сотрудники на работу спешат.

Последний штрих к этой картине добавила администратор гостиницы «Садко» З. А. Валуцкая:

— Город наш, как всем известно, старинный. Много туристов приезжают полюбоваться знаменитыми соборами. Мы должны их хорошо устроить и обслужить. А лифты в нашей гостинице почти ежедневно выходят из строя.

Не ахти как обстоит дело и в Куйбышеве, где, по признанию исполняющего обязанности главного инженера Средневолжского лифтремонта А. П. Караулова, почти во всех жилых зданиях лифты работают до двенадцати, а то и до одиннадцати часов вечера.

В это же самое время...

Впрочем, довольно! Читатель и сам может назвать многие города, где высятся девяти- и более этажные дома и где ровно в 24.00 выключаются лифты. Читателям и самим, вероятно, приходилось возмущаться по поводу работы лифтов. Только и они, как наши герои, не знали, кому адресовать жалобы.

Так вот, на этот счет мы и хотим просветить их, сообщить, так сказать, адрес. Вот он: Министерство коммунального хозяйства РСФСР. Это оно в 1969 году выпустило инструкцию по технической эксплуатации лифтов, обязательную для жилищных, ремонтно-строительных и коммунальных организаций. В этом произведении есть такой пункт: «Рекомендуется следующий порядок эксплуатации лифтов: в зданиях до девятого этажа включать лифты с семи утра до 24 часов ежедневно. В зданиях выше 9 этажей — круглые сутки».

Откуда такая жестокость? Почему на девятый этаж после полуночи обязательно подниматься пешком? Кстати, во многих городах местные власти как бы не замечают этажей выше девятого, и в полночь в этих домах лифты тоже выключаются.

А теперь авторы хотят внести рацпредложение, которое в корне облегчит жизнь руководителям Рослифтремонта. Берется, скажем, двадцатиэтажный дом и ставится не на попа, а горизонтально. И лифты совсем не нужны!

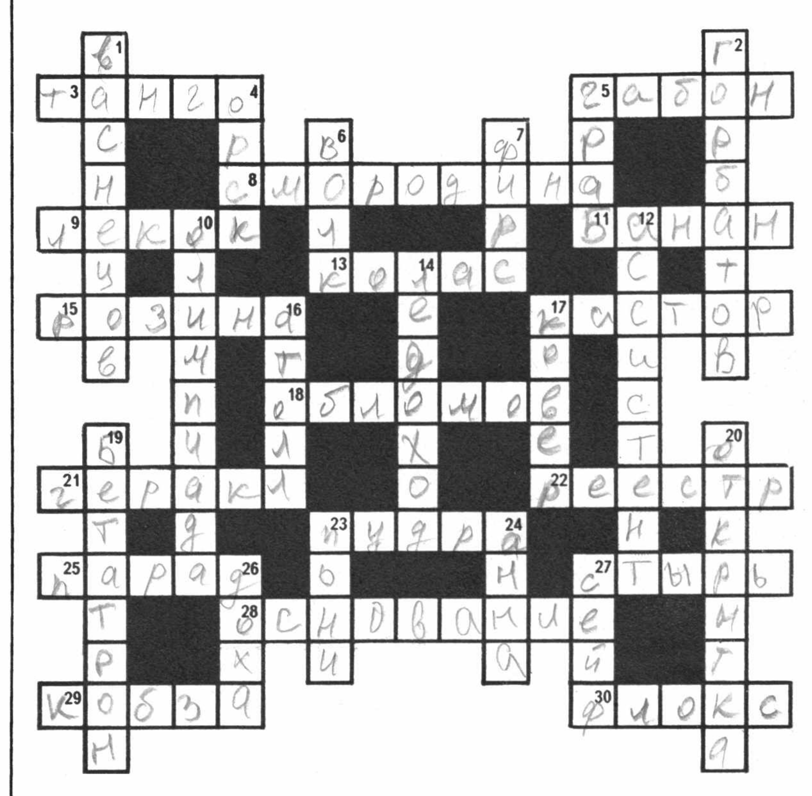
Сейчас мы не без интереса ждем суда, которым нам пригрозили. Мы уверены, что свидетелями на нашей стороне будут многие обитатели домов, где неисправно работают лифты.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ,
Г. ДРЕВНОВСКАЯ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Танец. 5. Государство в Центральной Африке. 8. Ягода. 9. Французский композитор, автор оперетт. 11. Тропическое растение. 13. Народный поэт Белоруссии. 15. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 17. Яркая звезда в созвездии Близнецов. 18. Роман И. А. Гончарова. 21. Герой древнегреческой мифологии. 22. Опись, перечень. 23. Предмет косметики. 25. Торжественный смотр войск. 27. Приток Припяти. 28. Сторона геометрической фигуры, перпендикулярная высоте. 29. Щипковый инструмент. 30. Цветок.

По вертикали: 1. Русский художник-передвижник. 2. Советский писатель. 4. Город в Оренбургской области. 5. Лиственное дерево или кустарник семейства березовых. 6. Хищное животное. 7. Персонаж комедии А. П. Чехова «Вишневый сад». 10. Массовые спортивные соревнования. 12. Помощник специалиста. 14. Рассказ М. Горького. 16. Коралловый остров. 17. Художественное текстильное изделие. 19. Циклический индукционный ускоритель заряженных частиц. 20. Почтовое отправление. 23. Лошадь малорослой породы. 24. Индийская разменная монета. 26. Меховая шуба. 27. Несгораемый шкаф.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 7. Серебро. 8. Сусанин. 11. Афалина. 12. Крекинг. 13. Калидаса. 14. Шахта. 16. Пачка. 17. Бирюса. 18. Микенас. 19. Омшаник. 21. «Фатима». 23. Финал. 25. Рупия. 27. Византия. 29. Обочина. 30. Селигер. 31. Чигорин. 32. «Энергия».

По вертикали: 1. Аметист. 2. Планета. 3. Деканат. 4. «Ермак». 5. Дудка. 6. «Кирилка». 9. Беллинсгаузен. 10. Трансформатор. 15. Арсенал. 16. Пифагор. 20. Синоним. 22. Пингвин. 24. Аризона. 26. Углерод. 27. Ватин. 28. Ясень.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек во время проводов в Варшаве 10 декабря.

Фото С. Смирнова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимний лес.

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/XII — 75 г. А 00694. Подп. к печ. 16/XII — 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2943. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1464.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ВЕСОМАЯ НЕВЕСОМОСТЬ

Что такое батут! Туго натянутая, упругая сетка, с помощью которой спортсмен может совершать пятиметровые прыжки, как бы прорываясь в мир невесомости. Можно ответить так. Можно вспомнить, что не так давно батут был всего лишь вспомогательным снарядом в тренировке акробатов, а потом его взяли на вооружение космонавты. Но в бурной, яркой истории батута те времена давно уже отошли в область истории. Правда, батут и сегодня щедро помогает и акробатам, и прыгунам в воду, и гимнастам. И сегодня его широко используют для подготовки к полетам летчики и космонавты. Но теперь в спортивном словаре появилось новое слово — «батутист». Так называют представителей спорта, сочетающего в себе и акробатику, и гимнастику, и прыжки, совершенно самостоятельного спорта, со своим календарем соревнований, со своими чемпионами. И это очень увлекательный вид спорта, который привлекает все большее число зрителей. А шефство над «новичком» взяли космонавты. Председателем Всесоюзной федерации прыжков на батуте является летчик-космонавт, Герой Советского Союза Герман Титов. И одним из самых популярных международных соревнований стал мемориал имени летчика-космонавта СССР Г. Т. Добровольского.

Теперь прыжки на батуте включены в международный календарь на самом высоком уровне. На юношеском первенстве Европы 1974 года в Копенгагене успешно выступили советские спортсмены, завоевав почти все золотые медали, и в успехе сборной немалой была роль краснодарских батутистов, учеников заслуженного тренера РСФСР Виталия Дубко. На чемпионате Европы 1975 года в Базеле советские батутисты выступили еще успешнее. Евгений Янес, ученик Дубко, завоевал золотую медаль, а другой

Взметнулись косички.

Виталий Дубко на тренировке.

Ученики Виталия Дубко — Татьяна Янес, Александр Безуглый, Сергей Эпельбаум, Евгений Яковенко.

Первый прыжок.

краснодарец, Евгений Яковенко, выиграл две золотые медали и стал абсолютным чемпионом Европы.

Мы попросили Виталия Федоровича Дубко рассказать о прыжках на батуте и краснодарских прыгунах.

— Когда в 1960 году я пришел в краснодарскую школу № 52 преподавателем физического воспитания, то занимался не прыжками на батуте, а акробатикой. Я и сам выступал на соревнованиях и мечтал передать свои знания ученикам. В школе я сформировал три группы акробатов, около 80 человек. Этот спорт вызвал большой интерес среди ребят, но прошел не год и не два, пока мне удалось подготовить такого выдающегося спортсмена, как Сергей Альбридзео, ставшего чемпионом страны среди юношей в акробатических прыжках на дорожке.

В 1965 году в нашей школе появился первый батут и очень скоро превратился из подсобного тренировочного снаряда в поле нашей спортивной деятельности. Многие мои ученики-акробаты стали батутистами. И вот что интересно: уже среди ребят первого призыва выросли прекрасные мастера, такие, как Геннадий Журавлев, Наталия Янес-старшая — сестра моего именитого питомца Евгения Янеса, который в восемнадцать лет завоевал первенство страны, стал обладателем международного кубка памяти летчика-космонавта Г. Т. Добровольского.

Директор школы № 52 Мария Петровна Колюжная оказала нам всемерную помощь. Я с огромной благодарностью всегда вспоминаю этого прекрасного педагога, отлично понимающего, какую большую роль может сыграть спорт в воспитательной работе. Да, очень весома роль спорта в сложном процессе воспитания молодежи, хоть, на взгляд многих, спорт — это всего лишь игра, забава. И вот эта забава помогла нам превратить одну из обычных краснодарских школ в большой спортивный центр, где выросло много прекрасных батутистов страны — ловких, бесстрашных, в совершенстве владеющих своим телом.

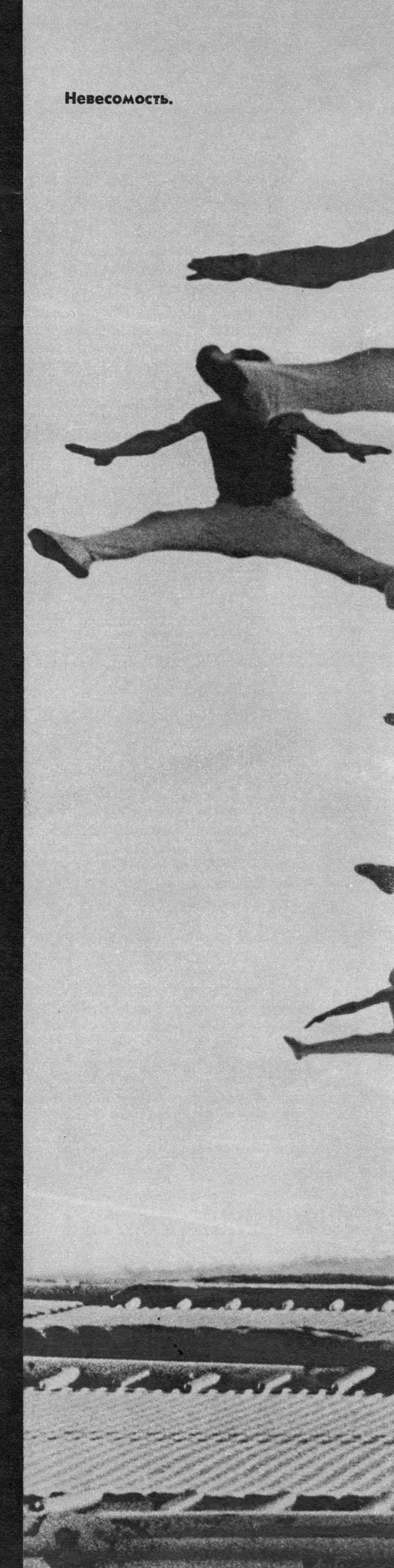
Когда в 1966 году я перешел на работу в школу высшего спортивного мастерства, то там стал уже готовить не акробатов, а батутистов. У меня занимаются две сестры Янес — Наташа и Татьяна, их брат Евгений, Людмила Немежан, Сергей Эпельбаум, а рядом с ними тренируется новое поколение батутистов, о которых мы услышим в ближайшем будущем.

Теперь школы прыжков на батуте появились не только в Краснодаре, но и в других городах нашего края, и там тренерами работают мои первые ученики.

В будущем году сборная команда страны намерена впервые выступить на чемпионате мира, который состоится в США, и я очень надеюсь на успех своих питомцев, в первую очередь Евгения Янеса.

Прыжки на батуте — это спорт будущего, как сказал председатель Всесоюзной федерации прыжков на батуте летчик-космонавт Герман Титов. Радостно трудиться для этого будущего.

Невесомость.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663